

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Только
в университете
есть возможность
каждому войти
в круг мирового
знания во всем
его величии...

А. Введенский

Тезисы докладов
участников международной
научной конференции

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
Таврическая академия
Факультет славянской филологии и журналистики
Научно-методический центр полилингвального образования
Лаборатория когнитивных и стратегических коммуникаций

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Тезисы докладов участников
международной научной конференции

Симферополь 2019

УДК 80:316.77
ББК 71.01
М 436

*Рекомендовано к изданию
Решением Учёного совета факультета славянской филологии
и журналистики Таврической академии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
(протокол № 3 от 12 марта 2019 г.)*

Редакционная коллегия:

Г. Ю. Богданович, доктор филологических наук,
профессор (ответственный редактор)
О. Е. Павловская, доктор филологических наук, профессор
Л. Н. Синельникова, доктор филологических наук, профессор
А. Г. Шилина, доктор филологических наук, профессор
Л. Г. Егорова, кандидат филологических наук, доцент

Рецензенты:

Т. А. Яценко, доктор филологических наук, профессор
В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор

Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: тезисы
М 436 докладов участников международной научной конференции / отв. ред.
Г. Ю. Богданович. – Симферополь : КФУ имени В. И. Вернадского, 2019. – 293 с.

В сборнике представлены тезисы докладов участников международной научной конференции «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном мире». Рассматриваются актуальные проблемы языкознания, лингвокультурологии, этнолингвистики, медиаграмотности, коммуникативных технологий, методики преподавания славянских языков, межкультурной коммуникации, журналистики, а также вопросы изучения языковой картины мира, русской литературы и др.

Для научных работников, преподавателей, молодых исследователей филологических специальностей и всех интересующихся вопросами русского языка и литературы.

Материалы публикуются в авторской редакции. Авторы несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, за полноту и достоверность изложенных фактов и положений, цитат и статистических данных и иных сведений. Редакция не всегда разделяет взгляды авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

1. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Базылев В. Н.

ЕДИНЫЙ РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ РЕЖИМ РОССИЙСКОГО ВУЗА В СВЕТЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....15

Голикова Т. А.

СЛОВАРЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ВОПРОСЫ
ВАРИАТИВНОСТИ И ФИКСАЦИИ НОВЕЙШИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ.....17

Евтихова И. М., Стоянович В. В.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ.....19

Ким Д. А.

РОЛЬ КОННОТАЦИИ В СУДЬБЕ СОВЕТИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....21

Муратова Е. Ю.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....23

Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ.....25

2. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Бришкар А. А.

КАТЕГОРИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ/ЭКСПЛИЦИТНОСТИ В МЕДИАТЕКСТАХ
О ФАКУЛЬТЕТЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ.....28

<i>Воронцова-Маралина А. А.</i>	
«В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО»: СОЗДАНИЕ МОДЕЛЕЙ СОВЕРШЕННОГО ЯЗЫКА КАК ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	30
<i>Елизарова О. О.</i>	
РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	32
<i>Забашта Р. В.</i>	
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ С КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ ‘КРЫМ’ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ.....	34
<i>Коновалова Е. А.</i>	
АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ НЕОЛОГИЗМА «КРЫМСКИЙ МОСТ» (МАТЕРИАЛЫ К ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМУ СЛОВАРИЮ).....	37
<i>Малярчук-Прошина У. О.</i>	
ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ВЕДОМОСТИ»).....	40
<i>Москаленко М. Р., Юдин И. В., Вовк М. В.</i>	
ОТРАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ ИЛИ ОТТОРЖЕНИЕ ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ?.....	44
<i>Мосъпан С. А.</i>	
ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ XVIII – XX ВЕКОВ).....	46
<i>Нелова О. И.</i>	
ИНТОЛЕРАНТНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЁ ПРИЗНАКИ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА.....	48
<i>Никифорова О. В.</i>	
ДИАЛЕКТНАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАИМЕНОВАНИЙ ОБРЯДОВОЙ ОДЕЖДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРОВ).....	52
<i>Паникина О. И.</i>	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СЛОВА «ДЕНЬ»	54
<i>Полежаева С. С.</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ.....	56

Чибирева Е. И.

СПЕЦИФИКА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В «НЕАПОЛИТАНСКОМ КВАРТЕТЕ» ЭЛЕНА ФЕРРАНТЕ.....	58
--	----

3. РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Алиева В. Н., Трушина А. О.

СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВА «КРАСНЫЙ» В ИДИОСТИЛЕ А. А. БЛОКА.....	61
---	----

Алиева В. Н.

ЦВЕТОВЫЕ ЛЕКСЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ГУМИЛЁВА.....	63
---	----

Ачилова Е. Л., Ачилова В. П.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОПРИАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ Н. НОСОВА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ И ЕГО ДРУЗЕЙ»).....	65
---	----

Дзюба Е. В.

ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ КАК ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	68
---	----

Кондратьева Т. С., Назарова И. П.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СФЕРЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ).....	71
---	----

Мартынюк А. Я.

ОНОМАСТИКОН КРЫМА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	73
---	----

Матиив Т. З.

СОЦИАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И СЕМАНТИКА.....	75
--	----

Михайлишина А. Ю.

«ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКИХ ТИТРОВ К СЕРИАЛУ «ПЕС»).....	78
--	----

Мочалова Н. Ю.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ.....	80
---	----

Хасанова М. С.

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....82

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Бакуменко Г. В.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ РЯД КОНЦЕПТА «УСПЕХ».....86

Бедулина Г. Ф.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ БИЛИНГВИЗМА
НА КОММУНИКАТИВНУЮ КУЛЬТУРУ БЕЛОРУССКИХ ШКОЛЬНИКОВ.....88

Валеева Л. В., Дёминова М. С.

КЛЮЧЕВАЯ МЕТАФОРА «ВОЙНА» В СОВРЕМЕННОМ ПРОГНОСТИЧЕСКОМ
ТЕКСТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.....90

Гладкова Е. С.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИМИДЖА ВУЗА В ПЕЧАТНЫХ И
ИНТЕРНЕТ-СМИ РОССИИ И УКРАИНЫ.....92

Давыдкина А. С.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО.....94

Ерина Т. Ф., Уварова И. В.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ /
НЕПЕРЕВОДИМОСТИ.....96

Каневская С. Г.

МЕДИАОБРАЗ КАФЕДРЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И
ЖУРНАЛИСТИКИ КФУ ИМ. В.И.ВЕРНАДСКОГО.....98

Литвинчук И. Н.

КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ВОСТОК» И «ЗАПАД» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
АССОЦИАТИВНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ.....100

Лушникова Г. И.	
КОДИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭНДРЮ ГРИЛИ).....	102
Осадчая Т. Ю.	
ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	104
Пономаренко И. Н., Коврыгина Ю. В.	
КОЛОРИЗМЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ).....	106
Прудникова Т. И.	
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ ВО ФРАЗЕОСИСТЕМЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА.....	108
Синельникова Л. Н.	
О СИНЕРГИИ КУЛЬТУРОГЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ	110
Сурган М. А.	
ИРОНИЯ И САРКАЗМ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ.....	112
Тараканова Е.К., Томина С.П.	
РОЛЬ ПЕРИОДА С УСЛОВНОЙ СЕМАНТИКОЙ В СИНТАКСИЧЕСКОМ ПОСТРОЕНИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.....	115
Теуш О. А.	
НАИМЕНОВАНИЯ КУСТАРНИКА В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ.....	117
Хорошилова Л. Г., Малий А. О.	
НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТОВ.....	121
Чернобривец С. Г.	
РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИИ В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА.....	123

Щербачук Л. Ф.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КВАНТИФИКАТОРЫ В СОСТАВЕ РУССКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	126
--	-----

**5. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ
ОБРАЗОВАНИИ. ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЕЙШИЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Ганчар Н. П.

ВОВЛЕЧЕНИЕ УЧАЩИХСЯ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПРИ ПОМОЩИ ТЕХНОЛОГИИ QR-КОДИРОВАНИЯ.....	129
--	-----

Диброва С. М., Забело И. В., Матюхин А. Н., Митрохина Л. М.

ВИЗУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ЯВЛЕНИЕ.....	131
---	-----

Лях В. И., Лагутина О. С.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	133
---	-----

Майгур Н. В., Корепанов Д. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕСНИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	135
--	-----

Павловская О. Е.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ INSTAGRAM КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ МИССИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....	137
--	-----

Рудницкая Л. И.

ПРЕОДОЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОГРЕШНОСТЕЙ В РЕЧИ КРЫМСКИХ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ РЕЧИ.....	139
--	-----

Харькова А. А.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ).....	142
--	-----

**6. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА И МЕДИАГРАМОТНОСТЬ.
ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Ачилова Е. Л., Регушевская И. А.

ЛЕКСИКА ПЕЧАТНЫХ СМИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ 2017–2018 ГГ.).....144

Володченко О. Н.

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ.....146

Дзына А. В.

ТАВТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ И.П. + ИМЯ
СОБСТВЕННОЕ Т.П.» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....149

Егорова Л. Г.

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ.....151

Ефанов А.А.

ПОВЫШЕНИЕ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕМЕДИЙНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ.....153

Жуков Д. Ю.

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ВИДЕОПРОДУКТА ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОГО
ТЕЛЕКАНАЛА.....155

Кондратская В. Л.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ
В ОБЛАСТИ PR И КОММУНИКАЦИЙ.....157

Пономаренко И. Н.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В. МАЯКОВСКОГО.....160

Потапенко Г. В.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФОТОГРАФИИ.....162

Прадиб О. Ю.

РЕКЛАМА ИЛИ ИНФОРМАЦИЯ: ВОПРОС КВАЛИФИКАЦИИ.....164

<i>Рындыч А. В.</i>	
РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КРЫМСКИХ СМИ: ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	166

<i>Трофимов А. Ю.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ В СМИ УКРАИНЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ.....	168

<i>Ушакова Д. Н.</i>	
РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН: МАНИПУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ.....	170

7. ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСЫ КРЫМА. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

<i>Аудинова Э. Д.</i>	
ФРАЗЕМЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В. М. ШУКШИНА).....	173

<i>Александрова И. В.</i>	
РУССКАЯ МОЛЬЕРИАНА: ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЛЬЕРОВСКИХ СЮЖЕТОВ РУССКИМИ КОМЕДИОГРАФАМИ 1800 – 1830-Х ГОДОВ.....	176

<i>Андрейченко О. И.</i>	
КОДИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	179

<i>Асламазашивили Н. В.</i>	
ПРОБЛЕМА АНЕКДОТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТЯХ А.С. ПУШКИНА «ГРОБОВЩИК» И «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ».....	181

<i>Волокитин Д. Ю.</i>	
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКА, СБОРА, АНАЛИЗА, СИСТЕМАТИЗАЦИИ И РЕДАКТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СМИ: ОТ МЕДИАСИТУАЦИИ ДО ЖУРНАЛИСТСКОГО ТВОРЧЕСКОГО ПРОДУКТА.....	184

<i>Выхтар Ю. В.</i>	
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В КОМЕДИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО «ВОЛКИ И ОВЦЫ».....	186

Гладкая И. С.	
КРИМ У ДРАМІ І. КАРПЕНКА-КАРОГО «ЖИТЕЙСЬКЕ МОРЕ».....	188
Гришакова А. А.	
«НОН-ФИКШН КАК ЖАНР СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ХЭ ЦЗЯНЬМИНА «СЛЁЗЫ – ЗОЛОТО».....	190
Грищенко А. С.	
ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ».....	192
Грозян Н. Ф.	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНФИНИТИВА В КАЧЕСТВЕ ДОПОЛНЕНИЯ: ПРОЕКЦИЯ НА ИДИОСТИЛЬ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО.....	194
Гуменюк В. І.	
КРИМСЬКІ І ПРИЧОРНОМОРСЬКІ МОТИВИ В ПОЕЗІЇ ЯКОВА ЩОГОЛЕВА.....	196
Гуменюк О. М.	
ОСОБЛИВОСТІ ОБРАЗНОЇ І КОМПОЗИЦІЙНОЇ СТРУКТУРИ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ НАРОДНОЇ КАЗКИ «МУДРИЙ ЇЖАЧОК».....	199
Декань К. Ю.	
МОТИВ ВИНА В РОМАНЕ МО ЯНЯ «СТРАНА ВИНА».....	203
Деркач В. В.	
СТИЛІСТИЧНІ ФУНКЦІЇ ВКРАПЛЕНЬ У ТВОРАХ ІРЕНИ КАРПИ.....	205
Дехтярева Е. В.	
СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ.....	207
Дикарева С. С., Мудрак Л. Р., Фомочкина А. С.	
ИНТЕГРАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА.....	209
Емельянова В. Л.	
ТИП «БЫВШЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. ГОРЬКОГО.....	213

Краеченко Е. В.	
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «БОЯРЩИНА».....	214
Кривенко О. В.	
КАРТИНА МИРА УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЗАГОВОРНОГО ТЕКСТА: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ.....	217
Куракова И. А.	
ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВ ПОДРОСТКОВ В РОМАНЕ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ» ДОННЫ ТАРТТ.....	219
Курьянов С. О.	
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПОЭМЕ Н. А. МАРКЕВИЧА «ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ».....	221
Курьянова В. В.	
ГРУППА «ОБЪЕДИНЕНИЕ РЕАЛЬНОГО ИСКУССТВА» И Л. Н. ТОЛСТОЙ.....	224
Мащенко А. П.	
АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН О РУССКОМ КРЫМЕ.....	227
Номинат А. В.	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ В ПЬЕСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ».....	230
Песняк В. В.	
ТРАНСФОРМАЦИЯ АНДЕРСЕНОВСКОГО СЮЖЕТА В ПЬЕСЕ-СКАЗКЕ Е. Л. ШВАРЦА «ТЕНЬ».....	232
Пономаренко Е. А.	
ИНТЕРТЕКСТ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ВРАГИ».....	234
Сеферова Ф. А.	
СЕРГЕЙ ДРУЖИНИН. СОТВОРЕНИЕ МИРА В СЛОВЕ.....	236
Сироткина Т. А.	
ЭТНОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР.....	238

Чемезова Е. Р.

ОБРАЗ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. С. ФОЕРА «ВОТ Я»).....240

Черникова Л. Ф.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.....242

Шаколо А. В.

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ В КРЫМСКОМ И НЕМЕЦКОМ СКАЗОЧНОМ
ДИСКУРСЕ..... 244

Яблоновская Н. В.

ОСОБЕННОСТИ КОНТЕНТА И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО
ТЕЛЕКАНАЛА «МИЛЛЕТ».....247

8. КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Балашова И. Г., Новикова Т. Ю.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И КУЛЬТУРА РЕЧИ.....249

Богданович Г. Ю., Рудницкая Л. И.

«ТОЧНОСТЬ РЕЧИ» В ЕЁ ОТНОШЕНИИ К ЯЗЫКОВЫМ И СТИЛИСТИЧЕСКИМ
НОРМАМ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ПОНЯТИЯ.....252

Гуриева С. Д.

КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭТИКЕТ.....255

Евтихова И. М., Мишина А. И.

ВИДЫ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ.....258

Набиуллина Г. А.

ВЫРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ.....260

Пелипась Н. И.

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ.....262

Симоненко Н. В.	
РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПИАРА (НА ПРИМЕРЕ Ф. КИРКОРОВА).....	264
Чабаненко Т. С.	
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ЖУРНАЛИСТА КРЫМА.....	266
Шемигон Г. И.	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВИЛЬНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ.....	268
Шилина А. Г., Субботина О. А.	
ПРОГРАММА 2.0: «КУЛЬТУРА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ» В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.....	270
Яценко Т. А.	
РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	272
АВТОРЫ.....	276

1. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

ЕДИНЫЙ РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ РЕЖИМ РОССИЙСКОГО ВУЗА В СВЕТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Базылев В. Н.

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Российская Федерация
v-bazylev@inbox.ru

Российская наука и образование – неотъемлемая часть общечеловеческой культуры, она должны существовать не только для России, но и для мира в целом. В этом – константность русского языка как языка дискурсивного пространства русского образования и русской науки.

Необходимо объективно оценить сложившуюся языковую ситуацию в российском вузе, которая характеризуется: 1) карьерной образовательной средой, сложившейся в современной России, и меняющей вектор педагогических условий, что предопределяет необходимость разработки новых концептуальных подходов к обучению студентов российских вузов русскому языку; 2) деконструктивными процессами в образовании, вызванными отсроченной рефлексией изменений образовательной среды, что привело к деформации фрагмента (концепта) «Русский язык» в картине мира носителя русской лингвокультуры; 3) изменением восприятия русского языка, который постепенно перестает восприниматься как исключительный язык образования и науки на всей территории РФ.

Предлагаемая концепция единого русского речевого режима российского вуза вносит свой частичный вклад в преодолении негативных тенденций в языковой ситуации и языковой политики на современном этапе, а также в решение стоящих перед российской педагогической общественностью задач.

Нужно, чтобы педагогическая общественность – от администрации вуза всех уровней до профессорско-преподавательского состава: поняла и приняла смену типа образовательной среды; признала педагогическую несостоятельность отношения к

русскому языку как учебному предмету (предмету обучения); пришла к пониманию русского языка как идеологии, а работе с русским языком как режиму; приняла постулат о русском языке как континуальной сопровождающей деятельности всего преподавательского сообщества вуза в процессе образования и обучения студента с первого курса бакалавриата до последнего курса аспирантуры.

Задачи, безусловно, трудоемкие. Но без их решения невозможно рассчитывать на доказательное внесение необходимых корректив в политику и стратегию образовательной деятельности. Изменение образовательной политики возможно с принятием концепции единого русского речевого режима российского вуза.

Единый русский речевой режим российского вуза – это континуально-дискурсивные – прагматические, академические и педагогические условия существования русского языка как языка образования и науки, и нормированное вертикальное и горизонтальное функционирование русского языка как языка образования и науки в системе российского высшего образования Российской Федерации и потенциально за ее пределами.

Хотелось бы, чтобы моделирование педагогического процесса в ближайшем будущем предполагало понимание со стороны педагогического сообщества следующих основополагающих смыслов.

Русский язык – это язык русской науки, научного знания как одного из видов знания. В этом случае русский язык выступает в своей референтной функции как система, описываемая стилистикой; в своей конструктивной функции как система, описываемой словарем (в т.ч. терминологическим). Русский язык в своей металингвистической функции – это фрагмент картины мира (мировоззрения) как феномена, определяющего деятельность – речевую и неречевую. Это предопределяет работу с/над русским языком в плане чтения как вида речевой деятельности. Это – знание, которое необходимо континуально формировать, поддерживать и развивать.

Русский язык – это язык коммуникации. Коммуникации учебной (педагогический дискурс) и научной (академический дискурс). В этом случае русский язык выступает в своей конативной и коммуникативной функции, в том числе в функции языка межнационального (в пределах России) и международного научного

общения. Это предопределяет работу с/ над русским языком в плане письма, устной речи (диалогической и монологической) и перевода как видов речевой деятельности. Это – умение, которое необходимо континуально формировать, поддерживать и развивать.

Русский язык – это язык когнитивных и метакогнитивных стратегий. В этом случае русский язык выступает в омадательной и когнитивной функции. Это предопределяет работу с/ над русским языком в плане развития креативности. Это – вторичное умение, которое необходимо континуально формировать, поддерживать и развивать [1].

Литература

1. Базылев В. Н. *προτρειτικός*. О едином русском речевом режиме российского вуза: От философии языка к философии образования: Монография / В. Н. Базылев. – М.: Изд-во СГУ, 2017. – 228 с.

СЛОВАРЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ВОПРОСЫ ВАРИАТИВНОСТИ И ФИКСАЦИИ НОВЕЙШИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Голикова Т. А.

Российский новый университет
Москва, Российская Федерация
Tat-golikova@yandex.ru

В настоящее время мы составляем лингвокультурологический словарь заимствований русского языка. Очевидно, что большую часть словаря занимают англицизмы. Если в советский период словари неологизмов и иностранных слов «запаздывали» на десятки лет, то сейчас есть возможность фиксировать самые новые заимствования, но, к сожалению, без уверенности, что завтра они останутся в активном употреблении носителя русского языка. Таким образом, мы фиксируем сегодняшний срез речевого употребления, сегодняшнюю языковую картину мира.

Большинство современных неологизмов иноязычного происхождения – как литературного, так и сниженного просторечного, грубо просторечного

происхождения, т.е. в связи с изучением языков, с признанием их престижности любые языковые единицы охотно заимствуются независимо от стилистической окраски особенно молодым поколением.

До недавнего времени словотворчество позволяли себе лишь писатели, поэты и специалисты, работающие с материей языка и имеющие высокий уровень лингвистической компетентности, сегодня же автором новообразований становится сам народ, каждый носитель языка в силу раскрепощенности, отмены строгой цензуры считает не только позволительным, но и необходимым для раскрытия и утверждения своей личности включать в свою речь модные слова (не случайно поэтому так популярны интернет-словарики новой лексики; см. соответствующий сайт [сайт <https://модные-слова.рф>]), более того, образовывать большое количество безграмотных вариантов и производных, о которых, мы, лингвисты, говорим – трансформации, варианты и т.п.

С одной стороны, правы те, которые заявляют, что лексикография не успевает фиксировать неологизмы, с другой стороны, серьезный дискуссионный вопрос о предмете фиксации остается нерешенным.

В реальной речевой практике в ход идут все ресурсы языка: даже диалекты, которые не осознаются нашей молодежью как старые. Например, глагол «сигать» традиционно имеет значение: Прост. Делать быстрый, сильный прыжок (подпрыгивая, перепрыгивая и т. д.). || Передвигаться быстрыми прыжками. В современной речи молодежи появляется новое значение ‘прыгать с крыши (о самоубийцах)’.

Очевидно, что имена существительные фиксируют многие словари неологизмов, однако вопрос о производных частях речи и их вариантов остается открытым в силу более поздних словообразовательных процессов, а также параллельности многих производных (см., например, бирдекельный, бирдекелевый; бугуртный, бугуртовый; геокешить, геокешерить; камбэктный, камбэковый; петанкер, петанкист, петанкуист, скелетончик, скелетонщик; челенжерский, челенжеровский; янгэдалтный, янгэдалтовский и мн. др.).

Если мы говорим о таком источнике неологии, как заимствование, то следует отметить, что процесс освоения новых заимствованных слов – это всегда процесс присвоения чужого опыта, чужой картины мира, т. е. такой процесс, когда чужое становится своим. Лексические неологизмы, в частности, образуются путем адаптации заимствованного слова из одного языка в другой. В таком случае неология служит механизмом сдерживания агрессивности чужой лингвокультуры, что имеет аспект лингвистической витальности и безопасности. Психологический механизм присвоения чужого познавательного процесса и его результатов всегда прогрессивен, но не всегда безопасен для сохранения национального самосознания, менталитета.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

Евтихова И. М., Стоянович В. В.

Крымский инженерно-педагогический университет
Симферополь, Российская Федерация
sunny.stoyanovich@mail.ru

Цель: Исследовать проблемы языковой политики в современном мире.

Материал исследования: пресса, дипломатические документы, официально-деловое общение и т.д.

При рассмотрении проблем языковой политики и языкового планирования, которые требуют особого внимания, необходимо, как отмечает немецкий исследователь Б. Шлибен-Ланге, постоянно помнить, что любое решение относительно языка – это политическое решение, которое должно приниматься при одновременном учёте объективных коммуникативных потребностей и механизма групповой идентификации. Что же стоит за соединением терминов «языковая политика» и «языковая политика государства»? «Социолингвисты ставят перед собой задачу регулировать развитие и функционирование языка (языков), не полагаясь целиком на самотёк языковой жизни». По нашему мнению, сами социолингвисты регулируют развитие и функционирование языка или языков в обществе, а государство – его властные институты. Одной из мер языковой политики государства

является регулирование языковых норм. Справедливо замечено, что полезным и важным подспорьем при выполнении этой задачи является изучение оценок, которые дают люди своей или чужой речи, отдельным языковым элементам. Говорящие оценивают одни и те же факты речи по-разному: одни люди, например, легко воспринимают нововведения, другие же, наоборот, отстаивают традиционные способы выражения; одним нравится строгость иностранных научных терминов, а их оппоненты выступают за самобытность специальной терминологии [1, с. 66]. Изучение различий в оценках языковых фактов позволяет выделить социально более престижные и менее престижные формы речи, а это немаловажно с точки зрения перспектив развития языковой нормы, её обновления. Итак, в сферу компетенции языковой политики входит разработка лингвистических проблем, направленных на то, чтобы управлять речевыми процессами. Сегодня уже можно говорить о четко очерченной предметной сфере политической лингвистики, которая включает в себя не только анализ дискурсов и дискурсивных практик, но и широкий спектр проблем политического языка, коммуникаций, языковой политики, политико-правового режима языковой жизни общества [2, с. 315]. Основные целевые области новой субдисциплины: - языковая политика и языковое планирование; - язык в процессе построения нации; - язык и символическая власть.

Одним из инструментов языковой политики являются законы о языках. Создать лингвистически грамотные законы можно лишь на основе всестороннего знания функциональных свойств языка, степени разработки в ней тех или иных систем, более или менее подробного представления о том, что может и чего не может некий язык в различных социальных и ситуативных условиях применения.

Вывод: из вышесказанного можно отметить, что главным в языковой политике является задача защиты информационного пространства для развития всех языков, функционирующих в государстве. Языковая политика направлена на сохранение межгруппового равновесия в обществе, обеспечения эффективных межкультурных и межъязыковых связей, благоприятных условий для функционирования государственного языка, а также соблюдения прав языковых меньшинств.

Литература

1. Исаев М. И. Проблема искусственного языка международного общения / М. И. Исаев // Проблемы интерлингвистики. – М. : Наука, 1976. – 66 с.
2. Нагорная Л. П. Политический язык и языковая политика: Диапазон возможностей политической лингвистики / Л. П. Нагорная. – К., Мироззрение, 2005. – 315 с.

РОЛЬ КОННОТАЦИИ В СУДЬБЕ СОВЕТИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ким Д. А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Российская Федерация
dmtk-b@mail.ru

В современном русском языке существует пласт лексики, представляющий собой лексемы, связанные с эпохой СССР – советизмы. В этой группе лексики можно выделить несколько подгрупп. К первой отнесём те советизмы, которые вместе с исчезновением обозначаемых ими реалий уходят в пассивный запас языка, становясь историзмами (*совхоз, райком, крайком, фарцовщик, завмаг, нквдшник*). Ко второй – те, которые остаются в языке, поскольку продолжают обозначать те же реалии (*зарплата, студотряд, субботник*). Наше исследование посвящено третьей группе советизмов, сохраняющихся в активном словарном употреблении при исчезновении обозначаемой ими реалии либо при появлении новой номинации для её обозначения (*колхоз, ликбез, чекист, гаишник*). Целью исследования является проверка гипотезы о ключевой роли развития коннотативной окрашенности лексической единицы для её сохранения в активном словарном запасе носителя современного русского языка при исчезновении первоначально обозначаемой реалии.

Приведём диахроническое описание лексемы *колхоз* по данным толковых словарей. Представляя собой акроним, лексема *колхоз* отражает языковой вкус эпохи, в которой она появилась: аббревиация – один из главных способов словообразования в советской номенклатуре. В отечественной лексикографии слово впервые

зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1934) в своём прямом значении, как неологизм сопровождаемое пометой (*нов.*) [4]. Зафиксированы дериваты: *колхозник*, *колхозница*. В «Словаре современного русского литературного языка» (1956) приведено и метонимическое значение: «Коллектив лиц, состоящих в колхозе; колхозники» [3]. Более поздние лексикографические источники свидетельствуют о развитии метафорического переноса у значения лексемы колхоз. Так, в поздних редакциях «Толкового словаря русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отмечены два значения лексемы: прямое и переносное – «О дружной группе людей» с пометами: *разг.*, *шутл.* [5]. В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой зафиксированы три уже ранее описанных значения: прямое – без помет, метонимическое, сопровождаемое пометой *разг.*, и совпадающее с толкованием в словаре под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой метафорическое значение с пометами *перен.* *разг.* Аналогичным образом описана лексема *колхоз* в «Большом академическом словаре русского языка под редакцией К. С. Горбачевича [1]. Стоит отметить, что прямое значение лексемы вновь даётся без помет, однако толкование начинается со слов, указывающих на привязанность значения к советской эпохе: «в советское время». В современных словарях субстандартной лексики выделяются новые переносные значения слова *колхоз* и его дериватов с выраженной негативной коннотативной окрашенностью: «Беспорядок» [2], «О безвкусно одетом человеке» [там же], «О невысоком уровне образования; о глупости, некультурности кого-л.» [6].

Слово *колхоз* именно в этих значениях наиболее частотно в лексиконе носителя современного русского языка, что позволяет предположить будущее закрепление метафорического значения в языке как основного, в то время как первоначально прямое значение, устаревая, получит статус историзма.

При сопоставлении с судьбой в современном русском языке лексемы *совхоз*, аналогичной по способу и времени образования, однако уходящей в пассивный словарный запас в качестве историзма, делается вывод о ключевой роли развития коннотативно окрашенного метафорического значения для закрепления в активном лексиконе слова после исчезновения реалии, обозначаемой им.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка/ под ред. К. С. Горбачевича. – Изд-во Наука, СПб.; 2007.
2. Словарь современного русского города: Ок. 11 000 слов; ок. 1000 идиоматических выражений / Под.ред. д-ра филол. наук, проф. Б.И. Осипова. – М.: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003.
3. Словарь современного русского литературного языка. Том 5 / редакторы тома А. М. Бабкин и Ю. С. Сорокин. – Издательство Академии наук СССР. М.; Л.; 1956.
4. Современный толковый словарь русского языка. Том 1 / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – Изд-во Астрель: СПб., 2006.
5. Толковый словарь русского языка. Том 1 / под редакцией проф. Д.Н. Ушакова. Государственный институт «Советская энциклопедия». – М.; ОГИЗ, 1935.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М: Изд-во Азбуковник, 1999.
7. Толковый словарь русского сленга / под ред. В. С. Елистратова. – М.: Изд-во: Аст-Пресс Книга, 2005.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Муратова Е. Ю.

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Витебск, Республика Беларусь
mouratova@tut.by

Цель исследования. Описать современную языковую ситуацию в Республике Беларусь. **Материал и методы исследования.** В статье использовались основные общенаучные методы описания, анализа и интерпретации.

В современном мире насчитывается более 6 тыс. языков. На протяжении столетий многоязычие воспринималось народами неоднозначно: с одной стороны,

как барьер, разделяющий народы мира, с другой – для каждого народа его язык – олицетворение национальной самобытности, и любая угроза родному языку воспринимается как угроза нации. Несмотря на тысячи существующих языков, объем коммуникации распределен между языками мира крайне неравномерно: на земле существует 25 самых распространенных языков, на которых говорит 90% населения Земли.

Государственная политика в отношении языков меньшинств может быть различной: от запрещения и принудительной ассимиляции носителей до культурной автономии и юридического равноправия.

Результаты и их обсуждение. Специфика языковой ситуации в Беларуси состоит в том, что в ней одновременно существуют два государственных языка: белорусский и русский, причем русский язык является наиболее употребительным во всех сферах жизни.

Такая ситуация объясняется причинами политического характера. Как известно, в Советском Союзе была поставлена задача создания новой общности людей – советского народа, с единой культурой «национальной по форме и социалистической по содержанию». При этом неявно предполагалось, что языком единого советского народа будет русский. В семидесятые годы XX в. белорусские города были в основном русскоязычными, а в селах говорили по-белорусски. Переселяясь в город, человек стремился соответствовать своей новой социальной среде. Большую роль сыграло и то, что белорусский и русский языки являются близкородственными, поэтому нередко на быденном уровне белорусский язык воспринимался как неправильный русский, а человек, который на нем говорил – как не владеющий языковой культурой, «деревенец». Постепенно в Беларуси сформировался своеобразный билингвизм: подавляющая часть населения говорила (и сейчас говорит) на так называемой «трасянке». Это белорусское слово означает смесь сена и соломы/

После провозглашения государственной независимости в Беларуси стала проводиться политика возрождения национального языка. 14 мая 1995 года был проведен референдум, на котором решался вопрос о придании статуса

государственного русскому языку наряду с белорусским. Положительно на этот вопрос ответило более 83% белорусских граждан. После референдума ситуация с положением белорусского языка стала ухудшаться. Согласно научным социологическим исследованиям, лишь 6% граждан Беларуси говорит на белорусском, а подавляющее большинство предпочитает общаться на русском языке.

В последние годы отношение к белорусскому языку в Беларуси изменилось, начала проводиться политика поддержки белорусского языка. Расширяется сфера его употребления, на нем стали писать названия улиц, делать объявления в транспорте, увеличивается количество печатных изданий на белорусском языке.

Выводы. Оценивая ситуацию вокруг белорусского языка, независимые эксперты сегодня разделились на две группы. Первая высказывает сомнения относительно того, что когда-нибудь языковая ситуация в Белоруссии изменится. Другая группа придерживается данных социологических опросов, согласно которым молодые белорусы заинтересованы в знании родного языка, а значит, у белорусской мовы есть будущее.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Хитарова Е. Г.

Кубанский государственный университет
Khitarova2004@mail.ru

Хитарова Т. А.

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
Tkhitarova2018@mail.ru
Краснодар, Российская Федерация

Цель данного исследования – изучение активности русского языка в современном правовом поле. Основным методом исследования является компаративистский, дающий возможность обозначить роль языка в сложной системе многонациональной языковой палитры России. Материалом исследования послужили Конституция РФ и Конституция Республики Адыгея (Адыгеи). «Одной из главных задач государства среди прочих, не менее значимых, является поддержка

науки, образования, сохранение родного языка, национальной самоидентификации» [3].

В контексте рассматриваемой темы целесообразно подчеркнуть правовой статус русского языка, который законодательно закреплен в Конституции РФ в статье 68: «1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. 2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. 3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [1]. Конституционно-правовое определение государственного языка является базовым элементом режима языка.

В 1991 г. был принят Закон РФ «О языках народов РФ», его актуальность не утрачена и сегодня. В современной юридической теории и практике существует несколько определений термина «правовое поле». В обобщенном виде это пространство, в котором все подчинено закону.

В рамках обозначенной темы целесообразно проанализировать взаимосвязь русского и адыгейского языков, представленных на территории Краснодарского края.

Согласно ст.ст. 65-66 Конституции РФ, Республика Адыгея (Адыгея) – часть федеративного государства, 01 региона, статус которого определяется Конституцией РФ и Конституцией РА. В статье 5 Конституции Республики Адыгея говорится, что равноправными государственными языками в Республике Адыгея являются русский и адыгейский языки [2].

Так, статья 2 Закона Республики Адыгея от 31.03.1994 № 74-1 «О языках народов Республики Адыгея» обеспечивает равноправное функционирование русского и адыгейского языков. В настоящее время в Республике Адыгея в образовательных учреждениях существуют возможности создания групп по обучению и воспитанию на адыгейском языке. В 2018-2019 в Адыгее внедрена и работает образовательная система на базе Адыгейского республиканского института гуманитарных

исследований по изучению адыгейского языка для сотрудников республиканских министерств, ведомств, Государственного Совета-Хасэ Республики Адыгея.

Изучение данной темы перспективно. Данный анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) значение русского языка как средства межнационального общения в РФ высоко и общепризнано; 2) русский язык в статусе государственного языка не является инструментом, тормозящим сохранение и развитие национальных языков; 3) русский язык выполняет межнациональные интеграционные функции.

Литература

1. www.garant.ru Конституция Российской Федерации
2. www.garant.ru Конституция Республики Адыгея (Адыгеи)

2. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

КАТЕГОРИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ/ЭКСПЛИЦИТНОСТИ В МЕДИАТЕКСТАХ О ФАКУЛЬТЕТЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Бришкар А. А.

(науч. рук. к.ф.н., доц. Субботина О. А.)

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
nasya.briskhar@gmail.com

Категория имплицитности/эксплицитности в медиатекстах о факультете славянской филологии и журналистики оказывает влияние на имидж этой организации.

Имидж является важной составляющей деятельности факультета в высшем учебном заведении. Изучение категории имплицитности/эксплицитности в медиатекстах позволило нам сделать следующие выводы:

1. Эксплицитность не требует от адресата сообщения дополнительных выводов, кроме тех, которые формально заявлены текстом. Сознание адресата должно сосредоточиться на конкретной, явно выраженной цели высказывания.
2. Эксплицитность используется для конкретизации реальных свойств и особенностей в транслированной информации.
3. Эксплицитность лучше «работает» вместе с подзаголовком и иллюстрацией, так как подзаголовок может демонстрировать реальные свойства сообщения.
4. Имплицитность вместо свойств показывает лишь образ.
5. Главной целью имплицитности является побуждение аудитории к определенным выводам, которых требует скрытый смысл, заложенный в тексте.

6. Имплицитность актуализируется посредством метафоры, многозначных слов и взаимодействия изображения с текстом.

7. Имплицитность может проявляться с помощью иллюстрации.

Во время анализа мы также рассматривали тексты, которые передавали и эксплицитный, и имплицитный смысл одновременно. Это позволило нам получить такие результаты:

- Имплицитность при взаимодействии с явлением эксплицитности может дополнять и усиливать его.
- Коррелируя с явлением эксплицитности, имплицитность может нейтрализовать его (этот же феномен имеет место в процессе взаимодействия эксплицитности с имплицитностью).

Изучив роль категории имплицитности/эксплицитности в медиатекстах о факультете славянской филологии и журналистики, мы пришли к такому заключению:

- Так как имплицитная информация контролируется сознанием адресата меньше, чем эксплицитная, можно сказать, что именно имплицитная информация эффективно воздействует на формирование положительного имиджа.
- Каждую публикацию, в которой упоминается факультет славянской филологии и журналистики можно отнести к факторам, влияющим на имидж факультета, так именно с их помощью факультет повышает уровень известности.
- Сообщения, в которых идет речь о конкурсах, могут положительно повлиять на имидж факультетов, студенты которых принимают участие в подобных мероприятиях, и на имидж Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, который выступает организатором.
- Материалы, в которых члены преподавательского состава факультета выступают в роли экспертов, оказывают положительное влияние на имидж факультета славянской филологии и журналистики.

- Сообщения, в которых идёт речь о техническом оснащении факультета славянской филологии и журналистики позволяют читателю прийти к выводам о высоком качестве образования на ФСФиЖ.
- Таким образом, проделанная работа свидетельствует о важности роли, которую играет категория имплицитности/эксплицитности в формировании имиджа факультета славянской филологии и журналистики.

**«В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО»: СОЗДАНИЕ МОДЕЛЕЙ
СОВЕРШЕННОГО ЯЗЫКА КАК ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Воронцова-Маралина А. А.

**АНО ВО «Российский православный университет святого Иоанна Богослова»
Москва, Российская Федерация
maralina.anna@gmail.com**

Считая язык одной из важнейших этнодифференцирующих категорий, наряду с ценностями и нормами поведения, исторической памятью, религией и национальным характером и идентифицируя эту сложную знаковую систему в неизменном единстве с сознанием и мышлением человека, представляется актуальным рассмотрение языка как категории национальной идентичности в рамках глоттогенеза и гипотез о «протоязыке» [1, с. 381].

Современные мультидисциплинарные научные исследования происхождения языка [2; 3; 4; 5] сегодня сосуществуют с многочисленными попытками найти универсальный совершенный язык в идеальном, философском смысле – для объединения всего человечества (будь то присвоение универсальности одному из существующих естественных языков либо конструирование новой искусственной модели) [6].

Анализ истории поиска естественного универсального языка со времен зарождения христианства и до настоящего времени, а также изучение особенностей создания искусственных вспомогательных международных языков позволяет сделать вывод, что МВЯ в современном глобализированном мире может стать не только

универсальным консолидирующим средством, но и категорией этнической и национальной идентичности, помогающей сохранить чувство национального достоинства.

Выбор МВЯ как универсального консолидирующего средства сегодня связан с четко наметившейся, достаточно противоречивой тенденцией: с одной стороны, политическая, экономическая и территориальная консолидация на фоне глобализации, а с другой стороны, отчетливое лингвистическое дробление, воспринимаемое не как негативный процесс, но как орудие этнической идентификации. Язык опять воспринимается как всеобъемлющая категория, как одна из немногих категорий этнической и национальной идентичности: существование «своего» языка и владение им воспринимается как важнейший элемент независимости наряду с суверенностью границ и территорий. Наметившиеся тенденции позволяют предположить, что этническая общность, поставленная перед необходимостью принять чужой естественный язык в качестве посредника, предпочтет принять искусственный нейтральный.

Воссоздавая универсальный прото- или праязык или создавая разнообразные искусственные модели совершенного языка, человек пытается осознать границы индивидуальной идентичности и одновременно приблизиться к универсальной идентичности: иметь в арсенале средство не просто общения, но понимания друг друга.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Либроком, 2016.
2. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. – М.: Астрель: CORPUS, 2011.
3. Козинцев А. Г. Происхождение языка: новые факты и теории / А. Г. Козинцев // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания СПбГУ. – Спб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2004. – С. 35-50.

4. Николаева Т. М. Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в языкознании / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 79-89.
5. Шер Я. А. Происхождение знакового поведения / Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С. – М.: Научный мир, 2004.
6. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Серия «Становление Европы» / У. Эко / Пер. с итал. и примечания А. Миролюбовой. – Спб.: Александрия, 2009.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Елизарова О. О.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
zhukova.olgva.91@mail.ru**

В современной лингвистической науке одним из приоритетных направлений является антропоцентризм, в частности, изучение языковой личности. Образ персонажа является ключевым для драматургического текста, а реплики – основным способом его изображения. Исследованию образов героев произведений посвящено множество литературоведческих работ, однако, работы в области языкознания, в которых произведен анализ речевого портрета персонажей, немногочисленны (Е. М. Верещагин, Н. М. Гордеева, М. П. Дахно, Ю. О. Квартовкина, Л. П. Крысин, Г. Г. Матвеева, Е. В. Осетрова, М. В. Пьянова, Т. П. Тарасенко, И. А. Тисленкова, Т. А. Ященко и др.). В частности, Т.А. Ященко указывает, что «роль лингвокогнитологического аспекта значительна при исследовании текстов драматургических жанров, что объясняется отсутствием авторского нарратива, раскрывающего характеры персонажей и выражающего модусные оценки» [3, с. 571].

Целью данного исследования является представление комплекса речевых средств, с помощью которых писатель создает образ персонажа в драматургическом тексте.

Материалом послужили пьесы А. Н. Островского «Праздничный сон – до обеда» и «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!», которые в полной мере отражают реалии русской жизни и особенности русского языкового сознания.

Методы исследования: описательный метод, включающий приемы наблюдения и сопоставления, метод сплошной выборки, метод интерпретации, а также методики контекстуального и дискурсивного анализа.

Результаты работы. Проведенное исследование показало, что изучение языковой личности в текстах пьес невозможно без обращения к языковой картине мира автора и персонажей, а также к языковой ментальности, которая в определенной степени отражается в исконно русских фраземах (в широком понимании термина). Так, например, Бальзамина, рассуждая о возможности счастливой жизни в случае удачной женитьбы сына, говорит, что они бы как сыр в масле катались [2, с.165]; Красавина, отмечая, что Бальзаминов «доходился» под окнами желанной невесты, и она готова ответить взаимностью: *Уж на ловца и зверь бежит.* [2, с.180]. Паремии используются драматургом как средства характеристики персонажей, раскрывая их отношение к жизни, «философию», показывая характер. Для речевого поведения главного героя, Бальзамина, типична такая самохарактеристика, как мечтательность: *Вы не знаете, какое это удовольствие – мечтать. Иногда так занесешься..*[2, с. 166]; *у нас все от случая, все от счастья ..*[2, с. 166], не отказывает он себе и в сообразительности: *уж очень много мыслей в голове...* [2, с. 179], но в контексте пьес более объективная характеристика Бальзамина содержится в речи его собеседников и репликах других персонажей, которые акцентируют внимание на его неполноценности, неспособности к действию: Бальзамина: *умишком-то его очень Бог обидел* [1, с. 134], *ни к службе, ни к чему способностей нет* [1, с. 163]. Даже при характеристике внешности любящая мать указывает на его «ущербность»: Бальзамина: *В кого это он родился так белокур? [...] Ну и нос...не то чтобы он курносый вовсе, а так мало как-то, чего-то не хватает* [1, с. 134].

В результате анализа установлена особая роль фразем в речевом поведении персонажей, а также целесообразность реализации дискурсивного подхода к анализу текста.

Литература

1. Островский А. Н. Праздничный сон – до обеда. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Под общ. ред. Г. И. Владыкина, А. И. Ревякина, В. А. Филиппова. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – с. 134-164
2. Островский А. Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай! Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Под общ. ред. Г. И. Владыкина, А. И. Ревякина, В. А. Филиппова. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – с. 164-195
3. Яценко Т.А. Лингвокогнитологический анализ драматургического текста (А.Чехов. «Дядя Ваня»). Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2016г.) : сб. науч. статей в 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.2. с. 570-578

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ С КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ ‘КРЫМ’ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ¹

Забашта Р. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
zabrv@yandex.ru

Особый интерес исследователей после воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией в 2014 г. представляет лексика русского языка, отражающая коренные изменения в когнитивной базе ее носителей. Речевая практика на русском языке обнаруживает весьма частотное использование определенных языковых образований (словных номинаций, высказываний, текстов и т.п.), обладающих

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ), проект «Русский лингвокультурологический словарь Крыма» № 17-04-00187 (а).

определенной степенью прецедентности. Отметим, что значимость рассматриваемых нами единиц может быть раскрыта как на внутреннем уровне, т.е. на уровне существования крымского региолекта (речевая практика, в том числе в масс-медиа в пределах полуострова), так и на уровне языкового узуса, носящего принципиально внетерриториальный характер (ценность для всех русофонов).

Изучение языковой ситуации на полуострове в современных условиях, в частности, описание особенностей функционирования русского языка и продуцируемых в практике его использования прецедентных феноменов с компонентом значения 'Крым' – находится в особом фокусе актуальных проблем и представляет собой одну из самостоятельных задач георусистики, лингвокультурологии и межкультурных коммуникаций.

Цель предлагаемой статьи – выделить группы прецедентных феноменов с компонентом значения 'Крым' и охарактеризовать данные единицы как лексическую основу для составления словника «Русского лингвокультурологического словаря Крыма».

В основу используемого нами термина прецедентный текст положено понимание этого феномена, предложенное Г. Г. Слышкиным: под прецедентным текстом будем иметь в виду «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [3, с. 29]. В качестве такой группы в нашем исследовании выступает русская лингвокультура, т.е. жители Республики Крым и г. Севастополя, для которых русский язык является родным (или которые являются его носителем).

В одной из наших статей среди основных особенностей функционирования русского языка в Республике Крым мы выделили следующие факторы, обуславливающие регионализацию русского языка на полуострове: «1) межъязыковое взаимодействие (прежде всего русско-украинское и русско-крымско-татарское), 2) влияние южнорусской языковой стихии, 3) культурно-историческая архитектура региона, 4) территориально-административное своеобразие, 5) культурно-психологическая значимость определенных концептов для носителей

русского языка Крыма» [1, с. 18]. Именно пятый из указанных факторов связан с реализацией прецедентных феноменов с компонентом значения 'Крым'. Материалом исследования послужили контексты из следующих периодических изданий и публикаций информационных агентств за период 2014–2018 гг.: «Крымская правда», «Крымская газета», «Новый Регион», «Крымское информационное агентство».

Выделенные нами прецедентные феномены можно сгруппировать следующим образом: 1) прецедентные имена: *М. А. Волошин, А. С. Пушкин, И. К. Айвазовский, В. И. Вернадский, Н. В. Багров, С. В. Аксенов* и др.; 2) топонимы: *Крым, Таврида, Киммерия, Херсонес, Севастополь, Ай-Петри, Медведь-гора (Аю-Даг), Сапун-гора, Чатыр-Даг, Ласточкино гнездо, Крымский мост* и др.; 3) этнографизмы: *кенасса, ялтинский лук, куреш, тандыр, пахлава* и др.; 4) прецедентные высказывания: *Симферополь – ворота Крыма; «Артек» – страна детства; Ялта – город счастья; Жизнь одна и прожить ее надо в Крыму* (М. Волошин); *«Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань»* (В. В. Путин), *«Скажи мне, чей Крым? И я тебе скажу, кто ты»* (рок-группа «Ундервуд»), *«Крымнаш»* и др.

Для решения задачи составления лингвокультурологического словаря Крыма, как отмечает Л. В. Лановая, «из всех типов крымских прецедентных феноменов самым многочисленным и разнообразным является разряд собственных имен, а среди них антропонимы и топонимы. Одним из доказательств этого являются викторины, тесты в сети Интернет, которые предлагают проверить «Насколько ты крымчанин?», «Как хорошо ты знаешь Крым?» и др. Ответы на вопросы, главным образом, предполагают знание официальной и неофициальной топонимики, известных писателей и их «крымских» произведений, а также других прецедентных феноменов. Например: Где находится «Черная аптека»? (Симферополь); Утюг – это не только бытовая техника, но и санаторий (в Алуште); Самая длинная река Крыма? (Салгир); Группа, созданная студентами Медицинского университета (Ундервуд); Где в Крыму можно увидеть грязевые вулканы? (Керчь); Известный художник-маринист? (И. К. Айвазовский) и т. д.» [2, с. 147].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Составление «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» имеет не только

теоретическое значение для русистики, но и прикладное, а именно: приобщение всех русофонов к истории, культуре и современным реалиям Крыма.

Анализ печатных и Интернет-изданий позволяет сформировать группы прецедентных феноменов, иллюстрирующих векторы развития Крыма и значимость определенных реалий и лиц в восприятии представителей русской лингвокультуры после событий 2014-го г.

Литература

1. Забашта Р. В. Применение идей функциональной семантики к культурологическому описанию региональной лексики Крыма / Р. В. Забашта // Язык и социальная коммуникация : сб. научн. тр. по материалам I Междунар. научн.-практич. конф. / Международный научно-информационный центр «Наукосфера». – Смоленск : ООО «Новаленсо», 2017. – С. 18–23.
2. Лановая Т. В. Функциональная модель лексикографического описания номинативных единиц с региональным компонентом значения ‘Крым’ / Т. В. Лановая : Дис. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.01 – русский язык. – Симферополь, 2018. – 355 с.
3. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 141 с.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ НЕОЛОГИЗМА «КРЫМСКИЙ МОСТ» (МАТЕРИАЛЫ К ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМУ СЛОВАРИЮ)

Коновалова Е. А.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация**

Одним из дискуссионных вопросов лингвострановедения по-прежнему остается вопрос соотношения лингвострановедческой и страноведческой информации. Мы предлагаем использовать результаты ассоциативного эксперимента для разрешения этого вопроса.

Цель данного исследования – изучение нового слова, ассоциативное поле которого находится в стадии формирования. Материалом исследования послужил опрос крымских студентов в период с февраля по май 2018 года, до открытия Крымского моста. Материал исследования отражает первоначальное представление о новом объекте.

Полученные данные в ходе свободного ассоциативного эксперимента позволят понять механизм формирования национально-культурного фона языковой единицы и станут основой для составления словарной статьи для лингвострановедческого словаря. Результат научного исследования поможет показать этапы формирования современной языковой картиной мира русского языка. Изучение ассоциативного поля неологизма позволит понять, как складывается и изменяется лексический фон.

На сегодняшний день проанализировано 354 анкеты, опрос испытуемых продолжается. В результате на слово-стимул «Крымский мост» получено 659 реакций, из которых 267 повторяющихся слов-реакций и 392 слова, представленные единичным упоминанием. Изучение ассоциативного поля неологизма позволит понять, как складывается и изменяется лексический фон.

В свободном ассоциативном эксперименте испытуемый должен ответить на стимул первым пришедшим в голову словом. Этот способ позволяет описать не только значение слова, но и его лексический фон. Лексическое значение составлено нами на основании информации, размещенной на официальном сайте://www.most.life/. *Крымский мост - мост через Керченский пролив.* Самые частотные ассоциации являются частью лексического значения и поэтому легко предсказуемы: море – 44,6%, дорога – 44,4%, машины – 29,4%.

В ассоциативное ядро мы включили реакции, доля которых составляет 8%: *море – 44,6%, дорога – 44,4%, машины – 29,4%, Керчь – 28,8%, Россия – 21,8%, материк – 16,4%, туристы – 14,4%, связь – 13,6%, Крым – 13,6 %, возможности – 13,3%, Путин – 13,3%, красота – 12,4%, стройка – 11%, путешествие – 11%, пробки – 10,5%, поезд – 9,9%, строительство – 9,9%, деньги – 9,6%, большой – 9,3%, длинный – 8,8%, мост – 8,2%.*

Эти данные показывают, что жители полуострова положительно характеризуют данный объект. Используя полученные реакции, мы составили текст, отражающий языковое сознание крымчан. *Дорога, по которой можно проехать на машине через море. Эта дорога связывает Керчь с материковой частью России. Позволит туристам приезжать в Крым и обеспечит связь материка с полуостровом. Дорога даст возможности. Дорога связана с именем Путина, является красивой, позволит путешествовать. Но строительство создает пробки. По мосту будут ходить поезда. Строительство дорогостоящее. Мост большой и длинный.*

Тематическая классификация ассоциативного поля *Крымский мост* представлена следующими векторами: описание моста, дорога, транспорт, географические термины и понятия, природные явления, антропонимы, путешествие, изменение жизни на полуострове.

Вектор, описывающий мост, представлен несколькими реакциями: конструкции моста (*арка, сваи, опоры, балки*), материалы строительства (*железо, металл, металлоконструкции, бетон*), характеристика моста (*красота, большой, длинный, новый, огромный, дорогой, масштабность, долгожданный, важный, высокий, надежный, самый, грандиозность, надежность, ожидание, широкий, крепкий, массивный, современный*), эмоциональное отношение к мосту (*удобно, долго, быстро, событие, гордость, чудо, мечты, величие, комфорт, безопасность, мощь, радость, страх*).

В векторе «дорога» можно выделить два вида: автомобильное сообщение (*дорога, пробки, путь, движение, асфальт, трасса, сообщение, передвижение, проезд, водители, ездить, загруженность, шоссе, магистраль, загруженность, въезд, аварии*), железнодорожное сообщение (*поезд, железная дорога, вокзал*).

К вектору транспорт относятся реакции, характеризующие виды транспорта (*машины, автомобиль, автобусы, грузовики, камаз*), реакции, имеющие отношение к транспорту (*поток, бензин, грузы, транспортировка, транспортное сообщение*).

Мы считаем, что свободный ассоциативный эксперимент может стать одним из основных методов лингвострановедческой лексикографии. Использование этого

метода позволит решить проблему соотнесения объема лингвострановедческой и страноведческой информации в словарной статье.

Литература

1. Уфимцева Н. В. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания /Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова// Филология и культура. – 2014. – №4 (38) – С. 193–198.

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ВЕДОМОСТИ»)

Малярчук-Прошина У. О.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация**

Одним из приоритетных и активно разрабатываемых направлений в лингвистике является изучение прагматического аспекта языка, в центре которого ставится отношение между языковым знаком и носителями языка. Ярким проявлением языковой прагматики можно считать инвективную лексику, которая часто встречается в современных журналистских текстах. Жельвис В. И. дает следующее определение инвективной лексики: «инвективная лексика (инвектива от лат. «*invectiva (oratio)*» – «бранная речь») – «лексика, употребление которой содержит намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо». К инвективной лексике относятся, прежде всего, слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку (употребление литературных слов типа «подлец», «мерзавец» в конкретной ситуации общения противоречит нормам общественной морали в меньшей степени) [1]. Согласно словарю Ушакова, «инвектива» – это гневное выступление против кого-н., оскорбительное выражение, брань, выпад. Как правило, инвективная лексика используется, во-первых, с целью понизить социальный статус

адресата, уровень его самооценки и нанести моральный вред. Во-вторых, при использовании инвективной лексики может преследоваться практическая цель – добиться изменения поведения адресата [7].

Среди функций, которые выполняет инвективная лексика, можно выделить повышение эмоциональности речи, разрядку психологического напряжения, оскорбление, унижение адресата, демонстрация раскованности, независимости говорящего, демонстрация пренебрежительного отношения к системе запретов и т.п. Л. П. Крысин указывает на огрубление речи как на одну из тенденций современного русского языка. Действительно, чтобы выразить отрицательное отношение к предмету речи в политических журналистских текстах довольно часто прибегают к использованию инвективы. Так как инвектива – это оскорбительная речь, которая имеет определенную целевую установку (стратегию), то можно выделить два основных компонента инвективной стратегии: 1) отрицательную оценочность, так как инвективная лексика относится к лексике, которая характеризует отношение говорящего к предмету речи, то есть его оценку к предмету; 2) стремление понизить социальный статус адресата, его самооценку. Еще одним важным компонентом инвективной стратегии является наличие объекта оскорбления, поскольку инвектива – это оскорбление кого-либо, чего-либо [3].

В политическом журналистском дискурсе часто используется инвективная лексика. Она, как правило, направлена на конкретную политическую фигуру, которая не представлена в общении, то есть происходит критика политического оппонента «за глаза»: в публичных выступлениях, интервью, плакатах и лозунгах. Оппоненты нередко прибегают к оскорблениям тогда, когда не хватает аргументов в споре, дебатах. В широком смысле инвективу следует рассматривать как речевую функцию нанесения оскорбления, как любое резкое выступление, выпад против оппонента. В узком смысле, инвектива – синоним сквернословия, вербальное нарушение этического табу, осуществленное преимущественно обценными средствами. К данному разряду можно отнести инсинуацию – злостный вымысел, целью которого является опорочить кого-либо, клевета; диффамацию – публичное распространение мнимых или действительных сведений, подрывающих доверие и авторитет. В СМИ

широко используется прием «забрасывания грязью». Он предполагает использование грубых оскорбительных эпитетов, для большей убедительности используется дополнительная визуализация информации (карикатура). Другой распространенный прием – «принцип запятнания». Достаточно «соединить» человека с любым надуманным обстоятельством, но обязательно с негативным, которое обязательно будет осуждаться обществом, и этот прием становится результативным. Похожим является «принцип пакости», при котором главной целью является «замарать» оппонента. Все эти приемы могут быть использованы в речи журналистов. Реализуются они с помощью инвективной лексики. В речи журналистов могут быть использованы и оценки, имеющие ироничный характер, при которых используют сниженные, стилистически окрашенные единицы. Также нередко журналисты используют прямые оскорбления, обращенные к конкретным лицам, что является грубым нарушением этических норм. Инвективная лексика используется журналистами в текстах разной тематики. Она отражает, подчеркивает негативное восприятие жизни, выражает особенности характера и поведения человека, описывает и оценивает различные ситуации [4].

Рассмотрим случаи использования инвективной лексики в СМИ на примере публикаций деловой газеты «Ведомости». Материал «Курс размена губернаторов», опубликованный 24 сентября 2018 года, посвящен проблемам выборов губернатора. Инвективной в данном случае является выражение «партия жуликов и воров», которая представляет собой номинацию, обозначающую негативную с точки зрения общества деятельность, характеристику. В следующей рубрике «Чичваркин может остаться в Великобритании до 2 августа» говорится об экстрадиции основателя «Евросети», в материале приводится цитата Чичваркина: «Когда будет, во-первых, реальная и законодательная база для работы и ведения бизнеса, чтобы ни одна скотина не могла в него залезть, и когда конкретные бандиты из правоохранительных органов понесут заслуженное наказание». В данном случае в качестве инвективы используется зоосемантическая метафора для того, чтобы подчеркнуть неприязнь к тому, о ком он говорит. Под «скотинами» он подразумевает не конкретного человека, а группу людей. Также используется выражение «бандиты» по отношению к

правоохранительным органам. Подобных примером в СМИ много. В данных текстах инвективная лексика используется как достаточно сильное экспрессивное (стилистическое) средство оживить, сделать более эмоциональной речь говорящего. Но такая форма подачи информации не всегда является абсолютно приемлемой в современной массовой коммуникации для большинства носителей языка. Следует отметить, что обилие инвективной лексики способно вызвать агрессивное настроение адресата по отношению к событиям, предметам, явлениям, действительности, а также может создать ситуацию, при которой адресат будет чувствовать языковой дискомфорт. С одной стороны, инвективная лексика несет в себе информативную функцию, так как используется для формулировки истинных или ложных утверждений, характеризуется экспрессивностью, то есть выражает состояние сознания говорящего, оказывает влияние на слушающего, возбуждая определенные мысли, оценки. С другой стороны, большое количество инвективной лексики в СМИ и речи политиков свидетельствует о неумении использовать многообразные выразительные ресурсы языка при описании различных жизненных явлений, ситуаций, событий. Также инвектива часто передается журналистом в качестве цитаты интервьюируемого, а сами журналисты используют инвективу в заголовках для привлечения внимания.

Литература

1. Жельвис, В. И. Эмотивный аспект речи : Психоллингв. интерпретация речевого воздействия : Учеб. пособие / В. И. Жельвис; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль : ЯрГУ, 1990. – 81 с.
2. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. Издание третье, испр. и доп. (электронное издание). – СПб. : Златоуст, 2015. – 320 с. – (Язык и время. Вып. 1).
3. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин. – Берлин : Русистика, 1994, № 1-2. – С. 28 - 49.
4. Мардиева, Л. А. Жаргонная лексика в современном публицистическом стиле / Л. А. Мардиева // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная

- лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11 - 13 дек. 2001 г.) : Труды и материалы : В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 21- 30.
5. Скороходова, Е. Ю. Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Скороходова Елена Юрьевна; [Место защиты: Воен. ун-т]. – Москва, 2008. – 34 с.
 6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935 - 1940. (4 т.)
 7. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. – Москва : Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
 8. <https://www.vedomosti.ru/> официальный сайт газеты «Ведомости».

**ОТРАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ ИЛИ
ОТТОРЖЕНИЕ ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ?**

Москаленко М. Р.

Филиал Удмуртского государственного университета в г. Нижняя Тура
Российская Федерация

Юдин И. В., Вовк М. В.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»
Москва, Российская Федерация
maх.rus.76@mail.ru

Для самосознания любого народа огромное значение имеет восприятие отечественной истории в национальном языке, смысловая нагрузка наиболее ходовых лексем и выражений, определяющих отношение к значимым историческим событиям и культурной традиции Отечества. Всесторонний системный кризис российской цивилизации конца XX в. актуализировал вопросы осмысления прошлого и создания образов будущего, в условиях, когда незападные культуры, во многом носящие отпечаток традиционализма, подвергаются мощной атаке западной

культуры на самых различных уровнях [1]. Часто им навязываются стереотипы несоответствия либеральным ценностям и стандартам, выдаваемым за «общечеловеческие», и периферийности их положения в «цивилизованном мире». Во многом данное явление связывается с процессами вестернизации.

Восприятие отечественной истории в современном русском языке имеет ряд особенностей, негативно влияющих на патриотическое сознание и задающих ощущение ущербности отечественной культурной традиции:

При оценке исторических событий часто применяются явно заимствованная из западной мысли дихотомия: «тоталитаризм-демократия», а для характеристики отечественной исторической традиции в публицистике и учебной литературе иногда применяются резко негативные, вызывающие эффект сильного эмоционального отторжения, слова и выражения: авторитаризм, тоталитаризм, культ личности, репрессии, нарушение прав человека, командно-административная система и др. Надо ли говорить, что преобладание подобных лексем и терминов задает деструктивное, далекое от объективного анализа восприятие исторических процессов.

В культурном поле российской цивилизации имеет место антитеза современных либеральных и архетипических ценностей. Например, идеалам коллективизма, солидарности, соборности противопоставляется индивидуалистическая концепция гражданина, свободного в выборе моральных норм, которому общество обязано обеспечить его права. Между тем, различие в понимании и смысловом наполнении тех или иных ценностных норм, в зависимости от специфики общества, признается и в западной мысли: «Для примера различий точек зрения скажем, что в Азии, говоря о конституционной демократии, предпочитают подчеркивать приоритет социального порядка над индивидуальными правами» [2, р. 16].

Следует отметить, что в быту некоторыми людьми используются иронично-презрительные названия нашей страны, такие как «совок» и т.д.; само употребление данных лексем отторгает людей от целой культурно-исторической эпохи.

Эти, а также другие аспекты могут говорить об искусственном навязывании со стороны Запада мировоззренческих стереотипов, которые способствуют появлению

эффекта отчуждения от исторического прошлого, его оценки во многом с либеральных, западных позиций. В русском языке это выражается в распространенности соответствующих лексем, идиом и выражений, явно нацеливающих на негативное восприятие отечественной истории. Необходима комплексная работа по созданию позитивной историко-культурной идентичности и патриотическому воспитанию, в том числе и в преподавании дисциплин гуманитарного цикла.

Литература

1. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
2. Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. 106. Spring 1997, p. 16-22.

ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ XVIII – XX ВЕКОВ)

Мосьпан С. А.

(науч. рук. д.ф.н., проф. Пономаренко И. Н.)

**ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Российская Федерация**

Несомненно, как и любой другой текст, художественный имеет характерные черты, которые отличают его от текстов других стилей, к ним относятся: антропоцентризм, наличие скрытых смыслов, функциональность, субъективность и связанная с ним может, с ней? оценка. И если степень реализации первых четырех характеристик может проявляться с большей или меньшей интенсивностью, то категория оценочности является постоянной и связующей «величиной» художественного текста. Данное обстоятельство объясняется тем, что художественный текст является продуктом переосмысления действительности, то есть текстом, прошедшим через интерпретивно-оценочную «рамку» автора.

Категория оценочности, являясь антропоцентрической, то есть связанной с мироощущением, моральными установками и этическими нормами человека, выводит текст на экстралингвистический уровень. Выведение текста на данный уровень осуществляется посредством использования языковых (предикат) и внеязыковых (объект оценки, стереотип, шкала оценки и т.д.) средств.

Цель нашей работы – зафиксировать в художественных текстах XIII-XX вв. оценку лексемы «чиновник», являющуюся способом передачи авторской позиции в отношении исследуемой лексической единицы.

Известно, что оценка проявляется в контексте целого высказывания, при этом контекст может варьировать оценочное значение каждой конкретной лексемы от положительного до отрицательного. Информация о положительной или отрицательной характеристике объекта является компонентом в семантической структуре языковой единицы [1, с. 218].

В художественных текстах для выражения оценки в тексте используются прилагательные, существительные и глаголы. Доказывая нашу мысль, приведем примеры использования прилагательных в формировании оценочного значения лексем «чиновник», например: пройдем степени придворных чинов [2, с. 177]; *на то ль кому судьба высокий чин дала* [3, с. 135] и др.

В художественных текстах XVIII-XX вв. для выражения отрицательной оценки также могут использоваться стилистически окрашенные лексические единицы: *чиновнике сильно высказывался педант, нафаршированный самомнением и чувством собственного достоинства* [5, с. 68]; *придавали ему вид командированного из провинции в столицу мелкого чиновника* [4, с. 34] и др.

Следует отметить, что среди проанализированного материала мы не встретили ни одного художественного текста, в котором оценка лексемы «чиновник» была положительной.

Анализируя тексты, мы обратили внимание на тенденцию использования нейтральной лексики по отношению к исследуемой лексеме в художественных произведениях XIII в., преимущественно отрицательную в текстах XIX и XX вв. Стоит отметить, что в художественных текстах XX в. советского периода лексема

«чиновник» имела единичное употребление. Данное языковое явление объясняется, видимо, экстралингвистическими причинами: в стране развитого социализма не было место такому классу, как чиновники, именно потому, что эта лексическая единица в русской классической литературе употреблялась преимущественно с отрицательной оценкой.

Литература

1. Клименко, К. В. Оценочность как особый прием субъективации и как способ передачи авторской позиции (на материале автобиографических текстов Ю. М. Нагибина) // Сибирский филологический журнал. – Красноярск, 2015. – С. 215-222.
2. Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву / А. Н. Радищев. – Москва, 2015. – 301 с. – [Электронный ресурс]. RL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=28829>
3. Сумароков, А. П. Избранные произведения / А. П. Сумароков. – Москва, 2015. – 174 с. – [Электронный ресурс]. – RL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=427486>
4. Улицкая, Л. Е. Искренне ваш Шурик / Л. Е. Улицкая. – М., 2002. – С. 448.
5. Чехов, А. П. Драма на охоте / А. П. Чехов. – Москва, 2012. – 304 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=134228>

ИНТОЛЕРАНТНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЁ ПРИЗНАКИ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА

Неелова О. И.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация

В лексическом составе любого языка присутствуют слова, употребление которых нередко представлено отрицательной коннотацией. *Интолерантная лексика*, или *язык вражды* (англ. *hate speech*) – обобщённое обозначение языковых средств выражения резко отрицательного отношения «оппонентов» – носителей иной

системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей. Этот феномен может выступать как форма проявления чуждых обществу смыслов.

В своих материалах И. М. Дзялошинский представляет термин «язык вражды» (сокращенно: ЯВ) как «всю совокупность текстов (а также заголовков, фотографии и иных элементов) СМИ, прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы неприязни» [1]. В большинстве случаев журналисты используют ЯВ, не вкладывая в него намеренно тот смысл, который, как получается в итоге, несет текст. По нашим наблюдениям, одним из объектов враждебной риторики журналистов является внимание к специфическим субкультурным ценностям. Г. В. Кожевникова выделяет следующие ошибки, допускаемые авторами публикаций [2]: 1. *Журналистская небрежность*. Автор, не задумываясь, использует ненужные детали, которые могут в дальнейшем создавать негативное восприятие аудиторией конкретной социальной группы; 2. *Некорректный заголовок*. Заголовок – своего рода реклама. И он привлекает внимание читателя. В случае если он интересен, то, вероятнее всего, аудитория захочет познакомиться с публикацией. Нередки случаи, когда журналист использует броские заголовки. Хотя при этом в самом материале никакой сенсационности нет; 3. *Стилистические «соблазны»*. Журналист гиперболизирует статистические данные для придания особой значимости своей публикации; 4. *Смещение социальной проблематики и этнической риторики*. Другими словами, одна проблема, может обсуждаться в публикации исключительно в «национальных» рамках, хотя на самом деле рассматриваемый вопрос гораздо шире и не сводится к одной социальной группе; 5. *Отрицание гражданства по этническому принципу*. То есть журналист, говоря о человеке другой национальности и проживающего на территории конкретной страны, обозначает его как иностранца, не принимая во внимание наличие временной регистрации или гражданства.

Существует различные классификации «языка вражды». Так, А. М. Верховский [3] выделяет так называемую *жесткую, среднюю и мягкую* интолерантная лексика (далее – ИЛ).

Употребление «интолерантной лексики» нередко актуализируется в многонациональной и многоконфессиональной стране, именно поэтому в Конституции Российской Федерации неоднократно подчеркивается равенство прав граждан вне зависимости от расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Конечно же, ИЛ является следствием противоречий и конфликтов, которые, главным образом, лежат во внелингвистической области, например, могут корениться в истории, либо же в политических или экономических сегодняшних интересах. И, кроме того, как частный случай – может являть собой отсутствие культуры ведения дискуссии.

Наблюдения показывают, что СМИ сегодня наполнены материалами, ярко демонстрирующими самые разные проявления ЯВ. Один из распространенных источников формирования *языка вражды* – неверная семантизация, искажение или подмена значения как общеупотребительных лексических единиц (что сделать сложнее – их смысл общеизвестен), так и единиц языка специальных областей знаний – терминов (что успешно выполнимо, так как значения многих терминов не известны, либо „якобы“ известны). Иногда ЯВ выражается в статьях через попытки привести элементы «научного» анализа.

Под инвективной лексикой мы понимаем способы языкового конструирования моделей и практик социального неравенства, определив таким образом, что ИЛ – это языковое выражение интолерантности, или лингвистически выраженная интолерантность. Одним из важнейших языковых средств формирования языка вражды является лексика. Несомненно, к наиболее значимым признакам ЯВ относятся такие лексические единицы, которые отражают релевантность для говорящих оппозиции «свой-чужой». Например, для коммуникантов, осмысляющих мир в этническом контексте, к таким единицам следует отнести как нейтральные (обшелитературные), так и экспрессивные этнонимы.

Из всех экспрессивных этнонимов к ЯВ относятся лексемы со значением чуждости и агрессии. Это, в первую очередь, наименования представителей разных этносов с негативной коннотацией, распространенные в жаргонах, арго, просторечии, разговорной речи, а также активно проникающие и в публичный дискурс

(литературный язык). По степени жесткости коннотации могут быть различными: от иронично пренебрежительных до уничижительных, презрительных, бранных. Нейтральные этнонимы могут использоваться как в толерантных и нейтральных дискурсах, так и в языке вражды (например: *леваки* – представители политических направлений и идеологий, целью которых, в частности, является социальное равноправие (равенство) и улучшение жизненных условий для наименее привилегированных слоёв общества; *нацболы* – экстремистское общественное объединение, позиционирующее себя как революционная, умеренно националистическая, антиправительственная и антибуржуазная партия; *скинхэды* (скины) – представители маргинальных неформальных объединений, как правило, ультраправого, крайне националистического толка; *либералы* – представители идейного и общественно-политического течения, объединяющего сторонников представительного правления и свободы личности; *бандерлоги* – общее название населения Западной Украины; *нацики* – националисты; *хохломасоны* – представители политической элиты Украины и др.). Иногда употребление подобной лексики воспринимается как своеобразный общественный жаргон.

С помощью инвективной лексики язык, кроме самой простой функции бытового общения, позволяет расставлять ориентиры: эффективно работать системе инстинктивного (первородного) опознавания "свой – чужой".

Литература

1. Дзялошинский И. М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2007. – 168 с.
2. Кожевникова Г. В. Язык вражды: типология ошибок журналиста / Г. В. Кожевникова // Прикладная конфликтология для журналистов. М., 2006. С. 95-105.
3. Богомолова Н. Н. Социальная психология печати, радио, телевидения / Н. Н. Богомолова. – М., 1991.

ДИАЛЕКТНАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАИМЕНОВАНИЙ ОБРЯДОВОЙ ОДЕЖДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРОВ)

Никифорова О. В.

Арзамасский филиал ННГУ
Арзамас Нижегородской обл., Российская Федерация
snegaovnik@rambler.ru

В диалектной языковой картине мира особое место занимают наименования одежды. Являясь одним из этнических показателей, отражающих представления народа, традиции поколений, материальные условия, связи населения с другими этносами, одежда издавна осуществляла не только утилитарные, но и знаковые, социальные функции. В качестве реалии одежда, широко представленная в семейных обрядах, включенная в обрядовый контекст, становится и вещью, и вещью-знаком, и чистым знаком, символом, выражающим наравне с другими ритуальными средствами смыслы через предметный уровень. Так, традиционный обрядовый предмет-символ *шуба* используется во время Святков и реализует идею плодородия, обереговая роль меха важна в свадебном обряде: на шубе совершалось благословение невесты, жениха, молодых сажали на шубу после венчания и др.

Соотнесенность обрядовых номинаций одежды в свадебном и похоронном обрядах можно объяснить тем, что обряды семейного цикла объединяет идея бытия человека как бесконечно продолжающегося пути, а рождение – брак – смерть осмысливаются как переходы из одного мира в другой. Например, наименования обрядовой реалии в нижегородских говорах – головного убора невесты (*венец*) и покойника (*венчик*) – имеют в основе общий культурный предикат *-вен-*. Для обозначения процесса обряжения покойника и невесты используются глаголы *наряжать, сряжать, снаряжать, обряжать, собирать, убирать*.

Как вступление в брак, так и смерть человека предполагают смену одежды. В нижегородских говорах отмечены названия одежды, надеваемой на усопшего, и наряда невесты, представляющие устойчивые атрибутивные сочетания с опорным компонентом – именем существительным и атрибутивным компонентом – именем прилагательным. Ср. *смёртная одёжа, смертная рубаха* и *свадьбельное платье*,

сварьбишное платье, венчальное платье, брачное платье, вечноное платье, венчальная пара. Данная модель является продуктивной.

Одежда, встречаясь на разных этапах обрядов, выполняет различные функции: является предметом дарения, выступает показателем социального статуса и др. В свадебном обряде одежда на предметном уровне служит знаком согласия на брак, что находит отражение в лексемах: *задаток* ‘вещь (платье, кофта, шуба), которую давала невеста сватам в знак согласия’, *сговорённый платок* ‘платок, который носит невеста перед венчанием’.

Номинации одежды обладают свойством называть факты реальной действительности, а в рамках обрядового текста в результате процесса символизации выражают бытийные смыслы. Так, в нижегородских говорах фата невесты носит наименования: *уваль, увал, вуаль, уаль, вуваль, овал, оваль, увалень, гаул, фахта, тафта, сплошник, коноватка, канаватка, талаватка, калмык, фрёл, белокрайка.* Функции фаты разнообразны. Ритуальная функция фаты состоит в том, что закрытое фатой лицо невесты выделяет ее из коллектива, превращает невесту в «лиминальное существо», временно «умирающее» и возрождающееся в новом статусе. Магическая функция фаты заключается в том, что, закрывая лицо невесты, фата является оберегом от сглаза, от порчи. Символический компонент ‘оберег невесты от потусторонних сил’ формируется на основе признака реальности – покрывало, закрывающее голову и верхнюю часть тела.

Таким образом, анализ наименований одежды, раскрывающих значимые в сознании диалектоносителей события жизни и отражающих систему ценностей сельского жителя как регионально обусловленного культурного феномена, позволяет осуществить культурно-историческую интерпретацию фрагмента диалектной картины мира.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СЛОВА «ДЕНЬ»

Паникина О. И.

(науч. рук. д.ф.н., проф. Петрова Л. А.)

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
olka_994@mail.ru

Цель исследования – выявить значения и лингвокультурологическую направленность лексемы «день», используя фактический материал из Словаря В. И. Даля.

Лексема «день» в словаре В. И. Даля является как линейной, так и циклической моделью времени. По мнению Д. В. Пенталея, «циклическое время – это, прежде все, время-круг, замкнутое время, в то время как линейное время характеризуется как направленное, векторное. Круг (цикл) и линия относятся к понятиям пространства, что указывает на неразрывную связь двух основных моделей – времени и пространства» [4, с. 113].

Первичное значение лексемы «день» – ‘светлое время суток’, которое отражает признак цикличности [1, т. 1, с. 427]. Во втором значении слово «день» входит в парадигму с общим значением ‘заря’: рассвет ‘пора, когда светает, утренняя заря, до восхода солнца, брезг, начало дня’. В третьем значении «день» входит в парадигму с интегральным значением ‘выходной’: день, посвящённый отдыху; торжество ‘народное, вселюдное празднование какого-либо события’.

Как утверждает А. В. Кравченко, лексема «день» приобретает статус универсальной категории. Линейная модель времени представлена как ось, на которой нанизаны события объективного мира. Она не содержит точек отсчёта и отражает длительность. Циклическая модель времени ассоциируется в виде спирали. Цикл – это период времени с точной точкой отсчёта и регламентированной длительностью [3, с. 3].

В первом значении лексическая единица «день» входит в лексико-семантическую группу слов с интегральным значением ‘промежуток времени от

восхода до заката»: «сутки» ‘единица измерения времени, приблизительно равная периоду обращения Земли вокруг своей оси’, «вечер» ‘пора между концом дня и началом ночи’, «час» ‘мера времени, 60 минут, по 24 часа на сутки’: *День на день не приходится; Стряпает день до вечера, а поесть нечего; Много дней впереди; Был бы жив, а дни будут; День пришел, так и есть принес; день прошел, заботу унес.*

Особую выразительность лексема «день» приобретает за счёт синтагматики. Лексическая сочетаемость позволяет отграничить одно значение от другого, что можно проследить на примере иллюстративного материала из Словаря В. Даля.

1. Световая характеристика дня в зависимости от времени года: *День темен, да ночь светла (зимою); Светло, как в ясный день, как днем; День на дворе, давно свет, солнце взошло, серенький денек, пасмурный, погожий, погодистый* ‘ведрый, ведряный, ясный’ [1, т. 3, с. 156], *красный денек* ‘ведряный’ [1, т. 2, с.187].

2. Божественное происхождение жизни. Лексическая единица «день» сочетается с именем «Бог»:

3. День с точки зрения осадков: *сухой день, дождливый день, ненастный день.*

4. День с точки зрения звукового параметра: *тихий день, шумный день, ветренный день.*

5. День с точки зрения температурного параметра: *жаркий день* ‘сильная степень тепла, от солнца’, *тёплый день, прохладный день, холодный / холодноватый день, морозный день* ‘стужа, при которой вода мерзнет, а градусник опускается ниже нуля’ [т. 4, с. 249].

6. День как целостный период. Значение ‘промежуток времени, равный 24 часам’ передают местоименное прилагательное «весь» и адъектив «целый»: *весь день, целый день.*

7. Временная характеристика дня: *прошлый / прошедший день* ‘предшествующий настоящему’, *ушедший день, день прибывает / убывает; Век мой прошёл, а дней у Бога не убыло* [1, т. 4, с. 459].

8. Величина дня: *короткий день* ‘не долгий, протекающий в малый промежуток времени’, *долгий день* ‘продолжительный, длящийся в течение значительного времени’, то есть *день* метафорически репрезентируется в качестве объекта,

наделённого физическими параметрами: *Дни удлиняются / укорачиваются; Долог день, да нитка коротка, весной.*

Таким образом, лексема «день» приобретает статус универсальной категории. В сознании русского человека она передаёт характеристику циклического времени в сочетании с его восприятием.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : «ТЕРРА» – «TERRA», 1995.
2. Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Николина Н. А., Щеболева И. И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. Ч. 1 / под ред. Е. И. Дибровой. – 3-е изд., стер. – М., 2008. – 480 с.
3. Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 1996. – Т. 55. – № 3. – С. 3–24.
4. Пенталь Д. В. Суточный цикл и неметрическое время в испанской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.05\ «Романские языки» / Д. В. Пенталь. – Воронеж, 2007. – 198 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Полежаева С. С.

**Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
Тирасполь, Молдова, Приднестровье
svetlanapolejaeva1506@mail.ru**

Формирование гражданской идентичности – важная составляющая образования и воспитания для любого сообщества, в особенности для многонационального. Таковым является приднестровский народ – люди многих национальностей, проживающие в одном, пока еще не признанном юридически, но существующем фактически более четверти века – государстве Приднестровская Молдавская

Республика. На территории Приднестровья исторически сложилась многонациональная общность людей, говорящих на разных языках и имеющих разную культуру. Это русские, молдаване, украинцы, белорусы, болгары, гагаузы, поляки, армяне, немцы и др. Объединяющим элементом для мирного содружества людей всех национальностей является *русский язык*, который преобладает во всех сферах общения.

В республике законодательно провозглашены три официальных языка – молдавский, русский и украинский. Все они изучаются в рамках учебной дисциплины «Официальный язык (молдавский, русский, украинский) и литература» в организациях образования с разными языками обучения. При этом формируется равное уважительное отношение ко всем языкам и народам, к их национальным обычаям, традициям, верованиям. Так осуществляется идея взаимопроникновения в языки и культуры разных народов, проживающих вместе на одной территории, объединенных гордостью за свою страну, с честью носящих имя «приднестровец». Важно, что именно русский язык как историческая языковая и культурная доминанта является интегративным элементом, формирующим гражданскую идентичность приднестровцев.

Описание особенностей становления языковой личности в полилингвистическом сообществе стало **целью исследования** корпуса учебной литературы, используемой на занятиях по предметам «Официальный русский язык» (в школах с молдавским и украинским языками обучения) и «Литература Приднестровья» (в школах с русским языком обучения). **Материалом исследования** послужили тексты, помещенные в учебники и учебные пособия; иллюстративный языковой и культуроведческий материал подвергался изучению с применением следующих научных **методов**: метода компонентного анализа, приема дистрибутивного анализа, анализа словарных дефиниций, методики контекстного анализа и других.

Представим некоторые **результаты** проведенного исследования текстов в учебнике-хрестоматии «Литература Приднестровья» [1].

Одними из показательных являются тексты, отражающие национально-культурный компонент – *празднества* в России, Украине, Молдове и Приднестровье. Это *щедровки (щедрівки), колядки, веснянки* (святочные народные песни, исполняемые в Украине, Белоруссии и на юге России обычно под Новый год) и *колинды, хэитурь* – обрядовые песни в новогодние праздники в Молдове и Румынии, обычно на рождественскую тему, а также народные лирические песни – *дойны*. Слова украинского языка (*щедрівка*) и молдавского языка (*колинда*) имеют соотносительные формы в русском языке – *щедрый, щедровка* и *колядка, колядовать*, что показывает *пересекаемость* этих наименований празднеств как в разных языках проживающих на территории Приднестровья этносов, так и в их разных культурах.

Один из **выводов** исследования: ключевые слова культуры разных народов представляют, в той или иной мере, *ценностную значимость* для многонационального сообщества Приднестровья, формируют его языковую картину мира. Это свидетельствует о *пересекаемости лингвокультурных парадигм* этих и других народов, проживающих в Приднестровье, как основе формирования их гражданской идентичности.

Литература

1. Литература Приднестровья (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 7 – 9 классы. Учебник для организаций общего образования / Авт.-сост.: Т. А. Арабаджи, И. Л. Павловская. – Тирасполь: ПГИРО, 2011. – 188 с.

СПЕЦИФИКА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ

В «НЕАПОЛИТАНСКОМ КВАРТЕТЕ» ЭЛЕНЬ ФЕРРАНТЕ

Чибирева Е. И.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялта
Ялта, Российская Федерация
alyonachibireva@gmail.com

В художественной литературе всегда уделялось особое внимание женскому образу, который находит свое отражение в произведениях многих отечественных и зарубежных писателей и поэтов.

Объектом нашей работы является роман итальянской писательницы Элены Ферранте «Неаполитанский квартет», повествующий о жизни двух подруг из бедного квартала Неаполя: Элене Греко, от лица которой идет повествование, и ее лучшей подруге – Рафаэлле Черулло. Цель работы – выявить специфику женских образов главных героинь.

Как следует из названия самого романа, действие происходит в Италии, в городе Неаполе, в послевоенное время, где «...<...> женщины растратили себя, угождая мужьям, отцам и братьям, ...<...>... подточенные болезнями, возрастом и непосильным трудом» [3, с.109].

В данном произведении мы наблюдаем как прямую, так и косвенную характеристику персонажа, когда «характер вырисовывается из поступков и поведения героя» [2, с. 200]. Образ Лилы раскрывается только через мысли и эмоции Лену: она обладает стремлением к справедливости, очень умна и сообразительна, у нее отлично получается все, за что она берется, но при этом она обладает твердым и непростым характером «с очень устойчивыми свойствами, заявляющими о себе в каждом высказывании, поступке, жесте» [1, с. 267]: «Лила..., с детства...отличалась непреклонной решительностью < ... > что бы она ни задумала<...> – сделает это без колебаний» [4, с. 29].

Лену – полная противоположность своей подруги, застенчива и не уверена в себе: «Я много чего в жизни делала, но всегда сомневалась в себе, всегда чувствовала, что мои поступки существуют, словно отдельно от меня» [4, с. 29]. Лену посвятила себя написанию романов, в которых рассуждала о феминизме и социализме и которые принесли ей известность и славу.

В качестве косвенной характеристики героя особое внимание уделяется специфике итальянского языка, а именно использованию его литературного варианта или диалекта. Выбор того или иного варианта помогает ярче отобразить характер героинь, способствует раскрытию чувств, их лексический запас является одним из маркеров, характеризующих образы героев. Литературный язык для персонажей является признаком независимости и превосходства. Использование диалекта указывает не только на недостаток образования, но и порой защищает героинь в

собственном квартале. «На виа Тассо <...> я чувствовала себя синьорой, и вела себя соответственно, но стоило мне оказаться в нижней части Неаполя, особенно в нашем квартале, как вся моя утонченность исчезала; <...>; когда меня кто-то злил, я запросто переходила на диалект и поливала обидчика самыми грязными ругательствами» [4, с. 157].

Изображение реальной действительности, суровых будней бедного неаполитанского квартала – нашло свое отражение в образе итальянской женщины того периода, заключающем в себе живой протест против насилия, дискриминации, непосильного труда и тяжелых условий жизни. Образ героинь в романе Э. Ферранте ломает стереотип угнетенных женщин и создает новый собирательный женский образ, который заключается в переосмыслении своей роли женщины в семье и социальной жизни.

Литература

1. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – М. : INTRADA, 1999. – 413 с.
2. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б. В. Томашевский. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 336 с.
3. Ферранте, Э. История нового имени : пер с итал. / Э. Ферранте ; пер. Т. Быстрова. – М. : Синдбад, 2018. – 512 с.
4. Ферранте, Э. Моя гениальная подруга : пер с итал. / Э. Ферранте ; пер. О. Ткаченко. – М. : Синдбад, 2018. – 352 с.

3. РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВА «КРАСНЫЙ»

В ИДИОСТИЛЕ А. А. БЛОКА

Алиева В. Н., Трушина А. О.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
nastya_trushina.97@mail.ru

Для современной лингвистики характерен антропоцентрический подход к языку, следовательно, проблема изучения языковой личности является достаточно актуальной. **Цель** нашей работы заключается в выявлении семантического потенциала колоратива «красный» в идиостиле А. А. Блока. **Материалом** для исследования послужила лирика поэта. Анализ цветовой лексики осуществлялся на основе выделения номинативного, символического и образного словоупотреблений [5]. Лексикографические источники представляют 5 значений лексемы «красный»: «1. Цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака. 2. Относящийся к революционной деятельности, к советскому строю, к Красной Армии. 3. Употребляется в народной речи и поэзии для обозначения чего-нибудь хорошего, яркого, светлого. 4. Употребляется для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь (спец.). 5. Военнослужащий Красной Армии» [4, с. 453]. Данные узусные значения присутствуют в лирике А. А. Блока. Однако в большинстве случаев, наблюдается осложнение семантики колоратива «красный» в результате актуализации контекстуальных сем. Значение красного цвета в сочетании с тематической группой «рассвет» трансформируется: актуализируется сема «благочестивый» («Я шёл к блаженству. Путь блестел // Росы вечерней красным светом» [1]). В данной группе выделяется также сема «зловещий», восходящая к апокалиптическим мотивам (стихотворение «Невидимка»). Отметим частое употребление красного цвета с тематической группой «одежда». В подобных

словосочетаниях красный ассоциируется у А. Блока с непоколебимой силой и влечением, которые в конечном итоге приводят к неистовству (стихотворение «Благовещение»). При описании пламени в цветообозначении «красный» на первый план выдвигаются семы «сакральный» и «неприкосновенный». Так, в стихотворении «Покраснели и гаснут ступени» красный предвещает воплощение далёких грёз. В других контекстах красное пламя поэт связывает с мучительным страданием: *«Вот ребенок засыпает // На груди твоей, сестра...// Слышишь, он во сне вздыхает, – // Видит красный свет костра: // На костер идти пора!»* [1]. В некоторых стихотворных отрывках номинативное словоупотребление колоратива «красный» не расширяется контекстуальными семами. Однако и здесь нельзя исключить важную функцию цвета в формировании индивидуальной картины мира писателя. Например, в описании луны А. Блок всегда использует красный колоратив. Исследователи Д. Е. Максимов и З. Г. Минц связывают это с эсхатологическими взглядами поэта [2; 3]. Идиостилю А. А. Блока присуще и абсолютное абстрагирование от ядерной семы, включающую цветовую характеристику. В подобных контекстах лексема «красный» является символом и, чаще всего, выполняет роль сакрального знака в сочетании с единицами «зов», «весть»: *«Остался красный зов зари // И верность голубому стягу»* [1]. В стихотворении «Сытые» поэт использует словосочетание «красных смех», который символизирует молодую силу.

Образное словоупотребление цветоименования «красный» в лирике автора связано с индивидуально-авторской трансформацией значений элементов языковой системы, например, случаи переносного употребления: *«красный червяк»* – пламя, *«красный призрак»* – рассвет, *«красный паяц»* – луна и др. Анализ словоупотреблений колоратива «красный» в идиостиле А. А. Блока позволяет сделать вывод о расширении семантических границ данной лексемы, что свидетельствует об особом, индивидуально-авторском восприятии окружающей действительности.

Литература

1. Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах / под общ. ред. В. И. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. – М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит.-ры., 1960.

2. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Е. Максимов. –Л.: Советский писатель, 1981. – 551 с.
3. Минц З. Г. Поэтика Александра Блока / З. Г. Минц. – СПб: Искусство, 1999. – 727 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
5. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя / Д. М. Поцепня. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1997. –294 с.

ЦВЕТОВЫЕ ЛЕКСЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ГУМИЛЁВА

Алиева В. Н.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
vasfiye.ali@gmail.com

Цель работы – анализ особенностей функционирования цветоименований в творчестве Н. С. Гумилёва. Объект исследования – система лексических единиц со значением цвета в лирике поэта. Предмет исследования – языковая картина мира, отразившаяся в художественном творчестве Н. С. Гумилёва. Материал исследования базируется на сборниках стихов поэта. Составленная картотека (сплошная выборка контекстов, в которых используются цветоименования) и лексикографические материалы (толковые словари) послужили основой для данного анализа.

Лингвоцветовая картина мира, как известно, находится на стыке языковой и культурной картин мира. Это совокупность концептов цвета, выраженных лексическими средствами с колоративной семантикой. Именно в форме цветообозначений она реализуется в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях, а также в других вербальных средствах языка [3, с.169]. В процессе реализации цветовые обозначения соотносятся с определёнными объектами и понятиями, они традиционны для конкретной этнической общности (например, для русского народа: *белый – свет, чистота, добро; чёрный – несчастье, зло*). Данные символы первичны из-за сходства с окружающей реальностью, но в

различных культурах они значительно отличаются. Особую группу составляют ассоциативные понятия цвета, символы, в которых между цветом и понятием устанавливается ассоциативная связь в конкретной ситуации. Подобные цветовые символы чаще используются в поэзии в виде метафоры, они тесно связаны с индивидуально-авторской картиной мира – субъективным видением художника слова; в поэтических строках выражаются его представления об окружающей действительности: *«И ты еще так любишь смех земного, алого покрыва И ты вплетаешь яркий грех В гирлянды неба голубого»* (поэма «Осенняя песня») [1].

В русском языке по «существующему негласному консенсусу» основными принято считать семь традиционных цветов радуги, еще *розовый* и *коричневый*, а также ахроматические цвета – *белый*, *черный*, *серый* [3, с. 31]. Кроме основных цветообозначений в поэзии Н. С. Гумилёва довольно часто встречаются оттеночные колоритивы (*алый*, *бурый*, *сизый*, *малиновый*, *русый*, *свинцовый* и др.). Это и *«багровые сети крокодилийх сомкнутых век»*, и *«нетленный пурпур королевских мантий»*, и *«небо, точно бирюза»*. Для выражения образности поэт использует цветовые оттенки, представленные сочетанием колоритивов разной яркости и языкового оформления. Лазурный цвет, к примеру, символически ближе к голубому, чем к синему. Этот колоритив является составной частью романтических образов и мечтаний: *У тех царей лазурный сон Заткал лучистый взор* («С тобой я буду до зари») [1].

В анализируемых текстах выделяются простые и сложные цветоименования. Например, белый цвет характеризуется широкой сочетаемостью и входит в качестве основного компонента в состав многих сложных (по структуре и семантике) цветоименований: *безумно-*, *воздушно-*, *дымно-*, *стыдливо-*: *Она идёт, краса дриад, Стыдливо-белая невеста. Она прекрасна и тиха* («Песня дриады») [1; 2]. Отметим, что цветовые лексемы присутствуют в разной мере почти во всех стихах, но в ранних произведениях цветоименований больше, они ярче и разнообразнее, а также сложнее по структуре (*крово-красный*, *золотисто-огненный*, *сине-хрустальный*).

Все лексемы со значением цвета выражены на письме в виде определенных частей речи: цветовые прилагательные, которые легко могут переосмысляться: *белый* (цветы, мрамор, тень, свет); суффиксальные образования от имён существительных: *розоватость* (розоватость кожи), *лазурность* (лазурность мантий); глаголы – *алеют* (розы, губы), *розовеют* (снега, птицы); причастия и деепричастия. Анализ лирики Н. С. Гумилева позволяет выделить черты цветописи в лирических текстах: использование большого количества сложных наименований, преобладание разнообразных оттеночных обозначений цвета над основными колоративами.

Цветонаименования в поэтическом контексте составляют сложную единую систему. Богатство красок, разнообразие оттенков, умелое их использование в речи характеризуют Н. С. Гумилева как многогранного мастера слова.

Литература

1. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы / Н. С. Гумилёв // Сборник стихотворений и поэм из прижизненных и посмертных книг Н. Гумилева. – Тбилиси: Мерани, 1989. – 493 с.
2. Охрицкая Л. М. Лингвокультурологический аспект многозначности цветонаименований: автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук / Л. М. Охрицкая. – Челябинск, 2012. – 18 с.
3. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 176 с.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОПРИАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ Н. НОСОВА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ И ЕГО ДРУЗЕЙ»)

Ачилова Е. Л., Ачилова В. П.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
elena-achilova@yandex.ru, achilovavp@mail.ru

Исследовательский интерес к именам собственным в художественном тексте появился в 60-е годы XX века. И первым в СССР диссертацию в этой области написал

преподаватель нашего факультета В. Н. Михайлов – «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и XIX вв., их функции и словообразование» (1956 г.).

К настоящему времени подверглись изучению и другие хронологические периоды функционирования литературных онимов, и употребление таких имен (как реально существующих, так и вымышленных) в отдельных произведениях. К примеру, авторы литературных сказок часто дают персонажам игровые, говорящие имена, используя преимущественно нарицательные названия, реже – окказионализмы.

Переход имени нарицательного в имя собственное на основе типизированного признака называют проприализацией, а образованное таким способом имя собственное – проприумом. Кроме графического знака, указывающего на процесс проприализации (прописной буквы), присутствуют и его текстуальные признаки – проприальные сигналы (термин Х. Кальверкемпера).

Цель данной работы – анализ проприальных сигналов в оригинальном тексте и особенностей их воспроизведения в переводных текстах.

Источником исследования послужила первая часть трилогии Николая Носова о Незнайке – «Приключения Незнайки и его друзей», её перевод на украинский язык Фёдора Макивчука и перевод на английский язык Маргарет Уэттли.

Основными **методами** исследования стали контекстуальный, описательный и сопоставительный.

Результаты исследования. Николай Носов в тексте сказки использовал все известные проприальные сигналы.

1. Имяпорождающие контексты с однокоренными глаголами: в форме настоящего времени (в речи персонажей) *зовут*, прошедшего времени (в авторской речи) *звали, называли – назвали, назывался, прозвали*, а также существительным *название*. В украинском переводе глаголы могут быть как соответствующими, так и с другими аффиксами: русск. *звали* – укр. *називали*; русск. *называл* – укр. *звав*; *назывался* [город] – *звалось* [місто]. В одном случае вместо словосочетания *назвал себя* употреблён глагол *відрекомендувався*. Устойчивое словосочетание *получил*

название [город] украинский переводчик заменил глаголом *звалося* [місто]. В английском переводе встречается вторая форма глаголов *called* и *named*, а также пассивные конструкции *is called*, *was named*.

В одном из контекстов в английском переводе сочетание *назвал себя* переведено с помощью глагола речи *told* + существительное *name* (*told his own name*).

2. Контексты с существительным *имя*: русск. *по имени* – укр. *на ім'я*, англ. – конструкции *by the name of*. В одном предложении глагол *звали* заменён формой *на ім'я*.

Зафиксировано также объединение двух имяпорождающих контекстов, которое в переводных текстах может не сохраняться, ср.: русск. [Пудик] *выбрал себе другое имя и стал называться* [Цветиком] – [Пудик] *прибрав собі інші ім'я і став зватися* [Квітик] – англ. *...all poets like to have beautiful names, he chose another for himself. He called himself Posey*; русск. *улицы назывались именами цветов* – укр. *вулиці мали назви квіток* – англ. *and the streets were all named after flowers*.

3. Контексты с определяющим апеллятивом. Это преимущественно указание на род занятий персонажей сказки (*доктор Пилюлькин*) и другие их характеристики (*другие малыши: Торпыжка, Ворчун; наши соседки: Галочка, Ёлочка*), сохранённые в украинском (*лікар Пілюлька; інші коротульки: Поспішайко, Бурчун; наші сусідки: Галочка, Ялиночка*) и английском (*Dr. Pillman; the others were called Swifty, Crumps* [здесь переводчик предпочел употребить местоимение *the others* с пассивной конструкцией]; *neighbours: Minny, Winny*) переводах. В английском переводе апеллятив может сочетаться с проприальным сигналом *name*: *there was a hunter named Shot; an artist named Blobs; a musician named Trills*.

Выводы. Проприальные сигналы имеют отношение к лингвистике текста и могут быть объектом межъязыкового сопоставления.

ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ КАК ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА²

Дзюба Е. В.

Уральский государственный педагогический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
dziuba@mail.ru

Исследователи, в круг научных интересов которых входит обеспечение связи образовательной среды с запросами современного общества, указывают на важность проблемы соотношения двух разнонаправленных тенденций в образовании: этноцентризма и поликультурности. Эта проблема в первую очередь должна решаться в сфере лингвистического образования – на научно-методологическом и лингвометодическом уровнях. В теоретико-методологическом аспекте необходимо с точки зрения лингвокогнитологии и психолингвистики описать когнитивные механизмы, лежащие в основе этих ментальных процессов: отторжения или принятия иного, возможности адаптации к чужому и чуждому. Этноцентризм традиционно понимается как стремление человека, носителя определенной этнокультуры, воспринимать и – главное – оценивать явления и факты иной культуры сквозь призму системы норм и ценностей, присущей его собственной культуре [3, с. 173]. Нередко такое восприятие приводит к когнитивным и эмоциональным диссонансам, к негативному восприятию традиций и обычаев представителей иных этнических групп, актуализирует конфронтационные настроения и т.п.

Важно отметить, что сам феномен этноцентризма является вполне естественным с когнитивной точки зрения. Изучение нового сквозь призму уже известного, ранее познанного, привычного – это один из основных когнитивных механизмов, свойственный человеку вообще, поэтому этноцентричное восприятие феноменов иной культуры – это вполне понятное и объяснимое свойство человеческой природы.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному».

В сфере лингвистического образования приходится сталкиваться с двусторонним этноцентризмом: со стороны учащихся, изучающих иностранный язык, и со стороны самих преподавателей, которые стремятся в максимально сжатые сроки заполнить лингвокультурной информацией лакуны в сознании иностранцев. Именно поэтому этноцентричность довольно часто становится свойством учебников национального языка как иностранного, в т.ч. учебников по РКИ. Современная концепция языкового образования, отличающаяся коммуникативной ориентированностью и антропоцентризмом, нацелена на диалог культур, т.е. на поликультурный подход в обучении иностранному языку [2]. Реализация данного подхода возможна, в первую очередь, при внутренней – когнитивно-психологической – готовности самого преподавателя к подобному диалогу. Методическим и технологическим инструментарием при таком подходе к языковому образованию является отбор собственно языкового и текстового учебного материала, нацеленный на отражение межкультурных связей в языке и мире, а также отвечающий требованиям толерантности и корректности по отношению к представителям иных культур. Так, в одном из учебников по русскому языку как иностранному (авторство не указано намеренно), подготовленном авторитетными авторами и опубликованном в известном российском издательстве, обучающимся предлагается такое задание: «Поддержите разговор, используя в своих репликах один из предложенных фразеологизмов (список фразеологизмов прилагается):

- *Футболисты из Луганска опять проиграли.*

- *Ну, как всегда! Что от них еще ждать? Хоть бы раз они ...»* (по условиям задания необходимо добавить фразеологизм *оказались на высоте*). Вряд ли авторы учебника задумались о корректности подобного задания. К сожалению, и российские футболисты, которыми соотечественники начинают все больше гордиться, тем не менее, далеко не всегда оказываются на высоте.

Не менее важным в этом смысле становится отбор текстового материала, представляющего факты культуры страны изучаемого языка в их взаимосвязях с феноменами иных культур. Так, в одном из болгарских учебников для школьников, изучающих русский язык как второй иностранный, в разделе «Как мы общаемся»,

предлагается параллельно ознакомиться с двумя историями любви: Владимира Высоцкого и Марины Влади – с одной стороны, Джона Леннона и Йоко Оно – с другой стороны [1, с. 102 – 104]. Эти тексты не просто раскрывают две истории знакомства и развития отношений представителей творческой среды, эмоциональная тональность этих текстов заставляет вызвать у читателя уважение к высоким отношениям влюбленных, понять, сколь ценны и значимы эти светлые чувства в жизни человека. Поликультурный подход к освещению общегуманистических ценностей здесь вполне очевиден.

Итак, феномен поликультурности необходимо рассматривать в когнитивном аспекте в тесной взаимосвязи с категорией этноцентризма и в научно-методическом аспекте, касающемся выработки концептуально-аксиологических основ отбора учебного материала при обучении иностранному языку (в частности – русскому языку как иностранному), который бы соответствовал принципам толерантности, корректности и открытости межкультурному диалогу.

Литература

1. Алексиева Т. Я знаю на отлично русский язык: учебник для 12 классов с изучением русского языка как второго иностранного / Алексиева Т., Лазова О., Миланова В. – София, 2015. – 128 с.
2. Бердичевский А.Л., Голубева А.В. Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного. – СПб. : Златоуст, 2015. – 140 с.
3. Макеева И.А. Формирование осознанного этноцентризма в ходе межкультурного обучения будущих переводчиков / И. А. Макеева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 58. – С. 173-177.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СФЕРЕ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Кондратьева Т. С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
tanja-anja72@mail.ru

Назарова И. П.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»
leto_eto_i@mail.ru
Краснодар, Российская Федерация

Изучение особенностей деловой коммуникации, в том числе и на иностранном языке, важный компонент подготовки квалифицированного специалиста. Любой вид делового общения – беседа, переговоры, презентация, телефонные разговоры и деловая переписка – коммуникативные процессы, которые состоят из серии речевых действий, приводящих к ожидаемому результату.

Общая практика владения иностранным языком в деловой сфере постепенно становится необходимым элементом подготовки будущих специалистов по различным направлениям. Например, бакалавры по направлению «Менеджмент» в полной мере могут быть отнесены к представителям сферы повышенной речевой ответственности. В этой связи перед кафедрами иностранных языков высшей школы, согласно требованиям Государственных образовательных стандартов, стоит задача непрерывного повышения качества преподавания. Если деловое общение происходит на иностранном языке, то важное значение приобретает межкультурный аспект переводческой деятельности с учетом специфики функционирования языковых единиц в инокультурной социальной ситуации.

Деловые письма являются необходимым средством установления и поддержания деловых контактов. Письмо-отказ является, на наш взгляд, самым трудным для составления и, помимо обязательного выражения благодарности за предложение (1), должно содержать вежливый и обязательно мотивированный отказ (2), а также выражение надежды на дальнейшее сотрудничество (3). Единство всех

трех частей призвано не допустить разрыва и нежелательной трансформации деловых отношений.

В русской, английской и немецкой деловой речи для этого обычно используются следующие клише:

В ответ на Вашу просьбу (запрос, предложение, заказ) с сожалением сообщаем (вынуждены, должны сообщить)

In response to your request (request, proposal, order) we regret to inform you (we have to, must inform) ...

Auf Ihren Antrag vom ... teilen wir Ihnen leider mit, dass

Ваш заказ (запрос, предложение), к сожалению, не может быть нами принят...

Unfortunately, your order (request, offer) cannot be accepted by us

Ihr Antrag (Vorschlag), Ihre Bitte ... kann von uns leider nicht angenommen und betrachtet werden

Не считаем возможным принять Ваше предложение по ряду причин...

We do not consider it is possible to accept your offer for a number of reasons...

Es gibt, leider keine Möglichkeit, Ihren Angebot anzunehmen. Dafür gibt es viele Ursachen...

Мы планируем (согласны, найдем возможность, сможем) вернуться к этому вопросу (рассмотреть Ваше предложение)...

We are planning (we agree, we will find the opportunity, we can) return to this issue (consider your proposal)...

Es kommt uns darauf an, dass wir diese Sache noch untersuchen werden...

Таким образом, для составления письма-отказа на русском, английском и немецком языках используются традиционные для официально-делового стиля языковые средства: нейтральная и/или книжная лексика, отказ от неявного выражения мысли (однозначные и клишированные лексические единицы), неупотребление лично-указательных местоимений и личных местоимений единственного числа и нек. др.

ОНОМАСТИКОН КРЫМА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мартынюк А. Я.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация

Ономастикон любого региона является важной составляющей общего историко-культурного наследия государства и способен отразить этнические судьбы проживающих на данной территории народов и исторические этапы развития общества. Бесспорным является тот факт, что географические названия существуют в рамках лексической системы, развиваются по общим языковым законам, однако в то же время испытывают влияние внеязыковых, экстралингвистических факторов. Исследователи единодушны в том, что данный языковой пласт, чрезвычайно чувствительный к любым изменениям, происходящим в обществе, несёт в себе лингвистическую, этнографическую, историческую, социальную, этническую и культурологическую информацию.

Ономастический материал обладает особой культурно-исторической ценностью, поскольку включает в себя несколько взаимосвязанных блоков: информацию об этнической истории, о социальной жизни, о материальной культуре народа, о духовной культуре. Как отмечает А. В. Суперанская, «образ, положенный в основу имени собственного, весьма индивидуален у каждого народа, и имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотнесено с его культурной традицией» [1, с. 40].

В современной ономастике уделяется особое внимание историко-культурному аспекту изучения имен собственных, который может интерпретироваться как лингвострановедческий (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. Д. Бондалетов), лингвокультурологический (Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова, В. П. Нерознак, В. И. Постовалова, и др.), этнолингвистический (Е. Л. Березович, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров и др.), когнитивный (М. В. Голомидова, М. Э. Рут и др.).

Не вызывает сомнения тезис о том, что ономастикон — это зеркало, отражающее историю и языка, и страны. В разные исторические периоды в ономастиконе Крымского региона возникали особые закономерности, изучение которых способно дать широкий спектр различных сведений, касающихся практически всех областей человеческой жизнедеятельности полуострова. Имена собственные, возникшие и возникающие в разные периоды истории развития Крыма, являются важной составляющей общенационального языкового и культурно-исторического пространства. Исходя из этого, можно утверждать, что их сохранение и изучение представляются особенно актуальными на современном этапе. История Крыма начинается задолго до появления человека, когда в результате прорыва вод из Средиземного моря и образования Босфорского пролива, за довольно краткий период были затоплены значительные территории, и образовался Крымский полуостров. Историческое прошлое Крыма богато и наполнено событиями и культурным многообразием. В ономастиконе Крыма отразились и история, и языки народов, населявших его с древних времен и до наших дней. Ономастикон Крыма отражает особенности исторического развития полуострова: пребывание здесь в разное время множества различных народов, их взаимосвязи, взаимодействие культур, языков и общественных укладов. Среди топонимов Крыма присутствуют и номинации, происхождение которых определить невозможно, и поэтому их перевод трактуется разными авторами неоднозначно (*Симферополь, Судак, Алушта* и др.).

Таким образом, способность онимов фиксировать структуру и типологию материальной и духовной культуры народа может оказаться весьма полезной при описании этнографического материала. Именно поэтому комплексное изучение региональной топонимики имеет серьезные перспективы.

Литература

1. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.

СОЦИАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И СЕМАНТИКА

Матюев Т. З.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
matijiv62@mail.ru

Социальная маркировка прозвищ занимает особое место в антропонимической системе Крыма. Эта группа антропонимов достаточно значима, так как ярко показывает социальную функцию современных неофициальных наименований [1, с. 13; 2, с. 11]. Значительная заслуга в исследовании прозвищ по социальному признаку принадлежит А. М. Селищеву [5], исследуется социальный аспект бытования современных прозвищ [3], анализируется социальная оценка прозвищ [4]. **Актуальность** работы заключается в том, что социально маркированные прозвища жителей Крыма не были предметом специального изучения и представляют собой интересный фактический речевой материал для исследования. Мы зафиксировали 86 единиц этой номинации.

Цель статьи – исследовать социально маркированные прозвища жителей Крыма с точки зрения функционирования и семантики.

Социальный признак всегда был способом индивидуализации человека в коллективе. Высокий чин, важная должность, бедность, богатство постоянно находились в поле зрения людей. Поэтому наименования не только отображают социальный статус самих носителей, но и отношение людей к этим именуемым. Изучив фактический материал, мы выделили четыре группы наименований. Первая включает в себя прозвища, которые отображают **должность именуемого лица**. Статус человека, определяемый должностью, всегда интересовал окружающих. Должность главы колхоза или совхоза, его заместителя представлена такими наименованиями: *Голова (З), Головиха, Директор, Зам, Пред, Шеф*. Заведующего складом называли *Цитук*; наименование *Хрюнтя* получила заведующая свинофермой, а заведующий другой фермой – *Свинопас*; управляющего в колхозе

назвали *Управ*, бригадира в совхозе так и прозвали – *Бригадир*. Директоры школ именуются: *Дрек*, *Шеф*, директора макаронной фабрики прозвали *Макарена*. Именуемого, занимающего руководящие посты, называют *Господин Начальник*, командира в армии именуют *Батя*. Школьные поручения представлены такими наименованиями: *Командир*, *Мистер Президент*, *Старуха*, *Старый*. Прозвища этой группы функционируют как среди женщин (3), так и среди мужчин (19). Больше всего именованных, которые мотивированы административной должностью (11).

Вторая группа отображает **финансовый уровень референта**. Антропонимы этого разряда образуют оппозицию бедный/богатый. Низкий финансовый уровень представлен наименованиями: *Бедный* (жалуется, что нет денег), *Голод* (семья жила бедно), *Голодуха* (не хватает денег, постоянно голоден), *Дай-Дай* (часто что-то просит). Расточительство является мотивацией прозвища *Транжира*. Стяжательство послужило для образования именованных: *Буржуй* (2), *Ворона* (3), *Клюшка*, *Кубышка*, *Пузырь*, *Шишка*; именуемый *Светлое Будущее Темное Прошлое* пытается на всем заработать деньги. Богатство всегда вызывало чувство зависти у тех, кто не мог его достичь. Это объясняется многочисленностью наименований, мотивированных высоким уровнем дохода: *Доллар* вместе с женой занимается продажей и покупкой иностранной валюты; достаточно обеспеченного человека именуют *Бедный*; *Арендаторша* занимается арендой земли; *Мясной Король* разводит и продает крупный рогатый скот; зажиточную высокомерную женщину именуют *Боярыня*; богатого человека называют *Каземир* – здесь ассоциация с представителями польского дворянства (шляхтой), многие из которых были магнатами; именуемый *Банк* имеет много денег; у *Заправщика* была своя заправочная станция; хозяина клуба игровых автоматов прозвали *Windows 98*; референт *Кошелек* постоянно имеет деньги. Всего зафиксировано 56 прозвищ.

Третья группа указывает на **социальную мобильность**. Продвижение по социальной лестнице, достигнутое собственными усилиями, подмечается имядателями: *Босс* стал президентом крупной компании без чьей-либо протекции; *Капитан* мечтал о звании капитана – и в итоге получил его. Мечтательность без определенных действий представлена в прозвищах: *Шеф* желал занять руководящую

должность, но ничего для этого не делал; *Депутат*, когда выпьет, доказывает, что он станет депутатом. В последних двух наименованиях просматривается насмешливое отношение со стороны имядателя.

Четвертая группа указывает на **низшее социально-экономическое положение**. Сюда мы относим прозвища тех людей, которые не желают работать, оказались без определенного места жительства и ничего не делают для того, чтобы поправить свое материальное положение. *Алладин*, без определенного места жительства, постоянно собирает бутылки; *Мисс Мусорка* – без определенного места жительства в селе; *Бомж* подбирает то, что выбросили люди; *Агент 007* незаметно собирает бутылки. Проявление юмора в прозвищах этой номинации основано на противоречии между семантикой прозвища и характеристикой именуемого.

Итак, наиболее многочисленными являются прозвища, отображающие финансовый уровень (56 наименований). Расточительство, стяжательство, богатство подмечаются в коллективе и служат для наименования. Прозвища, мотивированные должностью, употребляются преимущественно по отношению к мужчинам (19), чем к женщинам (3). Социальная мобильность представлена слабо (4). Группа, указывающая на низшее социально-экономическое положение, немногочисленна (4). Социальная маркировка прозвищ жителей Крыма отражает реалии современной жизни.

Литература

1. Денисова Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумяцкого и Ершицкого районов Смоленской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2007. – 25 с.
2. Королева И. А. Становление русской антропонимической системы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. А. Королева. – М., 2000. – 36 с.
3. Королева И. А. Социальный аспект бытования современных прозвищ / И. А. Королева // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики : сб. науч. статей. – Нижний Новгород : Изд-во НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2007. – С. 37-35.

4. Никулина З. П. О социальной оценке прозвищ / З. П. Никулина // Русская ономастика: Республиканский сб. научн. тр. / Отв. ред. В. Д. Бондалетов. – Рязань, 1977. – С. 87-91.
5. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев // Избранные труды А. М. Селищева. – М.: Просвещение, 1968. – С. 97-128.

**«ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
УКРАИНСКИХ ТИТРОВ К СЕРИАЛУ «ПЕС»)**

Михайлишина А. Ю.

(науч. рук. к.ф.н., доц. Ачилова Е. Л.)

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
greattiusha@mail.ru**

С момента возникновения устной речи люди начали использовать эмоционально-оценочную лексику для выражения определенного эмоционального состояния и отношения к окружающему миру, а также для придания речи выразительности. Исследование эмоционально-оценочных языковых средств, а также способов их перевода на разные языки является актуальным и активно развивается в современной лингвистике (В. И. Шаховский, А. Н. Баранов, В. И. Жельвис, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Комиссаров, Т. В. Маркелова).

Цель данного исследования – анализ лексико-семантических трансформаций при переводе эмоционально-экспрессивной лексики с русского языка на украинский язык. Для достижения поставленной цели были использованы такие методы исследования, как описание и обобщение, описательный и компонентный анализ.

Эмоционально-экспрессивная лексика – это универсальное средство выражения положительного либо отрицательного отношения. Данный пласт лексики является очень подвижным и активно используется в вербальной коммуникации. Для

лингвистического исследования наиболее удобным является перевод с субтитрами, т.к. он фиксирует в письменном виде переводной текст, что дает возможность провести полноценный анализ языковых единиц.

В границах описания процесса перевода переводческие трансформации мы рассматриваем как способы перевода, которые используют для создания наиболее подходящего содержания переводного выражения.

В своем исследовании мы опираемся на классификацию лексико-семантических трансформаций, предложенную Л. С. Бархударовым (дифференциация значений, конкретизация значения, генерализация значения, модуляция (смысловое развитие), антонимический перевод, компенсация) [1].

На данный момент исследованы 223 лексические единицы с эмоционально-экспрессивной окраской, однако границы исследуемого материала постоянно расширяются.

Среди исследуемых эмоционально-экспрессивных выражений 110 высказываний не подвергаются различным трансформациям, что составляет 49 % от общего количества анализируемых единиц; трансформация, проявляющаяся в дифференциации значения, представлена в 49 высказываниях, что составляет 22 %; конкретизация значения представлена в 18 исследуемых единицах, что составляет 8 %; генерализация значения присутствует в 4 лексических единицах и составляет 2 % от общего количества анализируемых единиц; модуляция представлена в 2 высказываниях и составляет 1 %; антонимический перевод представлен всего в 1 выражении, что составляет менее 1 %; компенсация присутствует в 9 выражениях и составляет 4 % от общего количества анализируемых единиц.

Всего лексико-семантические трансформации затрагивают 38 % анализируемой лексики.

В оставшихся 13 % задействованы синтаксические и грамматические трансформации.

Таким образом, анализ лексико-семантических трансформаций при переводе эмоционально-экспрессивной лексики с русского языка на украинский язык показал, что большая часть трансформаций задействованных единиц, была

осуществлена через лексические изменения, а именно дифференциацию значений; наименьшая часть – путем антонимического перевода.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975 – С.191-232.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Мочалова Н. Ю.

**Нижегородский государственный социально-педагогический институт (ф) РГППУ
Нижний Тагил, Российская Федерация
mochalova_n2008@mail.ru**

В современном глобализирующемся мире важно обнаружение универсальных каналов передачи и обмена информацией. Обозначенная универсальность не должна интерпретироваться как гетерогенно-однозначная.

Предпримем попытку представить художественный текст широко, как объект межкультурного взаимодействия, выходящего за пределы языкознания и литературоведения. Философско-эстетическое знакомство с теоретическими аспектами художественного текста позволяет выйти за рамки языкознания, сводящего содержание текста к экстралингвистическим явлениям как средоточию грамматических структур, лексического многообразия, фразеологических и стилистических приемов, что «уничтожает» желанный флер художественности.

Перевод обсуждения со структурных особенностей языка к вопросам коммуникации (т.е. в сферу актуализации – дискурса) сразу же обращает нас к проблеме целевого и ценностного взаимодействия. Предлагаем в качестве исходного определения художественного дискурса понимание его как динамической вербально-когнитивной системы открытого типа, обладающей помимо объективной предметности субъективной художественностью. Именно пристрастность, семиотическое своеволие определяют маркировку художественного текста и художественного дискурса. Наиболее конструктивными являются те концепции,

которые видят отличие художественного текста не в избытке художественных приемов (прочируем Р. Якобсона, определившего художественный язык как «организованное насилие над обычной речью»), а в функционировании его как открытой ди-, полилоговой системы (М. Бахтин, М. Бубер) [1; 2; 3].

Следует обозначить лингвистические механизмы доступа к художественному тексту. Понимание значений слов естественного языка – лишь предпосылка понимания художественного текста, имеющего помимо явного множество скрытых подтекстов, всякий раз индивидуально актуализируемых в конкретной ситуации восприятия. С семиотической точки зрения в художественном тексте существует «зазор» между лингвистическим знаком и денотатом; это отношения между означающим и как минимум двумя означаемыми. Первое значение денотативное, напрямую и жестко определяющее смысловое значение; этот тип означаемого называется коннотативным, и именно коннотации исключительно важны в содержании художественного текста, ведь они, являясь частью культуры, создают идентификационное пространство для адекватного восприятия содержания. Позиционируемый автором художественный текст должен быть рассчитан на «конкретного» потребителя: не только содержание сообщения, но и форма его должны быть созвучны внутреннему миру человека.

Сначала XX века обнаруживает себя тенденция интертекстуальности – «текст в тексте», где размыты границы «своего» и «чужого». Это поиск новых уровней своей ментальности, новых граней творческих возможностей. Интертекстуальность в данном контексте приводила к углублению тенденции индивидуального творчества, была неким прозрением, открытием сокрытого, но своего, самостождественного творческого Я. Проблема творческой идентичности автора снимается в эпоху постмодернизма. Если в начале XX века авторы понимали «интертекстуальность» как художественный прием оформления произведения, то авторы постмодернизма уходят из линейного измерения текстуальности в гипертекстуальность, в новое мультимедийное пространство существования межтекстовых децентрированных многомерных художественных связей. Синергетика открыла новое зазеркалье мира; его нестабильность, возрастающую сложность формообразования.

Литература

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1986.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979.
3. Бахтин М. М. Работы 1920-х годов / М. М. Бахтин. – Киев: Next, 1994.
4. Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем / М. Бубер. – М.: Республика, 1995.

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Хасанова М. С.

(науч. рук. д.ист. н, проф. Козлов Н. Д.)

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Пушкин, Российская Федерация
ГБОУ №341, Санкт-Петербург, Российская Федерация
montesino07@rambler.ru

Целью данного исследования было проследить, как изменялся статус русского языка и отношение к русскому языку после распада СССР на постсоветском пространстве на примере республик Беларусь и Азербайджан. Судьба русского языка в этих республиках складывалась по-разному. Если в Азербайджане сразу после распада СССР от русского языка практически отказались, то в Беларуси, напротив, он становится вторым государственным, наравне с белорусским. В ходе исследования, используя сравнительные и аналитические методы, была доказана необходимость повышения значимости русского языка в странах СНГ для улучшения и укрепления взаимоотношений между участниками СНГ в условиях сегодняшней глобализации. При изучении данного вопроса использовались следующие материалы: законодательные акты республик Беларусь и Азербайджан, различные статистические данные опросов населения по вопросу важности изучения русского языка, научные статьи о влиянии русского языка на территории Беларуси и Азербайджана.

Вторая половина XX века ознаменовалась периодом широкого распространения русского языка и культуры во всем мире. Общее количество владевших им к концу 1980-х годов составляло около 350 млн человек [9]. К настоящему времени население 14 бывших республик СССР насчитывает свыше 140 млн человек, однако русский активно используют, по оценкам экспертов, лишь 63,6 млн человек, а 38 млн вовсе не владеют им [9].

В начале 1990-х годов, сразу после распада СССР, наблюдалась тенденция к уменьшению сферы применения русского языка в странах СНГ. По сравнению с советским периодом количество средних школ с обучением на русском языке уменьшилось в странах СНГ и Балтии (за исключением Белоруссии) в среднем в 2-3 раза (а в отдельных странах – в 10 и более раз) [9].

К концу 1990-х годов стало очевидно, что в условиях происходящей глобализации надо стремиться не только к образованию общей хозяйственно-экономической, финансовой сферы, но и общего культурного пространства. На этом фоне в 1997 году была подписана Концепция правительствами государств – участников СНГ для формирования единого образовательного пространства [6]. Сегодня одним из успешных проектов будут славянские университеты [1; 3; 7; 10; 11].

С 2007 года Россия выделяет Азербайджану государственные стипендии на различные виды подготовки в своих высших учебных заведениях. Согласно данным опроса 2007 года, проведенного американским социологическим Институтом Гэллага, в Азербайджане на вопрос «Насколько важно для детей нашей страны изучение русского языка?» 36% респондентов ответили «очень важно», а 48% респондентов – «скорее важно» [4].

Если говорить о Беларуси, то она единственная страна СНГ, закрепившая за русским языком статус государственного. Как итог, на вопрос «Насколько важно для детей нашей страны изучение русского языка?» 100% респондентов ответили «очень важно» [4]. Закон «О языках в Республике Беларусь» принят по результатам референдума в 1998 г. [5]. В качестве родного языка назвали белорусский в 2009 г. более 60%, русский – более 37%. Согласно современным статистическим данным,

белорусский язык назвали родным 71,8% белорусов. Как будто бы есть рост по сравнению с 2009 г. Но реально в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, указали русский язык более 70%, белорусский язык – лишь 27% [8].

Прошло уже двадцать семь лет с момента распада Советского Союза, но и сегодня русский язык очень много значит в жизни каждого народа на постсоветском пространстве. Как справедливо заметила У.М. Бахтикиреева, он учит нас не очерчивать границы, а сооружать мосты между народами [2]. Сегодня русский язык обеспечивает единство евразийского пространства, являясь средством межнационального и международного общения [8]. Все это позволяет сделать вывод, что в будущем роль России на международной арене в условиях новой конфигурации сил и многополярности мира будет сопровождаться ростом значения русского языка в мире.

Литература

1. Бакинский Славянский университет [Электронный ресурс]. – URL: <https://bsu-uni.edu.az/ru/>
2. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения): монография / У. М. Бахтикиреева. – Изд. 2-е доп. – Астана: ЦБО и МО, 2009. – 282 с.
3. Белорусско-Российский университет [Электронный ресурс]. – URL: <http://bru.by/>
4. Есипова Н., Градиловский С. Русский язык на постсоветском пространстве. «Независимая газета» №11, 2008 [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=5555> (дата обращения: 03.02.2019).
5. Закон Республики Беларусь. Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1869 (дата обращения 03.02.1019)
6. Исполнительный комитет СНГ. Концепция формирования единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7560> (дата обращения 16.11.2018)

7. Кыргызско-Российский Славянский университет [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.krsu.edu.kg/index.php?lang=ru>
8. Маслова В. А. Диалог русского и белорусского языков в Республике Беларусь / В. А. Маслова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2015, №5. – С. 255-259.
9. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». №250-251, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema01.php> (дата обращения: 03.02.2019).
10. Российско-Армянский Славянский университет [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rau.am/rus/>
11. Российско-Таджикский Славянский университет [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rtsu.tj/ru/>

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ РЯД КОНЦЕПТА «УСПЕХ»

Бакуменко Г. В.

Армавирский социально-психологический институт
г. Армавир, Российская Федерация
genn-1@mail.ru

А богам-то спорынья честной требою была! (РНП)

Время формирования языкового концепта «успех» В. В. Виноградов определяет XVI – XVII вв., обнаруживая ослабевание его смысловой связи с глаголом «спеть» (*спѣти, спѣю*) (литовск. *spėti*, греч. *σπάω* и т. п.) [1, с. 657]. Функциональная нагрузка оценки продуктивности деятельности концепта «успех», связана с фундаментальными категориями повседневности, без которых трудно представить функционирование культуры как инструментальной системы, посредством которой человек позиционирует себя в окружающей среде для наиболее эффективного решения насущных жизненных задач [2, р. 150] или совокупности программ совместной жизнедеятельности людей (В. С. Стёпин, А. Я. Флиер и др.). Из чего можно сделать вывод, что в XVI – XVII вв. «успех» вытесняет некоторый близкий по категориальной функции концепт или сложную их совокупность.

Целью исследования является реконструкция *эволюционного семиотического ряда* [3, с. 20–36] концепта «успех».

Материалами исследования послужили толковые словари В. И. Даля, С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремова, С. А. Кузнецова и др., словарь синонимов В. Н. Тришина, пословиц и поговорок русского языка В. И. Даля, С. И. Ожегова, В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, мифологические словари М. Н. Ботвинника, М. А. Когана, Е. М. Мелетинского, этимологический словарь русского языка М. Фасмера – О. Н. Трубачёва, отдельные работы С. С. Аверинцева, В. В. Виноградова, В. В. Иванова, А. Ф. Лосева, Б. А. Рыбакова, В. Н. Топорова,

В. А. Якобсона, посвященные фольклористике, исторической лексикологии и мифологии.

Основной метод – *культурологическая атрибуция* (*культурная атрибуция* в трактовке А. Я. Флиера [4]) совокупности концептов русского языка, выражающих позитивную оценку продуктивной деятельности с политеистической и монотеистической моделями культуры с целью реконструкция эволюционного семиотического ряда [3, с. 20–36] концепта «*успех*».

Обнаружена связь вытеснения концептом «*успех*» в письменной речи XVI–XVII вв. совокупности близких по значению языковых концептов с эволюцией языческой картины мира. В устной речи множественность концептов в значении «*успеха*» сохраняется в слабой модальности, теряя связь с сакральными языческими сущностями и магическими практиками (например: *Род* – в язычестве не только категория бытия и божественная сущность, но и обозначение успеха [5, с. 436], сохранившееся в современной речи в концептах «*родовитый*», «*родной*», «*гениальный*»; *Спор* (божество достатка), *спора́*, *спóрина*, *спóрыния*», *спóрый*, *спóро* – в современном языке сохраняется как «*переспорить*» и др.). Эволюционный семиотический ряд: *Род* и роженицы, хтонические сущности → обереги и духи-помощники (множество специализированных сакральных концептов успеха, связанных с видами деятельности, включая *Сре́ча* – божество судьбы, пророчества, удачи) → бинарный концепт «*успех/удача*».

Эволюция языковой картины мира отражает трансформации фундаментальных категорий бытия при сохранении их функциональных связей.

Литература

1. Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М., 1999. – 1142 с.
2. Malinowsky B. A. Scientific Theory of Culture. – Chapel Hill, 1944. – 228 p.
3. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 2004. – 992 с.
4. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования / А. Я. Флиер // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 6. – С. 24–30.
5. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М., 2002. – 592 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ БИЛИНГВИЗМА НА КОММУНИКАТИВНУЮ КУЛЬТУРУ БЕЛОРУССКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Бедулина Г.Ф.

УО «Белорусский государственный экономический университет»
Минск, Республика Беларусь
bedulina@yandex.ru

Беларусь географически соседствует с Польшей, странами Балтии и Российской Федерацией. В республике сегодня существует государственное двуязычие. Это очень демократическое законодательное решение вопроса. Белорусскому и русскому языкам, в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, гарантированы равные права.

В рамках осуществления экспериментальной и инновационной деятельности в учреждениях образования на базе инновационных площадок Гродненской области (ГУО «Гимназия №1 имени К. Калиновского г. Свислочь», ГУО «Средняя школа № 2 г. Ошмяны») в течение двух лет реализовывался проект «Внедрение модели формирования коммуникативной культуры учащихся в контексте белорусского менталитета». Одним из основных направлений работы являлось развитие у обучающихся умения использовать различные формы и средства общения в условиях двуязычия. С целью изучения степени влияния билингвизма на коммуникативную культуру современных школьников проведено социологическое исследование. Были использованы метод анкетного опроса и сочинение-размышление «Билингвизм – плюсы и минусы». Исследование проводилось по разведывательному плану, требования к репрезентативности выборки не соблюдалось. В качестве респондентов выступили старшеклассники ГУО «Средняя школа № 2 г. Ошмяны».

Учащимся была дана возможность внести свои предложения в вопросах двуязычия. Удалось установить, что 72% опрошенных положительно относятся к государственному двуязычию, 18% – отрицательно. Результаты опроса показали, что нужна большая разъяснительная работа по пропаганде реальной ценности двуязычной личности, которая может наиболее полно реализовать свои творческие и профессиональные возможности.

Сейчас в нашей стране сложилась ситуация, когда ни один из существующих государственных языков не может полностью удовлетворить коммуникативные потребности в обществе. Человеку, который, например, всегда говорит по-русски и постоянно сталкивается с информацией на по-русски, трудно дается общение на белорусском языке.

Существование двуязычия в современных условиях можно проследить на примере из жизни Ошмянского региона Гродненской области. Современная языковая ситуация здесь характеризуется преимущественно сосуществованием и использованием обоих языков и может быть определена как белорусско-русское двуязычие, которое представлено:

- индивидуальным белорусско-русским двуязычием, когда двуязычный индивид, говорящий постоянно на белорусском, использует и русский язык;
- русско-белорусским двуязычием, если рядом с русским языком двуязычный индивид использует белорусский язык;
- индивидуальным белорусским или русским одноречием.

Рядом с белорусским двуязычием на территории региона в местах совместного проживания белорусов с поляками, литовцами, латышами, существует белорусско-польское, белорусско-литовское, белорусско-латышское двуязычие. Для неэтнических белорусов оно имеет характер польско-белорусского, литовско-русского, латышско-белорусского и т. д.

Таким образом, практика показывает: двуязычие способствует развитию коммуникативных навыков учащихся. Перспективы дальнейшего развития и функционирования двуязычия в обществе во многом будут зависеть именно от молодых. Коммуникативная культура формируется на основе ценностных установок молодежи и выступает в качестве индикатора общей культуры общества. Сегодня именно учреждения общего среднего образования являются основным государственным институтом, который поддерживает языковую компетенцию общества.

КЛЮЧЕВАЯ МЕТАФОРА «ВОЙНА» В СОВРЕМЕННОМ ПРОГНОСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Валева Л. В., Дёминова М. С.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
lv_valeeva@mail.ru; emdeminova@yandex.ru

Прогностический текст представляет собой уникальную информационную систему, основная прагматическая установка которой заключается в предвосхищении будущего. Метафора в структуре прогноза позволяет повысить эффективность его влияния, усилить оценочный и образный потенциал текста и создать устойчивые модели социального поведения реципиентов.

Целью исследования является разработка системы средств представления ключевой метафорической модели «война» в прогностическом тексте русского языка.

В работе использованы описательный, лексикографический, контекстологический, дистрибутивный методы исследования, а также методы дискурс-анализа и компонентного анализа.

Материалом исследования послужил корпус текстов астрологических прогнозов разной тематической направленности, взятый из интернет-ресурсов.

Исследование проводилось с опорой на классификацию В. П. Москвина [3], согласно которой были выделены следующие типы метафор: анималистическая, антропоцентрическая, пространственная и ключевая. Ключевая метафора «война» активно представлена в базовых тематических группах прогностических текстов – «любовные отношения» и «профессиональная деятельность».

Функционируя в текстах тематической группы «любовные отношения», метафорическая форма с содержательным компонентом «война» может реализовывать пейоративную и мелиоративную оценочность. Временная рубрикация начала любовных отношений приобретает положительную оценку, поскольку ключевая метафора прогнозирует удачные для реципиента события, напр.:

Отношения, начатые этим летом, осенью могут иметь **стратегическую перспективу** [1]. Использование ключевой метафоры «война» в тексте, прогнозирующем изменения в длительных любовных отношениях, способствует возникновению предупредительной интонации и пейоративной оценочности: *Если вы этим качеством не обладаете, ваша любовь может превратиться в **постоянную битву*** [1]. Метафоризация в текстах данной тематической группы осуществляется при помощи глагольной (*завоевать, покорить, захватить, сражаться*) и именной (*отпор, битва, борьба, оружие, стратегия*) лексики. Данной тематической зоне характерно образование развернутых художественных метафор, при помощи которых достигается высокая образность прогноза: *Даже если сердце Льва – **неприступная крепость**, в год Красного Петуха эта **цитадель** может неожиданно **пасть под решительным натиском** любовной страсти* [2].

Ключевая метафора «война» в тематической группе «профессиональная деятельность» реализует преимущественно нейтральную оценочность, поскольку носит рекомендательный характер и не прогнозирует успешный или неудачный исход событий: *Наиболее разумной **стратегией финансового поведения** в 2017 году для Близнецов будет экономное и бережное расходование имеющихся средств* [1]. Метафоризация осуществляется преимущественно при помощи именной лексики (*стратегия, борьба, тактика, оборона*). Метафоры данной тематической группы характеризуются краткостью и отсутствием образности: *Сегодня прекрасный день для **борьбы за независимость** своего бизнеса* [2].

Выводы. Тематические свойства текста являются определяющими для ключевой метафоры «война». В текстах тематической группы «любвные отношения» метафора характеризуется обращением к пейоративной или мелиоративной оценочности, использованием глагольной и именной лексики, а также высокой образностью и возможностью создания развернутой метафоры. При функционировании в текстах тематической группы «профессиональная деятельность» метафора реализует нейтральную оценочность, использует преимущественно именную лексику, не обладает высокой образностью.

Литература

1. 1001 гороскоп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://1001goroskop.ru>, свободный. – (Дата обращения: 12.01.2019).
2. АстроПортал: Гороскопы на каждый день [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jfnp.ru>, свободный (Дата обращения: 12.01.2019).
3. Москвин, В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – М. : Издательство ЛКИ, 2012. – 200 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИМИДЖА ВУЗА В ПЕЧАТНЫХ И ИНТЕРНЕТ-СМИ РОССИИ И УКРАИНЫ

Гладкова Е. С.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
delta2005.71@mail.ru

В системе современного высшего образования XXI века формирование имиджа вуза становится одним из условий его рейтингоспособности. Однако работы, посвященные лингвистическому имиджированию вуза, все еще немногочисленны (Е. Н. Вершинина, И. В. Гостева, Е. Ю. Дьякова, М. В. Катинская, А. А. Селютин, Т. Ю. Фирсанова, О.В. Шефер). Изучение особенностей языкового конструирования имиджа вуза является приоритетным и перспективным.

Цель исследования заключается в том, чтобы описать языковые средства создания медиаимиджа Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Объектом изучения выступают медиатексты, формирующие имидж Крымского федерального университета.

Материалом исследования послужили российские тексты печатных и интернет-СМИ и русскоязычные тексты печатных и интернет-СМИ Украины. Временной период с 4 августа 2014 года по 30 апреля 2018 года. Всего рассмотрено 3 000 медиатекстов.

При анализе медиатекстов, формирующих положительный и отрицательный имидж Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, были выделены две лингвоимиджевые модели. В свою очередь их лингвоимиджевые характеристики были систематизированы по степени продуктивности, а языковые единицы-репрезентанты – проранжированы по качеству и частотности употребления.

В первой лингвоимиджевой модели, созданной на основе медиатекстов российских СМИ, выделено 9 лингвоимиджевых характеристик:

- I. Наука.
- II. Финансово-экономическая структура.
- III. Иностранцы студенты.
- IV. Учебная деятельность.
- V. Материально-техническая база.
- VI. Целостность университета и научная самостоятельность каждой его структуры.
- VII. Структурные подразделения университета.
- VIII. Стратегические задачи вуза.
- IX. Процедура легитимности.

Во второй лингвоимиджевой модели, созданной на основе медиатекстов русскоязычных СМИ Украины, выделено 6 лингвоимиджевых характеристик:

- I. Структурные подразделения университета.
- II. Финансово-экономическая структура.
- III. Материально-техническая база университета.
- IV. Иностранцы студенты, международная деятельность, академическая мобильность.
- V. Учебная деятельность.
- VI. Процедура легитимности / нелегитимности.

Каждая лингвоимиджевая характеристика эксплицируется с помощью языковых единиц: квантитативов, мелиоративных / пейоративных квалитативов и нейтралитивов [1, с. 54–55].

Проведенный анализ эксплицировал две тенденции в формировании имиджа Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: во-первых, в российской прессе конструируется положительный имидж вуза, и во-вторых, в русскоязычной украинской прессе – негативный, реже нейтральный.

Проведенный анализ лингвоимиджевых моделей позволил наметить перспективу дальнейшего исследования: полученные результаты могут быть использованы в разработке практической лингвоимиджевой модели продвижения образа Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в российском информационном пространстве, а также лингвоимиджевой практике формирования медиаимиджа других высших учебных заведений Российской Федерации.

Литература

1. Гладкова Е. С. Реализация идей В. фон Гумбольдта в медиалингвистическом конструировании имиджа вуза (на материале российских газетных текстов) / Е. С. Гладкова // Казанская наука. – №3. – 2018. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – С. 53–56.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО

Давыдкина А. С.

(науч. рук. к. ф. н., доц. Валеева Л. В.)

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
nastya280798@yandex.ru

В русской лингвокультуре большое значение имеет религия и определяемое ей мироощущение. Она влияет на преобразование языковых средств с локативной семантикой и детерминирует вторичное моделирование пространственных отношений в сознании носителя языка.

Цель исследования – выявить особенности выражения социально-религиозных отношений языковыми средствами с пространственной семантикой в публицистическом тексте Ивана Грозного.

В качестве материала исследования выступает Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь.

С развитием концепции «Москва – третий Рим» и, далее, с восхождением на престол Ивана IV, в политической жизни Руси стала проявляться мощная тенденция к доминированию государственной власти над церковью, которая отразилась в лексико-семантической системе русского языка. Координата «верх-низ» активно наполняется новыми семантическими интерпретациями, образными и оценочными оттенками.

Интересно, что вступительная часть Послания содержит конструкции, аккумулирующие семантику координаты «низа». Иван Грозный намеренно принижает свой статус, подчеркивает свою греховность: *Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и находящихся в смертной обители обманчивого тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить, и чему наставлять, и чем просветить?* В русской языковой картине мира и в христианском миропонимании «тьма», «смертная обитель тщеславия» всегда отмечались координатой «низа» и обозначались семантикой падения и регресса.

Из дальнейшего текста Послания становится понятным, что прием столкновения «верха» и «низа» – это не просто антитеза, а способ оценки священнослужителей, возможность их обличения. Человек греховный, *заблудившийся во тьме гордости*, оказывается выше их, даже ему видно несоответствие их поведения нормам церковной жизни: *...вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это справедливо – разъярившись на человека, выступить против Бога.* В тексте сталкиваются семы подъема и упадка: *поднялись на церковное разорение*. Сема атрибутива *церковный* одновременно служит для оценки конкретного объекта речи и для социальной оценки всех служителей церкви.

Кроме того, Иван Грозный использует различие в номинациях помещений, чтобы высмеять монастырский уклад и тем самым заявить о верховенстве своей власти: *А Шереметеву как назвать вас братиею? Да у него и десятый холоп, который у него в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной.* В данном контексте возникает семантическая аномалия при интерпретации предложно-именных сочетаний *в келье* и *в трапезной*. *Келья* и *трапезная* – это монастырские помещения, где все равны перед Богом, но в тексте Ивана Грозного *келья* приобретает светский образ, так как становится местом проживания «десятого» холопа, становится символом благополучия и противопоставляется *трапезной* – символу упадка и бедности. В этом контексте оценка Ивана Грозного носит декларативный характер и направлена на перемены согласно правилам, установленным государем.

Итак, Иван Грозный строит текст так, чтобы координаты «верх-низ» семантически маркировали и отражали социально-религиозные отношения в языке по образцу представлений государя. Следовательно, получатели Послания должны признать его право на управление церковной и монастырской жизнью Руси.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ / НЕПЕРЕВОДИМОСТИ

Ерина Т. Ф., Уварова И. В.

ФГБОУ ВО КубГМУ Минздрава России
Краснодар, Российская Федерация
ksma-lingua@mail.ru

Теория и практика перевода являются важной областью изучения современной лингвистики. Целью исследования является изучение проблемы перевода в двух направлениях: традиционном, собственно языковом (переводческом) смысле (перевод с одного языка на другой), а также в смысле понимания, перекодировки содержания через канал связи между говорящим и адресатом. Используемые методы: сопоставление непереводаемых текстов в переводимом и переводящем языках, метод сегментации текста – дают возможность выяснить, как преодолеваются типовые

трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а также какие элементы оригинала остаются непередаваемыми в переводе. В результате получается описание «переводческих фактов», дающее картину реального процесса. Обозначенная проблема решается неоднозначно и имеет давнюю традицию. Когнитивный аспект позволяет расширить границы переводческих исследований, выходя за узкие рамки. Поиск общего знаменателя в решении переводческих проблем последовательно приводит исследователей в область теории коммуникации. Некоторые исследователи не разграничивают устный и письменный перевод, прагматический и литературный перевод, связывая теорию перевода с проблемой понимания – кодирования и декодирования. Основная проблема перевода на уровне коммуникации – проблема соответствия между эффектом и намерением. Переводчик при этом находится между отправителем и получателем кода.

Относительно используемого понятия эквивалентности справедливо отметить, что сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что существует несколько типов эквивалентности, в каждом из которых сохраняются разные части содержания исходного текста. Изучение уровней эквивалентности позволяет определить, какую степень близости к оригиналу переводчик может достичь в каждом конкретном случае» [1; 2].

Понятие эквивалентности в переводе исследуется параллельно с понятием адекватности, учитывая, что эквивалентность ориентирована на результаты перевода (конечное состояние), на соответствие текста перевода определенным параметрам оригинала, в то время как адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта.

Перевод, понимаемый в широком контексте (социо-национально-культурном), был обстоятельно исследован А. В. Федоровым с выведением функциональной стороны [3, с. 22], которая должна удовлетворять процессам, происходящим как в плане выражения, так и в плане содержания ИЯ и ПЯ. Функциональный подход к проблеме перевода поддерживается в работах В. Н. Комиссарова, который отмечал, что при переводе мы имеем дело с тремя речевыми актами, в число которых входят: (а) акт общения на одном языке, результатом которого является восприятие

оригинала переводчиком; (б) акт общения на другом языке, результатом которого является текст перевода, создаваемый переводчиком для восприятия людьми, пользующимися языком перевода; (в) акт объединения (коммуникативного приравнивания) двух текстов, через посредство которых осуществлялось общение в актах (а) и (б) [1, с. 4–5]. Наиболее важной признается языковая основа акта (в), перевод же определяется «как особый вид соотнесенного функционирования языков» [1, с. 6].

Таким образом, успешное решение проблемы переводимости / непереводимости возможно при комплексном толковании существа вопроса. Целостный подход включает различные аспекты – когнитивный, прагматический, семиотический, в основе которых лежит функциональность.

Литература

1. Комиссаров В. Н. Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / В. Н. Комиссаров. – М., 1978. – с. 3–15.
2. Фанян Н. Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область: Монография / Н. Ю. Фанян. – Краснодар, 2000.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. – М., 1983.

МЕДИАОБРАЗ КАФЕДРЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ЖУРНАЛИСТИКИ КФУ ИМ. В.И.ВЕРНАДСКОГО

Каневская С. Г.

(науч. рук. д.ф.н., проф. Богданович Г. Ю.)

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
svetlanakanevskaya1@mail.ru**

Цель исследования – изучить бэкграунд и медиаобраз на конкретном примере, используя интернет-площадки разного уровня; установить функции, которые выполняет медиаобраз кафедры, а также проанализировать перспективы улучшения

её имиджа. Предметом исследования является медиаобраз Кафедры межкузыковых коммуникаций и журналистики КФУ им. В.И. Вернадского. Методы исследования: описательный, сопоставительный, контент-анализ.

В процессе исследования удалось отследить все этапы становления кафедры, пронаблюдать за трансформацией и модернизацией её работы, как происходил переход от традиционной подачи к медийности, к созданию медиаобраза и продвижения в сети интернет. Составляющие медиаобраза кафедры Межкузыковых коммуникаций и журналистики КФУ им. В. И. Вернадского весьма многогранны. Их основные функции – это информационная и хронологически-фактологическая, образовательная и мультимедийная, коммуникативная и интерактивная. Информационная и хронологически-фактологическая функции отображены на официальном сайте КФУ. Там представлены самые основные факты, направления подготовки, контакты, история и педагогический состав факультета. Информация подана лаконично и по принятым в вузе стандартам. Однако не стоит забывать, что этот материал несет в себе и рекламную функцию. Ведь в первую очередь потенциальный студент попадает именно на эту страницу, расположенную на сайте интересующего вуза. Можно порекомендовать, чтобы на этой странице были ссылки на основной портал студенческих работ факультета журналистики – StudInfo и на социальные сети. Ведь именно там можно ощутить настоящую атмосферу кафедры, насладиться фотографиями из жизни факультета, посмотреть на работы студентов, понять, в каком направлении они двигаются, и ощутить реальную готовность посвятить себя выбранной профессии.

На портале StudInfo отображены образовательная и мультимедийная составляющая медиаобраза кафедры. Образовательная – это те материалы, которые представляют на суд пользователей студенты. А мультимедийная она потому, что уже давно журналисты отошли от сухого текста. В современной журналистике текст обязательно подкреплён фото, аудио или видео материалом. Каждый студент имеет возможность попробовать себя и в печатной, и в радио, и даже в телевизионной журналистике. На факультете есть необходимое оборудование и студия для этого. Однако хотелось бы, чтобы на сайте был архив, то есть не только лента последних

публикаций, а и появилась возможность просматривать материалы, сделанные месяц или год назад. Для продвижения работ студентов и их дальнейшей профессиональной реализации, безусловно, необходимы партнеры и потенциальные работодатели. Для упрощения возможной коммуникации с заинтересованными лицами было бы рационально оставлять внизу своей опубликованной работы не только инициалы, но и ссылку на свою страницу в социальной сети.

Группы и сообщества в социальных сетях реализуют коммуникативную и интерактивную функцию медиаобраза. Социальные сети – это одновременно и доска объявлений, и поле, на котором дублируются работы ребят, размещаются домашние задания, публикуются фото- и видеоотчеты с мероприятий и просто происходит душевное общение между студентами.

КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ВОСТОК» И «ЗАПАД» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АССОЦИАТИВНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Литвинчук И. Н.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
irinlitvi@gmail.com**

В рамках когнитивно-лингвистического подхода к изучению особенностей современного состояния межкультурных отношений в республике Крым был применен метод свободного ассоциативного эксперимента, который традиционно используется с целью исследования структуры концептов. Осуществление компаративного исследования содержания концептов «Восток» и «Запад» в различных социокультурных традициях позволит выявить как психосемантические зоны совпадения и взаимопересечения культурных смыслов, способствующих интеграции культур, так и оппозиционные области, требующие повышенного внимания в плане превенции конфликтов. Выявление содержания данных концептов представляется актуальным и для описания концептосферы этнонационального самосознания.

В качестве участников эксперимента были задействованы представители двух этнокультурных групп Крыма – русские и крымские татары. В исследовании приняли участие 386 человек, обучающиеся «КФУ им. В. И. Вернадского», из них 196 респондентов – этнические русские и 190 – крымские татары. Возраст участников эксперимента – от 18 до 24 лет.

Ассоциативно-вербальные реакции на стимулы «Восток» и «Запад» были классифицированы и интерпретированы в соответствии со следующими критериями.

Соотнесенность семантики слов, являющихся ассоциативными реакциями, с определенной семантической группой. Так, были выделены следующие основные тематические группы: «страна», «культура», «религия», «история», «время», «энергия», «взаимодействие», «отношение», «чувства», «эмоции», «менталитет», «люди», «черты характера», «традиции», «ритуалы», «уклад жизни», «кухня» и др.

Формально-грамматические, синтаксические особенности ассоциатов. По данному критерию были выделены ассоциативные реакции, являющиеся словоформами, словосочетаниями, предложениями.

Частеречная принадлежность слов-ассоциатов, демонстрирующая особенности категориальной семантики различных смысловых групп.

Аналізу были подвергнуты также гендерные особенности формирования ассоциативного поля реакций на стимулы «Восток» и «Запад», были сопоставлены формальные и семантические характеристики ассоциатов, продуцируемых юношами и девушками, представителями двух основных этнокультурных групп Крыма – русских и крымских татар.

В результате многофакторного анализа ассоциативных реакций респондентов нашла подтверждение гипотеза о многоуровневой структуре концептов «Восток» и «Запад». Были выявлены ядро, базовый слой, ближняя и дальняя периферия концептов «Восток» и «Запад». Большинство респондентов обеих этнокультурных групп продемонстрировали развернутые реакции на предъявленные стимулы, выходящие за рамки простых географических ассоциаций. Так, минимальное количество индивидуальных ассоциативных реакций на каждый из предъявленных стимулов – 8, максимальное – 57. Респонденты всех этнокультурных и гендерных

групп проявили наибольшую активность в реагировании на стимул «Восток». Наиболее многочисленными семантическими ассоциативными группами оказались «культура», «традиции», «менталитет», «люди», «кухня».

Иерархия семантико-тематических групп ассоциативных реакций была интерпретирована с точки зрения формальных и семантических критериев. Выявлен высокий эмотивный потенциал отдельных семантических групп ассоциатов и интенсивный эмоциональный фон восприятия предъявленных стимулов в целом.

КОДИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭНДРЮ ГРИЛИ)

Лушникова Г. И.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялта.
Ялта, Российская Федерация
lushgal@mail.ru

Диалог культур на страницах художественных произведений – явление многогранное. Это и диалог писателя с культурой, которую он описывает, и диалог между персонажами, являющимися представителями разных культур.

Цель данной работы – показать разнообразные формы межкультурного диалога в произведениях американского писателя Эндрю Грили, чьи романы послужили материалом для исследования.

Основными методами анализа являются методы стилистики декодирования и литературоведческой интерпретации.

Выбор творчества Э. Грили не случаен, так как, обладая двойной национальной идентичностью (ирландец по происхождению, он жил и работал в США), он мастерски отражал тенденции мультикультурализма в разных его проявлениях и с разных мировоззренческих и художественных ракурсов.

В его романе *Happy are the Peace Makers* (1993 г.) речь идет о внутреннем диалоге культур, поскольку его главными персонажами являются лица с двойной

национальной идентичностью. Такого типа герои вызывают особый интерес по той причине, что, по верному замечанию С.П. Толкачева, «герой кросс-культурной литературы, обладающий переходной, двойственной, гибридизированной идентичностью, как расположенной ‘где-то между’, ‘над схваткой’, в состоянии транзитности отражает диалектику бинарной оппозиции ‘общности – необщности’, ‘принадлежности – непринадлежности’ к той или иной нации» [Толкачев].

В романе *Contract with an Angel* (1998 г.) диалог происходит между культурами разных эпох и стран, так как в его основе – известный фаустовский сюжет, получивший особое воплощение при помещении его в типично американский культурный контекст. Здесь имеет место своеобразная игра между писателем и читателем, между отправителем и реципиентом художественной коммуникации. Э. Грили переворачивает, видоизменяет сюжет известного романа, используя игровые литературные приемы, что приводит к эффекту обманутого ожидания. А, как известно, нарушение предсказуемости, «нарушение автоматизма восприятия, новизна впечатлений признается одним из конститутивных признаков игры» [Лушникова, с. 303].

Совершенно иное, драматическое звучание получает тема межкультурных отношений в следующем романе Э. Грили – *September Song* [2001 г.]. В фокус внимания попадают проблемы расовой дискриминации в США, борьба угнетенных меньшинств за равноправие, политические движения белых в поддержку коренного населения и против войны во Вьетнаме и некоторые другие. Существенным является тот факт, что автор рисует картину американской социополитической жизни 60-х годов с позиции человека 21 века, дает им новую, обусловленную современными установками трактовку.

Эти и некоторые другие произведения Э. Грили демонстрируют такую ведущую черту современной художественной литературы, как мультикультурализм, который реализуется в разных литературных формах и освещается в разных идейно-тематических планах.

Литература

1. Лушникова, Г. И. Литературная пародия и языковая игра / Г. И. Лушникова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – № 7 (75). – С. 300-304.
2. Толкачев, С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература [Электронный ресурс] / С.П. Толкачев // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1 (январь-февраль). http://zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Осадчая Т. Ю.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта
Ялта, Российская Федерация
osadchaya_ta@mail.ru

Мультикультурализм является одной из ключевых характеристик современной эпохи. Мультикультурализм – это «... теория, практика и политика неконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп» [2, с. 4].

Искусство и литература многонациональных стран являются результатом соединения нескольких культур, причем фрагменты культурной «мозаики» могут сосуществовать или смешиваться, создавая уникальный для каждой страны «узор». Обе эти тенденции – интеграции и дифференциации – можно проследить в современном обществе, они также находят воплощение в литературе, прежде всего в так называемом «мультикультурном» романе.

Если автор романа, например британец, исследует формирование внутреннего мира, социализации и этнической идентификации представителей этнокультурных меньшинств в британском обществе, мультикультурный роман представляет собой диалог культур. Читатель, являясь представителем собственной культуры, вступает,

в свою очередь, в своеобразный полилог культур. Примерами произведений, которые вовлекают читателя в культурный полилог, являются романы Дж. Ланчестера «Столица», С. Фолкса «Неделя в декабре», З. Смит «Белые зубы», пьеса Д. Эдгара «Проверяя эхо» и другие. Для поэтики писателей – носителей «принимающей» культуры характерно исследование проблемы обретения этнической идентичности «чужого» (представителя другого этноса) как важного условия успешности поликультурного диалога. «Этническая идентичность – это осознание человеком своей принадлежности к определенному этносу, осознание себя представителем этого этноса, благодаря чему достигается удовлетворение потребностей в самобытности, с одной стороны, а также защите и принадлежности к своей общности – с другой» [1, с. 399].

Цель исследования – проанализировать, как проблема этнической самоидентификации представителя «чужой культуры» представлена в творчестве современных писателей, принадлежащих к «принимающей» культуре (на материале романа британского писателя С. Фолкса «Неделя в декабре»).

Анализ современных англоязычных произведений, посвященных явлению мультикультурализма, позволяет сделать вывод о том, что персонажи мультикультурного романа часто оказываются в ситуациях, приводящих к кризису этнической идентичности, что коренным образом меняет их видение мира. Кроме того, независимо от того как именно разрешается кризис этнической самоидентификации, герои мультикультурного романа оказываются в различных ситуациях межкультурной коммуникации. От ее успешности во многом зависит как степень их социализации, так и возможность реализации их личностного и творческого потенциала. Очевидно, что восприятие мультикультурного романа читателем также является своего рода межкультурной коммуникацией. Если данное восприятие достаточно близко к авторскому замыслу, оно несомненно способствует пониманию не только «чужого» способа видения мира, но и процессов взаимодействия и столкновения различных мировоззрений в рамках одного социума.

Таким образом, произведения англоязычных писателей ставят вопросы о возможности мирного сосуществования и взаимодействия различных

этнокультурных групп в британском обществе, о создании равных возможностей для коренных жителей и иммигрантов, о сохранении общенациональной культуры «принимающей» страны. Проблема этнической самоидентификации представителя этнокультурного меньшинства в этих произведениях играет ключевую роль. Проблематика и стилистика подобных произведений представляет собой богатый материал для литературоведческого исследования.

Литература

1. Бакланов И. С. Человека этнический: проблема этнической идентичности / И. С. Бакланов, Т. В. Душина, О. А. Микеева // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 396-408.
2. Бутенина Е. М. Мультикультурный роман США. [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Е. М. Бутенина. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 108 с. – Режим доступа:http://www.academia.edu/29677216/Мультикультурный_роман_США._Электронный_ресурс (дата обращения 14.02.19.).

КОЛОРИЗМЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ)

Пономаренко И. Н., Коврыгина Ю. В.

ФГБУВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Российская Федерация
kovrygina_julia@mail.ru

Языковая картина мира, как отмечает В. А. Маслова, это общекультурное достояние нации [1, с. 88]. Символика цвета тесно связана со спецификой менталитета и является средством его репрезентации. Колоризм как значимый элемент картины мира участвует в создании оценочной шкалы, транслируя духовную культуру русского народа, его уклад, традиции и обычаи.

Исторически сложилось, что цветовая гамма находит свое отражение в поговорках. Анализируя собранный языковой материал, мы выяснили, что единицы *белый, черный, красный, синий* входят в базовую основу русской языковой картины

мира. Реализуя систему ассоциаций, единицы цветообозначения способны передать смысловые акценты и раскрыть оценочный потенциал паремий.

Цель нашего исследования – выявление специфики функционирования колоризмов во фразеологизмах как виде паремий. Используя примеры, полученные методом сплошной выборки из фразеологического словаря русского языка под редакцией А. И. Молоткова, проанализируем особенности семантики цветообозначения в данных языковых единицах.

Традиционное значение *белого* – цвета чистоты, счастья и мира – раскрывается в таких паремиях, как *белая зависть* “радость за успехи другого человека”, *белый свет* “окружающий мир” и др. Этому колоризму свойственны и другие значения: *белая кость* “человек знатного происхождения”, *белые мухи* “снег, снежинки, о падающем снеге”, *белая ворона* “о выделяющемся человеке”, а также выражения *шито белыми нитками* “неумело скрыто что-либо”, *сказка про белого бычка* “бесконечное повторение одного и того же с самого начала” и др.

Черный цвет, как правило, символизирует абсолют в противоположность белому. Цвет темноты, печали, несчастья: *чёрный день* “трудное время в жизни кого-либо”, *черная неблагодарность* “зло, коварство вместо признательности за добро”, *держаться в черном теле* “сурово, строго обращаться с кем-либо”, а также известная русскому народу примета *черная кошка пробежала* “ссора, размолвка между кем-л.”.

Семантика *красного* цвета особенна многообразна. Во-первых, этот колоризм – символ силы и достоинства: *красное словцо* “остроумное, меткое выражение”. Во-вторых, может служить сигналом привлечения внимания: *проходить красной нитью* “являться основным, ведущим в чем-либо”, *красная доска* “доска почета”. Однако этот цвет может иметь и другие значения: *пустить красного петуха* “совершить поджог”, *красная карточка* “удаление игрока с поля”, *краснеть до ушей* “стесняться”.

Традиционно *синий/голубой* олицетворяет искренность и веру: *синяя птица* “символ счастья”, *голубая мечта* “самая заветная мечта”. Хотя этот цвет может быть интерпретирован и негативно: *синий чулок* “женщина, лишенная женственности,

обаяния” или выражение *гори все синим пламенем* “отказ от дальнейших действий” и др.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы выяснили, что семантическая символика колоризмов позволяет сделать заключение об особенностях отдельного фрагмента русской языковой картины мира.

Литература

1. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
2. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей/ Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ ВО ФРАЗЕОСИСТЕМЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

Прудникова Т. И.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
Симферополь, Российская Федерация
adamsi@inbox.ru

В целом можно выделить два аспекта проблем, связанных с изучением памяти: 1) феномен памяти как явление психики человека, его типологические признаки; 2) проявление памяти в языке и символических кодах культуры. Память неразрывно связана с забвением: «Механизмы воспроизводства фрагментов прошлого, как и механизмы забывания (стирание следа), являются определяющими в культурно-историческом развитии человечества» [1, с. 19].

Цель статьи – рассмотреть элементы концептуализации памяти в фразеосистеме украинского языка. Концепт «память», как особый языковой слой, отражает коллективную память украинского народа и механизмы ее трансляции [3, с. 141]. Фразеологический материал фиксирует наивные представления человека о памяти, которые можно классифицировать с точки зрения типов памяти [1, с. 21-22]:

1) спонтанная память, связанная с работой бессознательного / подсознательного: *приходити на пам'ять* [4, с. 648], *відбиватися в пам'яті* [4, с. 95]. Такие фразеологизмы обозначают неконтролируемый процесс появления или исчезновения в памяти определенных образов; 2) неспонтанная память, связанная с работой ума, сознания. Фразеологические единицы, обозначающие осознаваемые процессы, характеризуют или оценивают интеллектуальную способность человека: *поворухити пам'яттю* [4, с. 524], *покопатися у пам'яті* [4, с. 535-536]; 3) ритуальная память, связанная с идеей инобытия: *світла пам'ять* [4, с. 483]; 4) социальная память, связанная с различными стратегиями и практиками запоминания, напоминания, забывания о ком-то или что-то, а также с оценками: *виривати/ вирвати з пам'яті* [4, с. 83], *коротка пам'ять* [4, с. 483].

В целом концепты «память» / «забвение» коррелируют с концептом «ум». Фразеологизмы, обозначающие запоминания или забывания, часто содержат компоненты *ум, разум*, а также *мнение, мысль*, которые объективируют память, и *голова, мозг*, обозначающие телесные органы памяти (*в'їстися в мозок* [5, с. 135]). Память не случайно является признаком здравого смысла. М. Дмитровская в этой связи отмечает, что восприятие внешнего мира и, соответственно, память о нем невозможны, если человек не воспринимает себя, не осознает себя, не помнит себя [2, с. 80]. Фразеологизм *при [повній] тямі [й пам'яті]* [4, с. 430] свидетельствует норму оценки жизни человека. Теряя память, человек лишается ориентиров адекватного восприятия мира.

Таким образом, фразеологические единицы украинского языка фиксируют важные моменты наивного восприятия процессов запоминания и забывания, связь памяти и мысли, памяти и речи, рационального и эмоционального мира человека.

Литература

1. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 520 с.
2. Дмитровская М. Философия памяти / М. Дмитровская // Логический анализ языка. Культурные концепты; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 48-85.

3. Прудникова Т.И. Концептуализация памяти в украинской фразеологии / Т. И. Прудникова // XII Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. – Севастополь: «Издательство «Шико» Севастополь», 2018. – С.134–144.
4. Словник фразеологізмів української мови /уклад.: В.М. Білоноженко та ін. – К.: Наукова думка, 2003. – 1104 с.
5. Фразеологічний словник української мови: В 2 кн. – К.: Наукова думка, 1993 – Кн. 1-2.

О СИНЕРГИИ КУЛЬТУРОГЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Синельникова Л. Н.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Ялта, Российская Федерация
e-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Внимание к природе речевых актов (РА) не угасает со времени введения термина в научное пространство в середине прошлого века (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрль). Таксономия РА и их интерпретации приобретали множество версий, каждая из которых соответствовала состоянию научного знания в определенный период и разделяемой исследователями концепции описания «слова как действия». Амбивалентность трактовки РА, критическое отношение к ряду показателей [3] показывают движение исходно заявленной теории по пути её расширения и углубления.

Основные классификационные параметры РА: перформативность и иллокутивность – получили междисциплинарное развитие на основе достижений лингвопрагматики, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, межкультурных коммуникаций, дискурсологии. Круг инноваций относительно характеристик РА продолжает расширяться. Фиксируется переход исследовательского внимания от перлокутивного признака РА как части речевых действий говорящего к формам обратной связи (речевой, неречевой или

конгруэнтной реакции адресата); происходит развитие теории косвенных речевых актов (в русле онтологии не прямой коммуникации); проявляется внимание к особенностям РА в условиях изменчивой социальной среды и характерным для неё культурным нормам и речевым практикам; с разных позиций анализируется контекст РА – ситуативный, культурологический, межкультурный; выявляется специфика РА в условиях непосредственного и опосредованного общения; отмечается включение в проблему реализации РА проблем координации типов РА и когнитивно-психологических характеристик личности [7].

В условиях роста социально и культурно детерминированных речевых практик [7] закономерен дискурсивный подход к исследованию РА. Дискурсивную природу обнаруживает концепт перформативности [5; 2], определяющий характер коммуникативного осуществления РА как стратегического и тактического поступка, реализуемого не только в слове, но и в тексте. В каждом из институциональных дискурсов: научном, педагогическом, разговорно-бытовом, художественном и других – обнаруживается специфика форм обратной связи, присутствие (или отсутствие) эмоциональной составляющей в вербальной организации РА, по-разному проявляется (или вовсе не проявляется) коммуникативно-прагматическая категория искренности. Содержание РА благодарность, извинение, пожелание, совет и др. «выступает барометром духовно-нравственного развития общества» [4, с. 67]. К числу рискогенных факторов [1] как в пространстве общения представителей одной культуры, так и в межкультурных коммуникациях относится игнорирование лингвокультурных пресуппозиций в виде дискурсивного фона – знаний о стереотипах мышления, на основании которого воспринимается и понимается конкретный РА. Успешный диалог организуется на основе общих пресуппозиций его участников, неуспешный – результат немотивированного совмещения РА из разных дискурсивных практик.

Литература

1. Байкулова, А. Н. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. – Саратов, 2015. – 188 с.
2. Горбачева Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: дисс. ... докт. филол. наук: – Тамбов, 2016. – 402 с.
3. Найман Е. А. Теория речевых актов в критическом зеркале лингвистической антропологии и социолингвистики // Язык и культура. – 2015. – Вып. 4 (32). – С. 53-62.
4. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 67–74.
5. Романов А. А., Романова Л. А. Композитная перформативность в интерактивном пространстве диалога // Studia Linguistica. – Вып. 5. – 2011. – С. 327-338.
6. Трофимова Н. А. Штрихи к портретам социативных речевых актов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – №34. – С. 61-74.
7. Чиршева Г. Н., Лукина Т. С. Речевые акты сожаления как проявление особенностей языковой личности // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2018. – №4(85). – С. 84–91.

ИРОНИЯ И САРКАЗМ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Сурган М. А.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
surik_m@rambler.ru

Медиадискурс наряду с функцией передачи информации реализует также функцию воздействия на аудиторию. Информация в медиатекстах нацелена на формирование у реципиента определенного мнения и эмоционального отношения к фактам действительности. При этом в медиадискурсе оценка «носит социальный

характер, поскольку ... имеет под собой идеологическую основу: ее основанием служат социально или идеологически мотивированные суждения, эмоции» [2, с. 84]. Оценка в медиатекстах выражается как эксплицитно (посредством эмоционально-оценочных лексических единиц), так и имплицитно, т.е. с помощью средств речевого воздействия, воспринимаемых адресатом на эмоциональном уровне. Такими средствами являются, в числе прочих, ирония и сарказм. **Целью** нашего исследования является рассмотрение особенностей выражения оценки посредством иронии и сарказма в региональных медиатекстах. **Материалом** послужили публикации еженедельника «Крымский телеграфЪ» за период с января 2016 по январь 2019, отобранные методом сплошной выборки. В работе использовались следующие **методы**: контекстуальный и прагматический анализ, контент-анализ.

В лингвистике существуют различные трактовки иронии. В рамках аксиологии ирония понимается как оценочное высказывание, которое скрывает определенные эмоции. Сарказм рассматривается как высшая степень иронии. Троп основан не только ярком контрасте между подразумеваемым и выражаемым, но и на намеренном обнажении подразумеваемого [1].

Ирония придает медиатекстам яркость и образность, благодаря чему возрастает их воздействующий потенциал. Кроме того, данный троп позволяет выразить авторскую позицию скрыто при кажущейся объективности изложения. Например, *Интересен и опыт, полученный в автобусе курирующим транспорт вице-премьером Владимиром Серовым. Горожане ему рассказали о пробках! Именно от пассажиров он узнал о главной транспортной проблеме крымской столицы. Во всяком случае именно так выглядят сообщения о его поездке по городу* («КТ» № 456 17.11.2017).

Оценочные коннотации зачастую формируются как результат языковой игры. Показательным является следующий пример: *Выполняя мониторинг проанонсированной ещё в феврале опции «интерактивный гид по пляжам», мы столкнулись с тем, что при всех удобствах фильтров карта загружается крайне тяжело. И как бы оправдывает своё название в доменном поле – «висит краймя»* («КТ» № 426 21.04.2017).

Распространенной является и практика использования сарказма: *«Для этого предлагается срочно реализовать концепцию «Всё включено: живи, учись, работай, отдыхай в Крыму» ... И заживут тогда с 2030 года люди в Крыму долго и счастливо. И поймут, что для всех органов власти главная ценность – человек. И «все усилия органов власти направлены на улучшение качества жизни, создание лучших условий для всестороннего и гармоничного развития личности». И удивятся, как это предыдущее поколение смеялось над Стратегией и называло документ научной фантастикой с гонораром в 9,5 млн. рублей... («КТ» № 413 20.01.2017).* В данном примере наблюдаем использование позитивно-оценочной лексики *«счастливо», «улучшение качества жизни»* и пр. для выражения едкой и уничижительной критики.

В медиатекстах ирония и сарказм зачастую реализуются не на отдельном уровне языка, а посредством параллельного использования средств различных языковых уровней. В целом данные тропы могут рассматриваться как особый текстовый феномен, формирующий смысловую двуплановость медиатекстов.

Литература

1. Буряковская А. А. Гендерные особенности выражения оценки при помощи диминутивов и аугментативов / А. А. Буряковская, Ю. Н. Звонарева // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 448-454.
2. Комиссарова Н. Г. Оценочность в дискурсе СМИ / Н. Г. Комиссарова, Д. Р. Якупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2. Ч. 1. – С. 83-87.

РОЛЬ ПЕРИОДА С УСЛОВНОЙ СЕМАНТИКОЙ В СИНТАКСИЧЕСКОМ ПОСТРОЕНИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Тараканова Е. К., Томина С. П.

Новомосковский институт Российского химико-технологического университета
им. Д. И. Менделеева
Новомосковск, Российская Федерация
Elenatarakanova2013@yandex.ru

Цель научной работы – рассмотреть одну из важных теоретических проблем семантики и структуры сложноподчиненного предложения. Материалом исследования является язык русской поэзии XIX–XX веков. Язык любого произведения художественной литературы представляет собой одно из проявлений общенародного литературного языка, поэтому он может служить материалом для изучения различных лингвистических явлений [1, с. 5].

Методы исследования: 1) метод лингвистического описания – строится на индукции: от анализа фактов, их сопоставления к обобщениям и выводам; 2) метод лингвистического эксперимента как разновидность трансформационного метода – исходит из представления о том, что различные языковые единицы, будучи членами определенной системы, могут преобразовываться друг в друга по определениям, предписываемым системой правил; 3) количественный анализ языковых фактов, которые рассматриваются «не как жесткие закономерности, а как мобильные колеблющиеся приметы, выступающие лишь как симптомы тех или иных качественных моментов, свойственных данным явлениям» [2, с. 66].

В результате анализа языкового материала установлено, что большое количество многокомпонентных сложных предложений с условной семантикой представляет собой период или часть периода.

Период (от греческого *periodos* – круг, обход, круговращение) – сложное, усложненное или сильно распространенное однородными членами простое предложение, характеризующееся со стороны содержания значительной полнотой и законченностью выражения мысли, единством темы.

Структурно период чаще выражается сложноподчиненным предложением с рядом препозитивных однородных придаточных, реже – сложносочиненным предложением и простым с препозитивными рядами однородных членов. В лирических произведениях период с условной семантикой чаще всего представлен сложносочиненным предложением, в котором главному предложению подчинены параллельно несколько придаточных одного вида: собственно-условные, условно-причинные, условно-временные, условно-изъяснительные и др.

Анализ поэтического материала позволяет определить частотность использования периода с условной семантикой в русской литературе. Русские поэты достаточно часто используют период для оформления композиции своих произведений, причем более интенсивно в начале XIX века. Именно в это время происходит формирование русского периода как особой формы синтаксического художественного построения, продолжающее античную традицию [3, с. 203]. В начале XX века наблюдается резкое сокращение использования периода (в 2 раза!), в течение XX столетия данный процесс продолжается.

Таким образом, период как гармоничная в синтаксическом и интонационном отношениях структура обладает мощным смысловым и образным потенциалом и в то же время предопределяет виртуозное владение самыми разнообразными языковыми средствами.

Литература

1. Беднарская Л. Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий / Л. Д. Беднарская. – М.: Прометей, 1994. – 196 с.
2. Адмони В. Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений / В. Г. Адмони. – М.: Наука, 1964. – С. 56-68.
3. Энциклопедия русского языка (гл. ред. Ф.П. Филин). – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.

**НАИМЕНОВАНИЯ КУСТАРНИКА
В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ:
ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Теуш О. А.

Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация

Основным источником заимствованных наименований кустарника являются прибалтийско-финские языки.

1. Лексема *vága* ‘ивовый кустарник, растущий сплошной полосой по берегам рек’ (Влг.: Вель., Кадн., Тот.) [Дилакторский, с. 45] < приб.-фин., ср. фин. *vaka, vakaа, vakava* ‘устойчивый, надежный, спокойный’ [SSA, т. 3, с. 395]. Внутренняя форма лексемы объясняется тем, что растущий кустарник предохраняет берега водоемов от размывания.

2. В говорах Карелии отмечено *дя́нник* ‘мелкий кустарник’ (Карел.: Медв.) [СРГК, т. 2, с. 19], для которого приводится контекст: «*Маленькие кустики называются дя́нником, дети туда играть ходят*» [СРГК, т. 2, с. 19]. Наименование производно от **дя́н-* ‘заяц’, < приб.-фин., ср. карел. люд., вепс. *dāniž* ‘заяц’ [SKES, т. 1, с. 130]. Наименования растений и кустарников «заячьими» многочисленны, ср. *зая́чы ла́пки, зая́чы у́ши, зая́чники* и др. [СРНГ, т. 11, с. 205-206].

3. Первый компонент *киз-* лексемы *кизевель* ‘мелкий кустарник’ (Влг.: Тарн.) [КСГРС] может быть сопоставлен с карел. ливв. *kiidžin* ‘водоросли, мох на поверхности не пересыхающих луж’, ‘лишайник’, *kiidži* ‘мох, растущий на дне озера’ [Mullonen 1992, с. 3]. Вторая часть слова *-вель* находит соответствие в фин. *väli* ‘промежуток, пространство, расстояние’, карел. ливв. *väli, väl'i* ‘дисциплина, порядок, соединение, связь’, ‘перегородка’, люд. *väli* ‘промежуток’ [SKES, т. 6, с. 1836-1837; SSA, т. 3, с. 480-481]. В фонетическом отношении нужно учитывать, что приб.-фин. *ä* в русском языке передается не только через *'a*, но и достаточно часто через *e*, см.: [Kalima 1911, с. 52-53]. Значение ‘мелкий кустарник’ вторично по

отношению к ‘водоросли’, ‘мох’, ‘лишайник’ (расширение значения: ‘мелкая растительность’ > ‘мелкий кустарник’).

8. Севернорусское *конáрник* называет ‘заросли невысокого кустарника (вереска, багульника) на болоте’ (Влг.: Бел.) [КСГРС]. Вереск является сильноветвящимся кустарником; багульник (относится к семейству вересковые) имеет ветвистые побеги с коротким ворсом и листьями, край которых сильно завернут вниз. Лексема < приб.-фин., ср. фин. *kone* ‘крюк, крючок, изгиб, извилина’, *konerui* ‘деревянная вещь’, *konekoivu* ‘сухая очищенная и порезанная березовая древесина, из которой зимой делают инструменты’ [SKES, т. 2, с. 214–215; SSA, т. 1, с. 396]. Русск. *-р-* отражает приб.-фин. суффикс *-r-*. Фонетически сходное *конáрник* ‘растение багульник’ (Влг.: Бел.) [КСГРС] может рассматриваться как неверная интерпретация рукописного *конáрник* или же быть сопоставлено с морд. эрз. *конёр* ‘укроп’ [ЭРС, с. 291]. В последнем случае перенос названия с одного растения на другое произошел на основе сходства плодов: плод багульника представляет собой продолговатую многосеменную пятигнездную коробочку длиной 3-8 см., которая похожа на зонтик укропа, который имеет диаметр 2-9 см. Кроме того, оба растения обладают сильным пряным запахом.

9. В словаре В. И. Даля отмечено *корéз* ‘кустарник, криворослый лес, ерник’ (Влг., Ряз.) [Даль, т. 2, с. 161]. Ерником называют заросли низкорослых или стелющихся кустарников с полулежачими побегами. Куст является сильноветвистым, но распластанным и раскидистым. Многочисленные ветки стелются по поверхности земли. Когда они только начинают отрастать, их поверхность покрывается мелкими мягкими короткими волосками. Молодые побеги бархатистые или пушистые, с темно-коричневой или бурой корой, простираются в стороны, делая крону не выпуклой, а растекающейся. Кустарник ползет по земле, прижимаясь к ней своими ветками, ствол склонен. Корешки не уходят вглубь грунта, а расползаются в стороны. Листья являются округлыми и скрученными. Указанные характеристики кустарника позволяют рассматривать в качестве источника заимствования прибалтийско-финские языки, ср. фин. *kore* ‘шершавый’, ‘неплотный’, ‘хрупкий’, ливск. *ko'ŗri* ‘рыхлый’, ‘мягкий’, эст. диал. *kore* ‘рыхлый’,

‘шаткий, расхлябанный, дряблый’, ‘неплотный’, ‘непрочный, слабый’ [SKES, т. 2, с. 218; SSA, т. 1, с. 402]. При словообразовании прибалтийско-финские основы на *-e-* имеют чередование в финали *c-eh-* (> русск. *-eg*).

В целом, обилие заимствованных наименований кустарника и многообразие источников обусловлены экстралингвистически: кустарники являются плодовитыми, активными растениями, склонны к разрастанию на обширных пространствах, являются препятствием для передвижения по местности и сельскохозяйственной деятельности.

Литература

1. Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955.
2. Дилакторский – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. 677 с.
3. КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
4. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
6. ЭРС – Эрзянско-русский словарь. М., 1993. 803 с.
7. Kalima – Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. MSFOu. XXIX. Helsingfors, 1911. 188 с.
8. Mullonen – Mullonen I. Zur Rekonstruktion der wepsischen Lexik nach toponymischen Belegen // LU. XXVIII. 1992. № 1. S. 1–12.
9. SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981. 2293 s.
10. SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000. 486 s., 470 s., 503 s.

Сокращения

1. В названиях языков и диалектов.

вепс.	– вепсский язык
карел.	– карельский язык
	ливв. – ливвиковский диалект
	люд. – людиковский диалект
ливск.	– ливский язык
морд.	– мордовский язык
приб.-фин.	– прибалтийско-финские языки
русск.	– русский язык
фин.	– финский язык
эрз.	– эрзя-мордовский язык
эст.	– эстонский

2. В географических названиях.

Бел.	– Белозерский район Вологодской области
Вель.	– Вельский уезд Вологодской губернии
Вил.	– Вилегодский район Архангельской области
Влг.	– Вологодская область (губерния)
Кадн.	– Кадниковский район Вологодской области
Карел.	– республика Карелия
Медв.	– Медвежьегорский район Карелии
Ряз.	– Рязанский район Ярославской области
Тот.	– Тотемский район Вологодской области

3. Прочие сокращения.

диал.	– диалектное
см.	– смотри
ср.	– сравни

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТОВ

Хорошилова Л. Г., Малий А. О.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
Ludmila_pressa@mail.ru

Актуальность работы обусловлена тем, что в современном мире народная дипломатия является неотъемлемой частью процесса мировой политической деятельности. В нашем стремительно развивающемся мире возникают вызовы стабильности международных отношений, которые все чаще требуют не только активной деятельности политиков, международных и государственных органов, но и активности гражданского общества, профессиональной и гражданской позиции журналистов.

Цель работы – определить роль современной народной дипломатии в мировой политической деятельности, а также проанализировать роль крымских журналистов как непосредственных участников процесса народной дипломатии.

В эпоху информационных войн с активным применением ресурсов интернета, противостояния между Западом и Россией роль народной дипломатии, ее результативность имеют очень важное значение. Учитывая реальную ситуацию в мире, когда используются явно недемократические методы сокрытия достоверной информации, фейки, провокационные материалы и действия оппонентов, актуальными становятся действия журналистов, их публикации, выступления на международных площадках, направленные на прорыв информационной блокады и донесение правдивой информации.

По данным Википедии, народная дипломатия – это исторически непрерывный процесс общения, взаимного познания народов, взаимовлияния и взаимообогащения культур. Это непрофессиональная дипломатия, поскольку совершается лицами или организациями, не облеченными политическими или дипломатическими правами.

Это элемент самоуправления в гражданском обществе, преследующий цели мирным путем разрешить возникшие внутренние или внешне государственные проблемы.

Наша работа посвящена исследованию выступлений крымских журналистов Александра Беланова, Андрея Трофимова и Дениса Симоненко в рамках конференции ОБСЕ, проходившей в Варшаве в сентябре 2018 года.

Конференцию по человеческим измерениям ежегодно организует Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). Она проводится уже в двадцать второй раз. В 2018 году в Варшаве с 10 по 21 сентября обсуждались вопросы по соблюдению прав человека и демократии, а также специально отобранные темы о свободе средств массовой информации, правах мигрантов и борьбе с расизмом, ксенофобией, нетерпимостью и дискриминацией.

Поскольку крымские журналисты стремились донести достоверную информацию о реальных событиях, происходящих в Крыму после воссоединения Крыма с Россией, они встретили активное сопротивление со стороны делегации Украины. Следует отметить, что тема Крыма является болезненной темой мирового сообщества в целом и Украины – в частности.

В рамках конференции, которая должна была послужить площадкой для свободного общения журналистов, ситуация сложилось ровно такая, какая происходит и на Украине: тем, кто высказал точку зрения, не соответствующую мнению правящей власти Украины, попросту не давали высказаться.

Тем не менее, журналисты добились своего права на выступления. Участвующий в заседании представитель Министерства иностранных дел Российской Федерации Максим Буякевич выступил с заявлением о том, что недопустимо отказывать в предоставлении слова участникам конференции, которые зарегистрированы согласно всем предусмотренным правилам.

На этих примерах сопротивления свободе слова с подачи одной из сторон (в данном случае делегации Украины) на международной площадке, призванной утверждать свободу слова и укреплять принципы свободного общения журналистов, мы можем наблюдать практику двойных стандартов, противоречащую не только целям и задачам журналистики, но и статусу международной конференции.

Итоги поездки крымских журналистов в Варшаву широко освещались в крымской прессе, социальных сетях, на федеральном телеканале НТВ. Исключительно при помощи деятелей, представляющих движение народной дипломатии, произошло существенное продвижение в вопросе международного признания Крымского полуострова. Журналисты в народной дипломатии выполняют роль наиболее активных представителей международного гуманитарного сотрудничества, которое состоит не только из государственных органов.

Выводы. Проанализировав роль журналистов в информационном противостоянии с оппонентами, мы имеем основания утверждать, что работа журналистов чрезвычайно ответственна не только в процессе освещения событий, происходящих в мире, но и на дипломатическом поприще. Она способствует прорыву информационной блокады, мотивирует зарубежных журналистов освещать события достоверно и объективно, используя разные точки зрения и способствуя утверждению истины.

РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИИ В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

Чернобривец С. Г.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация

Текст – сложная структура, состоящая из разных типов передачи информации, которые соотносятся между собой для выражения его коммуникативных качеств. Поэтому изучение текста привлекает лингвистов прежде всего с точки зрения содержания и формы его выражения. Текст – это высшая коммуникативная единица, цельное произведение, созданное автором как способ воздействия на адресата. Следовательно, текст создаётся с определённой целью и в определённых коммуникативных условиях. Любой текст имеет двойную направленность: на автора, создающего текст, и на реципиента, воспринимающего этот текст.

Текст – это не механическое соединение предложений или словоформ в предложении. Он представляет собой последовательность соединения предложений-высказываний и словоформ в них при помощи разных текстовых категорий, порождающих в совокупности образование, отличное от суммы составляющих его отдельных единиц.

Правильность восприятия текста обеспечивается, помимо знания графических и языковых средств, общим фондом знаний у адресата и адресанта, т. е. пресуппозицией (от англ. *presupposition* - предположение).

Пресуппозиция – такой компонент высказывания, который когнитивно ему предшествует. Пресуппозиция используется для того, чтобы проявить фонд внеязыковых знаний участниками коммуникации при оформлении содержательной связности.

В. Я. Шабес предлагает такую классификацию фоновых знаний:

- социальные, т. е. известные всем участникам речевого акта до начала сообщения;
- индивидуальные, т. е. известные только двум участникам диалога до начала сообщения;
- коллективные, т. е. известные только членам определённого коллектива, связанным с профессией, социальными отношениями (например, специальные медицинские знания, политические и др.) [1, с. 16].

Фоновые знания могут быть классифицированы и со стороны содержания на житейские, донаучные, научные, литературно-художественные [1, с. 16].

Коммуникативные намерения автор текста реализует, находясь в конкретных коммуникативных условиях и в конкретной ситуации. При этом должна учитываться коммуникативная компетенция реципиента о предмете и обстоятельствах речи. Таким образом, пресуппозиция – это компонент общих знаний адресата и адресанта, то, о чём в предложении не говорится прямо.

Исследователи текста различают пресуппозицию смысловую (предшествующая информация, фоновые знания) и лингвистическую, выражаемую неполнозначными словесными знаками, однако словесно выраженную [2, с. 16]. Такая пресуппозиция

чаще всего оформляется при помощи местоимений, указывающих на связь с предыдущим (или последующим) текстом. Например: Это случилось в апреле – местоимение ЭТО только указывает на какое-то событие, но не называет его. Подобного типа указания заставляют читателя обратиться либо к предыдущей словесно выраженной информации, либо к дальнейшему изложению. В такой же функции могут употребляться некоторые союзы, частицы, производные предлоги, наречия: Спортсмен снова включился в игру – семантика наречия снова предполагает некий предшествующий перерыв. В тексте пресуппозиция может быть неявной, смысловой, когда автор учитывает знания партнёра по коммуникации. В этом случае у адресата и адресанта должны быть общие знания о предмете речи. Так, из высказывания Закройте дверь! следует предположение, что до этого дверь была открыта.

Журналисты часто используют пресуппозицию в заголовках газетных статей, тем самым побуждая читателя обратиться к последующему полному тексту и проверить свои когнитивные ожидания.

Любой заголовок призван осуществлять презентационную функцию по отношению к тексту. В связи с этим представляет интерес рассмотреть использование пресуппозиции в заголовке газеты как средство повышения привлекательности к прочтению всего текста, что и является целью данной работы.

Приведём примеры из заголовков газет, построенных на словесно выраженной лингвистической пропозиции: В таком участие не принимаем (Крымская правда, 06.12.18) - местоимение таком побуждает читателя обратиться к основному тексту, из которого следует, что речь идёт о нежелании В. В. Путина разговаривать с Порошенко по телефону, т. к. В. В. Путин не хочет участвовать в «нехитрых комбинациях» украинского президента; Это ещё проверять надо... (Крымская правда, 21.12.18) – о необходимости правительству разобраться, какие компании не могут или не хотят заниматься разработкой месторождений полезных ископаемых.

На смысловой пресуппозиции построен следующий заголовок: Весна до четверга (Крымская правда, 06.02.19) – читателям газеты сообщается, что после

четверга произойдёт понижение температуры в Крыму, погода значительно ухудшится (до этого сообщения было очень тепло, уже начали расцветать деревья).

Ещё пример. Предварительное знание диалога Татьяны Лариной и няни из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина помогает понять заголовок статьи Не спится, няня (Российская газета, 14.12.18), предваряющий публикацию о нарушениях ритма сна во время смен времён года.

Таким образом, любой текст, даже одно предложение, представляет собой не только грамматическое и по смыслу соединение речевых единиц, но ещё и некое знание, не выраженное вербально, однако участвующее в формировании общего смысла текста.

Во всех случаях для полного понимания текста необходимы предварительные знания о предмете речи.

Литература

1. Валгина, Н. С. Теория текста: Учебное пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
2. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КВАНТИФИКАТОРЫ В СОСТАВЕ РУССКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Щербачук Л. Ф.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
lidiya_shch1@mail.ru

За последние десятилетия появилось значительное количество научных трудов, посвященных исследованию компаративных фразеологических единиц в разных языках (Г. И. Абрамова, Н. Ф. Алефиренко, Х. Вальтер, И. В. Калита, Л. А. Лебедева, К. И. Мизин, В. М. Мокиенко, А. Г. Назарян, В. М. Огольцев, М. И. Черемисина, Ж. Финк и др.). Безусловно, все фразеологизмы формируют образ реального мира,

каким его видят носители языка. По мнению В. Н. Телия, средством воплощения их культурно-национальной специфики служит образная основа (а также культурные реалии), а способом является интерпретация образной основы в знаковом культурно-национальном пространстве определённой языковой общности [4, с. 215]. Так, ведущая роль в данных фразеологизмах принадлежит определённым компонентам, которые претендуют на статус ключевых, концептуально и символически обусловленных. Сравнения являются важным способом отражения фрагментов языковой картины мира. У представителей конкретной лингвокультурной общности вырабатывается система образов-эталонов – характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией (персоной, культурным объектом), которая становится знаком доминирующего в них с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства [4].

В поле зрения нашего исследования являются компоненты-названия КФЕ, которые в исходном своём значении называют конкретные реалии, но в составе фразеологизмов претерпевают сдвиг значения, «и переходят в класс количественных квантификаторов. В этом качестве они приобретают смысл неопределённо большого или неопределённо малого количества: ‘очень много’ или ‘очень мало’ с дополнительным компонентом оценки» [2, с. 425].

Цель предлагаемой работы – охарактеризовать лингвокультурологические особенности компонентов русских компаративных фразеологизмов (КФЕ) в аспекте количественных квантификаторов.

В Толковом словаре русского языка приводится следующее определение понятия *количество*: «1. Степень выраженности измеряемых свойств, предметов, явлений, их мерные характеристики. 2. Величина, число» [3, с. 283].

В ходе анализа зафиксированы КФЕ, объективирующие большое количество, в компонентном составе которых количественными квантификаторами выступают лексемы-доноры в определённых контекстуальных условиях: 1) грибы: *словно грибы (после дождя)* – быстро, в большом количестве (возникать, появляться) [5, с. 158]; 2) насекомые: *мрут (дохнут) как мухи* – в огромном количестве [6, с. 388]; *как мухи на мёд* – о большом количестве людей, стремящихся в ажиотаже куда-либо, к

кому-либо [5, с. 382]; 3) рыба: *как сельдей в бочке* – очень много; так, что не пройдёшь, не протиснешься. О большом скоплении людей, обычно в каком-либо помещении [6, с. 420]; 4) животные: *как (что) собак нерезаных* – очень много кого-либо [5, с. 638] и т. п.

Семантический сдвиг наблюдается также в составе КФЕ, репрезентирующих малое количество, в которых количественными квантификаторами выступают доноры-партонимы: 1) слёзы (кошачьи): как *кот наплакал* кого, чего – очень мало; об очень малом количестве кого-либо или чего-либо [1, с. 164]; 2) клюв (голубиный): *с зилькин нос* – 1. Очень мало [5, с. 419].

Таким образом, компонент фразеологизма – явление реальное. Донорами для количественного переноса в структуре КФЕ могут служить определённые наименования флоры и фауны, а также их партонимы. В составе устойчивых конструкций они приобретают признаки количественных характеристик. Примеры также иллюстрируют разную грамматическую структуру анализируемых фразеологизмов.

Литература

1. Жуков А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 416 с.
2. Ли Су Хён. Количественные квантификаторы в русском и корейском: моря и капли / Ли Су Хён, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – С. 425–439.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа, 1996. – 288 с.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. – Изд. 7-е, исправл. – М.: АСТ, 2006. – 543 с.

5. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ. ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЕЙШИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

ВОВЛЕЧЕНИЕ УЧАЩИХСЯ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПРИ ПОМОЩИ ТЕХНОЛОГИИ QR-КОДИРОВАНИЯ

Ганчар Н. П.

ГУО «Гимназия № 9 им. Ф. П. Кириченко»
Гродно, Республика Беларусь
gancharnatalya@yandex.ru

В ходе повседневной практики довольно часто приходится сталкиваться с учениками и коллегами-учителями, которые вообще не слышали о QR-кодах. В целях расширения практики употребления данного инструмента, мной также был проведен мастер-класс в своем учебном заведении ГУО «Гимназия № 9 им. Ф.П. Кириченко г. Гродно». Данные тезисы также являются дополнительной возможностью поближе познакомиться с техническим ресурсом, который имеет множество применений для многих целей, включая, безусловно, и изучение английского языка.

Когда учителя (преподаватели) впервые сталкиваются с концепцией QR-кодов (Quick Response) для применения в реалиях класса (аудитории), основная идея заключалась, в основном, в том, чтобы использовать их для ссылки на веб-сайты и помочь учащимся работать в небольших группах. Первой проблемой становится отсутствие доступа у большинства учеников (студентов) к технологии «3G». Дорогой трафик также не располагает к широкому задействованию метода QR-кодирования. Многие учащиеся вынуждены, и это в лучшем случае, полагаться на «wi-fi» соединение, которое доступно далеко не во всех местах, ограничивая, таким образом, количество устройств, которые могут быть использованы.

Исследуя данную проблему немного больше, приходишь к осознанию, что есть способы использования QR-кодов и в автономном режиме: вариант текста. Есть несколько сервисов, которые предлагают эту функциональность, наиболее

популярным из которых является «Kaуwa». Вы можете ввести до 160 символов, достаточно места для полного предложения, вопроса или даже подсказки. Возможные автономные случаи использования – текст-опция, к которому можно получить доступ в автономном режиме. QR-коды, помещённые в тексте задания, имеют краткое описание проблемы. По мере того, как учащиеся сканируют код, они придумывают подходящие советы для каждого случая и делятся своими мыслями. Попробуйте отсканировать эти коды (если вы не можете, я добавил

Само собой разумеется, что этот технический ресурс должен быть использован в качестве способа добавления разнообразия в классе (аудитории) и поощрения коллегиального сотрудничества. Одно устройство может быть общим для группы учащихся или использоваться каждым из них самостоятельно. Прелесть этого заключается в том, что для участия обучающимся не требуется подключение «3G» или «wi-fi». Имейте в виду, что независимо от выбранного вами стиля деятельности вы должны держать эту часть деятельности короткой, чтобы сохранить фокус на традиционной речевой деятельности. Как показывает практика, после первого опыта работы с QR-кодами в классе (аудитории), учащиеся начинают замечать используемые QR-коды в рекламе и СМИ. Знания, которые идут из класса в их повседневную жизнь.

Использование QR-кодов в процессе обучения дает учащимся чувство наслаждения этим процессом, потому что есть цель в использовании мобильного устройства, которое они так любят! Кроме того, мы можем сберечь бумагу. Нет необходимости печатать много копий. Учащиеся могут хранить информацию и ссылаться на нее, если это необходимо, а учитель (преподаватель) может довольно быстро вести свою деятельность, экономя время на печать и нарезку карточек из бумаги. Сотрудничество сверстников также очень полезно для любой деятельности, которая должна быть сделана в группах из-за количества доступных устройств. Делясь практическим опытом, мы помогаем друг другу. SMS может быть использован в качестве альтернативной ссылки, которая может быть доступна, когда беспроводное соединение не доступно или когда учащийся еще готовится загрузить приложение для сканирования QR-кода.

ВИЗУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

*Диброва С. М., Забело И. В.,
Матюхин А. Н., Митрохина Л. М.*

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация**

Визуальное восприятие любой информации способствует быстрому формированию ассоциаций у получателя и обеспечивает хорошую запоминаемость контента, товара или бренда, а потому реклама, нацеленная на визуальное восприятие, является одной из наиболее успешных. Когда упоминается *визуальная коммуникация*, то речь обычно идет о рекламных щитах, печатной рекламе (буклетах, проспектах, листовках), упаковке товара, телевизионной рекламе и прочих маркетинговых инструментах, которые оказываются в поле зрения потенциальных потребителей.

Наши исследования свидетельствуют, что уже на основании одних только визуальных сигналов потребитель может сделать вывод о том, хочет ли он получить предложенную информацию или приобретать тот или иной товар. Поэтому очень важно доверять подготовку рекламных материалов профессионалам, которые выполняют работу на самом высоком уровне и продумают все до мелочей. Только грамотно подготовленные визуальные материалы обеспечат компании хорошую репутацию и узнаваемость. Объект нашего исследования – рекламные агентства Симферополя. Предмет исследования – визуальные коммуникации в рекламном дизайне. Цель – проанализировать визуальные коммуникации в рекламном дизайне. Теоретической и методологической основой исследования послужили действующие законодательные, правовые, нормативные документы по регулированию маркетинговой и рекламной деятельности Российской Федерации, а также результаты фундаментальных и прикладных исследований в области филологии, рекламного дизайна, коммерческой деятельности, менеджмента, маркетинга,

рекламной деятельности. Исследования проводились на основе системного подхода, что позволило рассмотреть разные плоскости процесса разработки и управления визуальными коммуникациями в единстве с особенностями российской экономической действительности и мировыми тенденциями развития методических и прикладных основ рекламного дизайна. Научная новизна проведенного исследования заключается в совершенствовании методов управления визуальными коммуникациями в рекламном дизайне, основанных на улучшении механизмов его взаимодействия с объектами маркетинговой инфраструктуры и внешней средой при разработке стратегии и реализации маркетинговой программы продвижения продукции с учетом факторов междисциплинарного характера (текстология, переводоведение, лингвистика, коммуникация, журналистика и др.). Теоретическая и практическая значимость результатов обусловлена необходимостью конструктивного использования методов и механизмов коммуникативных практик, маркетинговой деятельности и стимулирования продаж в различных отраслях российской экономики. Результаты исследования могут быть использованы в ходе индивидуальной разработки и реализации мер по формированию долгосрочной программы разработки и управления визуальными коммуникациями, направленных на улучшение механизмов развития бизнеса, обеспечение конкурентного преимущества и повышение лояльности потребителей продукции (товара, работ, услуг).

Отмечая сущность визуальных коммуникаций, используя накопленный опыт (Почепцов Г.Г., Серов С.Н., Шевченко В.Э. и др.), авторы стремились представить анализ коммуникативных приемов в дизайне рекламных агентств Симферополя. Данный проект позволил наметить пути совершенствования использования визуальных коммуникаций в рекламных агентствах столицы Крыма.

Под дизайном рекламы понимаем процесс создания привлекательного визуального образа бренда, и от того, насколько правильно построен процесс создания дизайна рекламы, во многом зависит успех продвижения информации, продукта, товара или услуги на рынке. Факторы создания успешного дизайна рекламы, привлечение внимания, цель быть замеченным, отличаться от общего фона

– это все о дизайне рекламы. Визуализация коммуникации или бизнеса помогает не только донести полезную информацию до потенциального потребителя быстрее, но и помогает клиенту увидеть бренд в новых цветах, через которые, как известно, можно влиять на настроение человека.

Реклама в Симферополе – лучший способ донести информацию до туристов и гостей Крыма о предлагаемых услугах. Оповещения о предложениях для целевой аудитории можно разместить на транспорте, видеозэкранах, билбордах и т.п. Таким образом, можно сделать рекламный продукт узнаваемым и заметным. Грамотное размещение материалов и выбор оптимальной площадки – гарантия ощутимого результата. Рекламное агентство «Формат», «Клен», «Дан-Трейд» и «Boom Art» являются рекламными агентствами полного цикла. Они располагают собственной серьезной материально-технической базой, следовательно, могут внедрить в свое производство практически любые нововведения наружной рекламы.

В современном мире разнообразие рекламных технологических решений позволяет реализовать практически любую идею. Широкоформатная печать традиционно остаётся наиболее востребованным средством изготовления наружной рекламы. При этом многие компании внедряют новые технологии и материалы для того, чтобы сделать оформление рекламного места ещё более презентабельным и эффективным.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лях В. И., Лагутина О. С.

**Краснодарский государственный институт культуры
Краснодар, Российская Федерация
ValentinaLaich@mail.ru, ospect@mail.ru**

Модернизация системы образования России тесно связана с внедрением инновационных технологий. Цель исследования: изучение компетентностного подхода, выявление его специфики и обоснование необходимости его использования

как инновационной технологии в современном образовании. Основная идея инновационных технологий лежит в переходе к оценке уровня подготовки выпускников в форме измерения его компетенций.

Компетентностный подход вошел в научный оборот в конце 80-х гг. XX века (Е. В. Бондаревская, П. П. Борисов, Н. С. Веселовская, А. А. Деркач, И. А. Зимняя, А. К. Маркова, А. В. Хуторской, В. Д. Шадриков и др.). Он по-новому выстраивает систему обучения, включая принципы, направленные на определение целей образовательного процесса, отбор его содержания, организацию и оценку [1, с. 3-12]. Его можно назвать инновационным [2, с.8].

Исследуемый подход органично «вплетается» в когнитивно-информационную, компетентностную, личностную и культурологическую образовательные парадигмы, доминирующие и определяющие цели, смысл и ценность образовательного процесса, выделяя приоритеты в отборе его содержания [3].

Особенность этой инновационной технологии заключается в объединении практической и творческой сторон образовательного процесса, включая когнитивную, операционально-технологическую, мотивационную, этическую, социальную и другие составляющие, а также его результаты, систему ценностных ориентаций и др. Ее можно назвать «завершающим» звеном в профессиональном обучении. Он интегрирует знания целостные компетенции, т.е. такие новообразования, когда востребованы не сами по себе знания, а способность специалиста применять их на практике, выполнять определенные профессиональные и социальные функции, действовать «не по шаблону», определяя и формируя будущее, а учиться на своем собственном опыте [4].

Исследуемый подход уже сформировал свою теоретико-методическую основу, на которую можно «наносить» новые методы и технологии. Он не противопоставляется другим подходам, а развивает, продолжает и обогащает их с учетом требований времени организации многоуровневого профессионального образования в современном вузе.

Литература

1. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании / О. Е. Лебедев // Школьные технологии. – 2004. 5. – С. 3–12.
2. Михайлова Л. Л. Место компетентного подхода в образовании, его инновационность и традиции / Л. Л. Михайлова // Психология в экономике и управлении. – 2010. – № 1.
3. Лагутина О. С. Компетентностный подход в структуре многоуровневого профессионального образования / III Международная научно-практическая конференция «Культурная жизнь Юга России: прошлое, настоящее, будущее», 18-20 октября 2018.
4. Лях В. И. Компетентностный подход в образовательном процессе вуза культуры / Лях В. И., Храмов В. Б. // Проблемы современного педагогического образования Серия: Педагогика и психология 60 (2). Сборник научных трудов. Ялта 2018.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕСНИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Майгур Н. В., Корепанов Д. А.

ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»
Самара, Российская Федерация
majgur75@inbox.ru

Данная работа представляет собой часть крупного группового проекта по изучению английского языка “ME BEFORE YOU” (My English before yoU(niversity)) в СамГУПС, реализованного в I семестре 2018-2019 учебного года студентами 1-2 курсов трех факультетов под руководством автора. *Актуальность* настоящей работы продиктована отсутствием исследований феномена использования русскоязычного песенного дискурса на занятиях со студентами младших курсов технических вузов, изучающих иностранный язык. *Цель* исследования: изучение эффекта использования русскоязычной песни на занятии по иностранному языку.

Алгоритм работы над русскоязычными песнями в рамках заявленного проекта предполагает выполнение следующих этапов исследовательских процедур: 1. Первичное прослушивание англоязычного аудио или просмотр видеофрагмента без использования текстовых опор. На этом этапе используются метод самонаблюдения. 2. Работа над текстом: чтение, перевод на родной язык, комментарий. 3. Контент-анализ: семантический и контекстуальный, вычленение метафор и их полей. 4. Дискурс-анализ: вычленение прецедентных высказываний, ассоциативных параллелей и коммуникативных стратегий. 5. Прослушивание русской песни со схожими метафорами, сопоставительный анализ. 6. Рефлексия по окончании занятия.

В качестве иллюстрации рассмотрим пример использования на занятии по иностранному языку припев песни *Что происходит?* [Здесь курсив – наш: Н.В.]: *Всё позади, Встань и иди через закрытую дверь, / До конца своих дней/ Жизнь – это всё! Всё, и не стоит так глупо смеяться над ней,/ Даже не смей! ...*[3]. Он звучит как своеобразная поэтическая иллюстрация к выражению из фильма "Неприкасаемые" или "1+1"[1]: *No hands, no cookies* (ср. *No hands, no candy; No feet, no sweet*; фр. *Pas de bras-pas de chocolat*; исп. *No hay manos, no hay galletas* со значением *Нельзя получить что-то, не прилагая усилий*. Распространенность данного выражения объясняется его происхождением от *Встань и иди*, принадлежащим языку Библии, который и популяризирует песенно-лирический дискурс [2, с. 536, 541].

Таким образом, использование русскоязычного песенного дискурса на занятиях по иностранному языку выполняет функцию иллюстрации с целью закрепления изучаемых слов и выражений.

Литература

1. Из какого фильма фраза: Нету ручек, нет конфетки"? О чём этот фильм? URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2707498-iz-kakogo-filma-fraza-netu-ruchek-net-konfetki-o-chjom-etot-film.html> (дата обращения 14.03.2019).
2. Майгур Н. В., Тымчук Е. В., Купавская А. А. Сакральные концепты «рай» и «целомудрие» в песенно-лирическом дискурсе XX века // «Наука сегодня: теория, практика, инновации». Мат-лы XI междун. науч.-практ. конф. – М.: Изд-во «Олимп», 2016. – С. 530–544. – URL:

http://olimpiks.ru/d/1340546/d/nauka_segodnya_teoriya_praktika_innovatsii.pdf (дата обращения 14.03.2019).

3. Песня "Леонид Агутин - Что происходит?" с аккордами для гитары. URL: <http://akkordbard.ru/poispolnitelem/175-agutin/79349-chto-proiskhodit> (дата обращения: 14.03.2018).

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ INSTAGRAM КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ МИССИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Павловская О. Е.

**ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
Краснодар, Российская Федерация
oera@mail.ru**

Информационная миссия русской Православной церкви подразумевает «просветительскую и апологетическую ее деятельность в средствах массовой информации» [1]. В настоящее время в связи с бурным развитием электронных средств коммуникации информационная миссия Православной церкви все активнее реализуется в Интернете, одной из форм которого является Instagram. По данным опроса, социальная сеть Instagram занимает третье место по максимальной вовлеченности пользователей [2].

Цель данной работы – анализ материалов православной тематики, включенных в Instagram, на их соответствие требованиям, которые были поставлены РПЦ перед православными СМИ, работающими в социальных сетях. В качестве материалов исследования были отобраны отдельные страницы, группы, блоги, входящие в Instagram, например, «pravoslavnyaobitel», «spas_official», «andreytkachev_official», «batyushkaonline» и другие. Проведенный анализ показал, что предлагаемые к просмотру тексты, фото- и видеоматериалы соответствуют основным принципам православных СМИ, к которым относятся христоцентричность, предполагающая постоянную память о Христе как основе веры; ненасильственность, понимаемая как отсутствие обмана, методов манипулирования и стремления во что бы то ни стало убедить аудиторию в своей правоте; доступность и адресность, проявляющиеся в

способности изложения такой информации, которая соответствует образовательному, возрастному, культурному уровню читательской аудитории. Каждый из этих принципов методично воплощается в предлагаемых текстах, фото- и видеосюжетах. Например, в материалах группы «batyushkaonline» о почитании святого Луки, объединившего высокую образованность легендарного хирурга и глубокую веру православного архиерея, верующим напоминает, что его помощь приходит всем, кто истинно верит в Господа. Предложенные вниманию читателей группы «pravoslavnaoobitel» мысли игумена Нектария Морозова о видах усталости заставляют аудиторию задуматься о том, какие дела каждому из нас считать полезными для развития души. Так же ненавязчиво и тактично в блоге «andreytkachev_official», говоря о празднике «Торжество Православия», внимание обращается на то, что истинное торжество не только в «трезвой оценке тяжелого исторического пути Церкви» и ее великих дел, но и в каждодневном подсчете «больших и маленьких добрых дел», совершаемых верующими во имя Бога и ближнего. Анализ откликов на публикуемые материалы показывает, что три основных адресата, к которым обращены материалы (воцерковленная аудитория; светская, лояльно настроенная к Церкви или нейтральная; неправославная или антицерковно настроенные аудитории), вступая в обсуждение, по-разному реагируют на них. Это требует поиска различных форм, приемов и методов подачи материала. Блогерам и ведущим различных групп в Instagram трудно предугадать состав аудитории, что заставляет их работать на «усредненного» читателя. Но именно этот факт заставляет их подбирать такой материал, который интересен всем категориям и дает повод для обсуждений. Тематами различных площадок становятся насущные проблемы времени и жизни: православные праздники, пост, отношение к нему, понятие смирения, взаимоотношения в семье и др.). При этом пояснения, которые даются к цитатам из Библии, высказываниям святых отцов Церкви или современных священнослужителей, доступны по своей форме и вызывают живой отклик в комментариях читателей. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о православном контенте в Instagram как о востребованном аудиторией соцмедиа, реализующем информационную миссию РПЦ.

Литература

1. Информационная миссия Церкви : Итоговый документ V Общецерковного съезда епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви // http://www.kistine.ru/mission/mission_v_kongress_final_document-01.htm
2. Каждому возрасту – свои сети / Пресс-выпуск // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11669>

ПРЕОДОЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОГРЕШНОСТЕЙ В РЕЧИ КРЫМСКИХ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ РЕЧИ

Рудницкая Л. И.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
rudnickajal@rambler.ru

Как известно, русский язык в Крыму (до вхождения его в состав РФ) находился в ранге языка национального меньшинства. На полуострове практически отсутствовали русские школы. Проходила украинизация школ и вузов. С присоединением Крыма к России языковая ситуация изменилась. Согласно требованию Министерства образования и науки Российской Федерации, для студентов нефилологических факультетов высших учебных заведений владение русским языком и культурой русской речи является необходимой частью профессиональной компетенции современного специалиста. Изучение дисциплины «Русский язык и культура речи» стало обязательным элементом профессиональной подготовки.

Естественно, что в освоении данного курса у крымских студентов нефилологического профиля возникло немало трудностей, так как большинство из них изучало украинский язык.

Как показали наши наблюдения, в русской речи студентов нефилологических факультетов на всех языковых уровнях встречаются отклонения от норм русского литературного языка. Некоторые из них являются следствием интерферирующего влияния украинского языка [1, с. 344; с. 45; с. 49-51].

Цель настоящего исследования – помочь студентам нефилологического профиля в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» преодолеть синтаксические ошибки, вызванные интерференцией украинского языка. Повысить общую речевую культуру будущего специалиста, усовершенствовать владение нормами устной и письменной речи.

В русской речи крымских студентов нефилологического профиля можно отметить следующие синтаксические ошибки, вызванные интерференцией украинского языка: 1. Нарушение норм словоупотребления русского литературного языка, т.е. допускаются переносы моделей лексической сочетаемости украинского литературного языка в русскую речь. Ср.: *Очень много времени у меня забирает дорога домой из университета* (укр.: *забирати час* – русск.: *отнимать время*); *В соревнованиях по волейболу многие ребята из нашей группы будут брать участие* (укр.: *брати участь* – русск.: *принимать участие*); *Рустем эту теорему тогда довел правильно, но профессор почему-то поставил ему тройку* (укр.: *довести теорему* – русск.: *доказать теорему*) и т.п. 2. Следует обратить внимание на конструкции с глаголами эмоционального состояния, которые близки к украинскому языку. Характер управления во многом зависит от того, имеют ли глаголы эмоционального состояния одинаковые или разные основы в двух языках. Общие основы глаголов, как правило, обуславливают однотипную зависимость управляемого слова. Мена глагольной основы в близкородственном языке нередко вызывает мену падежей. Ср.: русск.: *тревожиться за кого-что* – укр.: *тревожитися за кого-що*; *в армии он тосковал за друзьями* (правильно *по друзьям* – укр.: *тужити за ким-чим*); *отец радовался сыном* (правильно *радовался сыну* – укр.: *батько тішився сином*) и т. д. 3. Русский и украинский языки имеют много одинаковых предлогов (*без, в, к, у, для, через, на, по, до, мимо, о(обо), под, про, при* и т. д.), но межъязыковое соотношение их неоднозначное. Как правило, общие для этих языков

предлоги различаются оттенками значений, стилистической окраской, функциональными особенностями, частотой употребления. Неодинаковой может быть в этих языках валентность как предлогов, так и сочетающихся с ними падежей, а также особенности глагольного управления. В результате происходит нежелательное смешение предлогов как в русской речи, так и в украинской (межъязыковая интерференция). Ср.: *скучать за сыном* (правильно *скучать о сыне, по сыну* – укр.: *скучати за сином*); *он приходил до меня* (правильно *ко мне* – укр.: *приходив до мене*); *через него мы опоздали* (правильно *из-за него мы опоздали* – укр.: *через нього ми спізналися*); *экзамен с физики* (правильно *по физике* – укр.: *екзамен з фізики*) и др.

В подобных случаях следует обращаться к «Толково-сопоставительному словарю русских и украинских предлогов» [2].

Предлагаем несколько типов заданий, которые, на наш взгляд, могут помочь в устранении интерференции на синтаксическом уровне. Это проведение сочинений-миниатюр по опорным словосочетаниям; пересказ небольших отрывков с использованием определённых предлогов; упражнения на конструирование предложений в виде ответов на вопросы по связному тексту, который должен быть содержательным, преследовать воспитательные цели. Полезны и стилистические задания по выбору наиболее подходящего для данной конструкции предлога из синонимического ряда и др.

Выводы. Наблюдения над устной и письменной речью обучающихся дают основания утверждать, что прямые сопоставления должны быть использованы в первую очередь при изучении фактов, особо подверженных интерферирующему влиянию, когда расхождения в нормах двух контактирующих языков отчётливо воспроизводятся в сознании билингвов.

Литература

1. Богданович Г. Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Г. Ю. Богданович, Л. И. Рудницкая. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – 284 с.
2. Цыганенко Г. П. Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов / Г. П. Цыганенко. – Алчевск: Донбасс-Медиа, 2006. – 600с.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ)

Харькова А. А.

**Институт гуманитарных технологий Российского нового университета
Москва, Российская Федерация**

В настоящий момент культурологические знания, а именно введение их в процесс обучения РКИ студентов, являются весьма актуальными. В контексте приобщения иностранных учащихся к отечественным фильмам как источнику информации о культуре народа и как форме реализации изучаемого языка проблема отбора и презентации культурологического материала в практических целях может быть связана с понятием «прецедентные тексты», которое нередко встречается в исследовательской литературе последнего времени.

Прецедентный текст известен представителям того или иного национально-культурного сообщества и многократно используется в речи, как правило, в сжатой форме, является значимым в познавательном, эмоциональном отношении, самодостаточным для понимания, способным существовать вне контекста. Если в механизме порождающей речи используются знания крылатых выражений (далее – КВ), то КВ становится прецедентным текстом.

Разрабатывая инновационную методику в преподавании РКИ, обращаем внимание на особый пласт поликодовых текстов, который порождает отечественный кинематограф. Это не просто крылатые выражения, распространенность которых объясняется многими факторами, это комплекс, сгусток смыслов, культурем, концептов, значимых и дорогих каждому носителю русского языка. Кино как коммуникативный источник может выступать эффективным наглядным средством в лингводидактике в целом и в методике РКИ – в частности. Язык фильмов непросто и различен по стилю, исконная двойственность кинематографа как носителя ярких образных языковых единиц объясняется его амбивалентностью – принадлежностью не только к популярному виду искусств, но и к процессу массовой коммуникации, повышающему потенциал его социального воздействия.

Важно отметить, что изучение КВ играет положительную роль в процессе овладения языком, повышает интерес к его изучению, что обеспечивается как самой природой КВ, так и способами их преподнесения. Для восприятия крылатых выражений существенно важно то, что в них мысль средствами интонации доведена до законченности, достаточной в условиях общения или контекстного окружения. Адекватное восприятие КВ обусловлено также его лексическим составом, синтаксической конструкцией, текстом, контекстом и, нередко, подтекстом.

Крылатые выражения как образный языковой коммуникативный феномен эффективны в лингводидактических целях РКИ не только как важная образовательная составляющая процесса обучения, но и как воспитательный компонент его содержания. Крылатые фразы как любое образное выражение воспринимаются и понимаются как языковое средство общественных оценок, имеющих большую силу воздействия, и несущих зачастую эмоционально-волевой заряд. Например, особая роль может отводиться категории комического в контексте киноленты, поскольку комизм (юмор, смех, ирония, сарказм, трагифарс, эксцентрика, буффонада) нередко соседствует с драматизмом, размышлениями о подлинных и мнимых ценностях и является неременным ингредиентом фильма, особенно современного.

Таким образом, крылатые фразы и выражения обладают возможностью восприятия иностранцами на разных уровнях: на лингвистическом и эмоциональном уровнях; раскрывают лингвострановедческий компонент (знакомство с культурой и действительностью посредством изучения); играют положительную роль в процессе овладения языком, повышает интерес к его изучению, что обеспечивается как самой природой КВ, так и способами их преподнесения. Обучая иностранных студентов восприятию и употреблению КВ, нельзя не отметить необходимость наличия ситуативности, которая подразумевает выход на естественное общение, являясь своеобразным катализатором коммуникации.

**6. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА И МЕДИАГРАМОТНОСТЬ.
ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**ЛЕКСИКА ПЕЧАТНЫХ СМИ
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ 2017–2018 ГГ.)**

Ачилова Е.Л., Регушевская И. А.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
elena-achilova@yandex.ru

Цель работы – проанализировать активные процессы, наблюдаемые в лексике современных медиа. Материалом послужила крымская пресса за период 2017 – 2018 гг. Основные методы исследования: описательный, метод сплошной выборки, компонентный анализ.

Язык массмедиа является наиболее подвижной стилистической подсистемой литературного языка, динамично отражающей все новообразования, появившиеся в силу разных причин, именно с этим связана, по нашему мнению, высокая частотность появления в текстах СМИ неологизмов и окказионализмов. Наблюдения над лексикой печатных СМИ позволяют отметить предпосылки возникновения слов и словосочетаний, служащих названиями новых предметов, явлений, понятий, что обусловлено коренными преобразованиями, происходящими в мире, стране, регионе.

Неологизм представляет собой лексическую единицу социального характера, созданную по существующим в языке моделям словообразования либо заимствованную из другого языка для обозначения нового либо прежде неизвестного объекта внеязыковой действительности. Неологизмами исследователи признают и новые значения существующих в языке слов [2]. Так, семантические неологизмы могут возникать в результате метафоризации.

К этой группе можно отнести две довольно распространенные в СМИ разновидности: новые значения, обусловленные необходимостью номинации новых реалий и понятий, возникших в объективной действительности, или переименование уже существующих предметов. Анализ неологизмов в прессе позволяет прийти к выводу, что чаще всего неологизмы употребляются в экономической, общественно-политической, технической и правовой сферах.

Новообразования в текстах СМИ рассматриваются исследователями как показатели речевой свободы и языкового творчества личности. Такие лексические единицы выражают экспрессивные и эмоционально-оценочные значения [3]. Неологизмы и окказионализмы, являясь новыми и часто неожиданными для читателя словами, деавтоматизируют процесс восприятия, побуждая адресата внимательнее читать текст. Новообразованиям присуща особая экспрессивность, благодаря чему они способны точно и ярко выражать авторскую оценку. При этом влияние таких элементов на информативность текста может носить как позитивный, так и негативный характер.

Проведенный нами анализ крымских медиатекстов позволяет утверждать, что чаще создаются неологизмы – абстрактные существительные с использованием суффиксов -ств(о) и -ость.

В отличие от неологизмов, окказионализмы не входят в основной словарный фонд языка, «Толковый словарь иноязычных слов» трактует окказионализмы как «разновидность неологизмов: слово, образованное применительно к данному случаю, к данному контексту» [1, с. 483]. Таким образом, они представляют собой индивидуально-авторские неологизмы, которые создаются по существующим в языке непродуктивным словообразовательным моделям и используются как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры.

Представленный анализ свидетельствует о том, что лексический строй современного русского языка постоянно развивается, в том числе и за счёт текстов, продуцируемых современными СМИ, вбирает в себя новое, а зачастую отвергает то, что ему непривычно или противоречит его нормам. Очень может быть, что зафиксированные нами в качестве неологизмов и окказионализмов лексемы так и не

войдут в активный запас языка или будут активно использоваться носителями языка, но по прошествии какого-то промежутка времени.

Литература

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] : ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – М. : Рус. яз., 1998. – 846 с. – (Библиотека словарей русского языка).
2. Несветаило Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка : системный и словообразовательный аспекты [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. Н. Несветаило. – Ставрополь, 2010. – 169 с.
3. Олисаева О. В. Изучение порядка слов русского языка в осетинской школе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 13.00.02 / О. В. Олисаева. – Владикавказ, 2000. – 165 с.

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Володченко О. Н.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация**

Подавать качественную информации – это обязанность журналистов. Однако в последнее время все чаще в сторону СМИ звучит критика в том, что они потчуют аудиторию некачественной информацией. Как следствие читатели начинают искать альтернативные источники, в том числе и в социальных сетях. Отметим, среди основополагающих стандартов журналистики всегда были точность, достоверность информации, беспристрастность в подаче материала, отделение фактов от комментариев, сбалансированность и полнота информации. К сожалению, сегодня приходится констатировать, что эти нормы игнорируются многими, в том числе и мировыми, средствами массовой информации.

Причинами снижения качества информации в профессиональной журналистике являются такие, как нехватка времени на проверку информации вследствие чрезмерной оперативности, а также стремления войти в топ поисковиков и поднять

трафик, что зачастую становится важнее, нежели качество сообщаемых сведений. Помимо этого, следует назвать влияние поисковых систем на информационную повестку дня СМИ, а также редакционной политики СМИ в требованиях к подаче информации.

Впервые о «повестке дня» или теории «agenda-setting» косвенно упомянул писатель и журналист Уолтер Липпман в книге «Общественное мнение» [2].

В трудах исследователей среди факторов, оказывающих влияние на повестку дня, называют следующие:

- политический, который устанавливает государство;
- медийный (информационный), который устанавливают СМИ;
- публичный, который формируется в обществе под влиянием двух предыдущих и под влиянием личного опыта;
- корпоративный, сформированный в интересах крупнейших корпораций [1].

В эпоху, когда на читателя буквально обрушивается шквал новостей, не случайно в теории журналистики появился уже термин «информационное ожирение», потребитель информационного продукта не в состоянии самостоятельно разобраться в сути происходящих событий. Эту функцию должны выполнять СМИ, представляя качественную информацию.

В действительности приходится наблюдать совершенно иную картину.

Проблема заключается в том, что зачастую редакционная политика, принятая руководством СМИ в вопросах подачи информации, либо уводит читателя от действительности, потчует его развлекательным контентом, либо сознательно дезинформирует его, либо читатель самостоятельно уходит в социальные сети и остается вне информационной повестки дня.

К счастью, есть еще значительная часть аудитории, которая начинает искать альтернативные источники информации, если ее не удовлетворяет качество получаемой из СМИ, услугами которых читатели пользовались ранее. Так, согласно докладу Международной некоммерческой организации AVAAZ, американской НКО, RT France оказался самым просматриваемым YouTube-каналом Франции по видео с

протестов желтых жилетов. «Они подсчитали, что наши видео собрали в 2 раза больше просмотров, чем главные местные СМИ - Le Monde, L'Obs, France 24, Le Figaro, LeHuffPost вместе взятые(!). 23 млн у нас против 11 млн у них, – написала в своем дневнике главный редактор RT Маргарита Симоньян. [3] Более того, AVAAZ вынуждена была признать качество предоставляемой RT информации и популярность канала среди французских зрителей. [4]

Известный блогер Анатолий Шарий испытал неловкость в интервью на «Эхо Москвы», где он критически высказался о деятельности журналиста Матвея Гананпольского на украинском телевидении, когда ведущий резко прервал его речь и заявил: «Давайте договоримся на берегу. Мы любим Матвея Юрьевича, давайте не будем переходить на личности». [5] Получается, что кого не любим, можно говорить все, а кого любим, то договариваемся на берегу...

Такие нарушения стандартов профессии несут серьезную угрозу обществу, но вместе с тем открывают широкие возможности для медиа, которые стремятся работать качественно. В связи с этим возрастает потребность в развитии у подрастающего поколения навыков критического мышления и медиаграмотности, чтобы отличать качественную информацию от не являющейся таковой. В сложившихся условиях важными компетенциями, которые формируются у обучающихся на факультетах журналистики должны стать навыки поиска информации; ее фильтрации и толкования; проверки фактов и подачи материала с соблюдением норм журналистики.

Литература

1. Дьякова, Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня [Электронный ресурс] // Научный ежегодник ИФиПУрО РАН, 2002. – №3. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kommunikatsiya-i-vlast-v-teorii-ustanovleniya-povestki-dnya>. – Дата обращения (15.03.19)
2. Липпман, Уолтер. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой; Редакторы перевода К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004

3. Симоньян, Маргарита. Личная страничка в livejournal. – Режим доступа
4. <https://m-simonyan.livejournal.com/2019/03/15/>. – Дата обращения (18.03.19)
5. Чистосердечное признание: американская НКО не нашла фейков в новостях RT France о «жёлтых жилетах» [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://russian.rt.com/world/article/612426-avaaz-rt-france-populyarnost>. – (18.03.19)
6. YouTube. Анатолий Шарий / Персонально ваш // 22.02.19. – Режим доступа
7. <https://www.youtube.com/watch?v=boB3hjI-BW8>. – (15.03.19)

ТАВТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ
«ИМЯ СОБСТВЕННОЕ И.П. + ИМЯ СОБСТВЕННОЕ Т.П.»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Дзына А.В.

(науч. рук. д.ф.н., проф. Петров А. В.)

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация**

Цель исследования – проанализировать тавтологические конструкции с именем собственным в русском языке. Картотека языковых фактов составлена на основе «Национального корпуса русского языка». В качестве ведущего метода применялся метод контекстологического анализа.

Конструкции с удвоением слов могут употребляться с союзами противопоставления. Так, Д. Н. Шмелёв рассматривает модель «существительное в именительном падеже + то же существительное в творительном падеже + *но / а*». Учёный отмечает, что в данных конструкциях члены противопоставления, объединённые противительным союзом, образуются по одинаковой схеме [1, с. 53].

Д. Н. Шмелёв пишет, что «уступительное» сходство, созданное такими конструкциями, не может быть одинаковым: «оно может быть осмыслено в одних предложениях *как хотя и...*, а в других – *как хотя и не..*, не соответствуя, конечно, грамматически ни тому, ни другому». Однако общее для данных конструкций –

повторение одной из лексем в конкретной форме, а также «структурная обусловленность месторасположения компонентов» [1, с. 54].

Тавтологические сочетания исследуемой модели были расклассифицированы на две группы – конструкции с союзом и без союза.

I. Тавтологические сочетания с противительными союзами «а», «но»

На группу тавтологических сочетаний с противительными союзами первым обратил внимание Д. Н. Шмелёв. Согласно концепции учёного, в рассматриваемой модели союз стоит после тавтологического сочетания: «*Париж Парижем, а вот как там, в Москве, мой ‘Скапен’?*» (Е. Весник. Дарю, что помню); *Европа Европой, но в гости приглашать легче старых знакомых*» [Е. Бирюкова. Северо-восток стал Западом // Известия, 2004.06.19].

Однако были выявлены контексты, где союз расположен перед тавтологическим сочетанием: *Сталин там, не Сталин, чёрт с ним, а Москва Москвой?*» (И. Л. Солоневич. Две силы); *Но Америка – Америкой, а есть ещё и Европа с Азией* (Е. Умеренков. Беспокоит ли Путина Гондурас?).

В данной группе также встречаются контексты с двойным употреблением тавтологических сочетаний, где нарицательное существительное противопоставляется собственному: – *Лето летом, а Канада Канадой, – мама перехватила свитер и опять сунула в чемодан*» (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть); *Фет вспомнил об этом посреди ‘большого кирасирского захода’, которому научился у незабвенного вахмистра Лисицкого, и властно, словно норовистого коня, обуздал себя: Толстой Толстым, а бильярд бильярдом, и работу принять надо со всем тщанием, не выбрасывать же деньги на ветер* (Ю. М. Нагибин. Запертая калитка).

Таким образом, можно выделить модель «апеллятив + союз *а* + имя собственное» либо «имя собственное + союз *а* + апеллятив».

II. Тавтологические сочетания без союзов

– *Так ведь Россия-то... Россия Россией и останется...* – заметался Дубяга, – *вот под татарами была, а всё Россия*» (Б. Л. Горбатов. Алексей Куликов, боец);

Москва Москвой, там всё объясняется просто – например, тем, что соавторы у меня евреи и т. д. (С. Б. Рассадин. Книга прощаний).

Рассмотрев тавтологическую конструкцию «имя собственное И.п. + имя собственное Т.п.», мы пришли к выводу, что удвоение имён собственных встречается, как правило, в назывании стран, городов, политических деятелей, поэтов, философов, сказочных персонажей. Тавтологические сочетания с противительными союзами образуются по одинаковой схеме, где противительный союз занимает препозицию, постпозицию либо опускается, а семантика идентификации отображает временной аспект благодаря глагольным формам лексем «быть», «остаться» и «стать».

Литература

1. Шмелёв, Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке / Д. Н. Шмелёв // Вопросы языкознания. – Москва. – № 5. – 1960. – С. 47–60.

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Егорова Л. Г.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
legora@list.ru

Региональный дискурс СМИ является частью общего пространства СМИ страны, но при этом обладает специфическими признаками, отражающими особенности территории. Эти особенности системно проявляются в повестке дня СМИ, способах представления информации и интерпретации общественно значимых событий, приоритетных темах и жанрах, организации диалога с аудиторией, композиционно-стилистическом устройстве медиатекстов. Газета как один из значимых для региона видов печатных СМИ концентрирует признаки регионального дискурса средств массовой информации. В настоящем исследовании рассмотрены жанрово-тематические особенности печатных изданий Республики Крым.

Анализ тематических предпочтений прессы Республики Крым (проанализированы публикации восьми общекрымских и муниципальных изданий) позволил выделить следующие доминанты региональной повестки дня 2013–2015 гг.: работа крымских депутатов и чиновников; связь Российской Федерации, Украины, Крыма; правовой статус Крыма; языковой вопрос; проблемы и успехи крымской экономики; экология; культура; туризм, – которые, в свою очередь, формируют общественное мнение, влияют на стандарты восприятия событий членами социума.

Региональные печатные медиа, утверждающие локальные и универсальные смыслы, рассматриваются как часть современной массовой культуры. Публикациям культурной направленности, посредством которых осуществляется передача кодов и ценностей из сфер традиционной и элитарной культур, а также организация повседневного мира читателя, отведено особое место в процессе формирования ценностной повестки дня региона. Материалом исследования послужили медиатексты региональных общественно-политических изданий «Крымская правда» и «Крымская газета». Выделены наиболее показательные микротемы, формирующие повестку дня медиaprостранства Республики Крым. В фокусе внимания региональных журналистов оказываются культурные мероприятия и события, достижения местных деятелей культуры и искусства, развитие кинематографии, а также театральная жизнь. Отмечается и частое обращение к таким темам, как реконструкция объектов историко-культурного значения, вопросы истории, достопримечательности полуострова, культурная специфика народностей Крыма и пр. Показательно, что издания по-разному преподносят своей аудитории материалы культурной тематики, наблюдаются различия в выборе жанров, стиле и манере изложения. В то же время проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что в журналистских текстах избранной тематики ярко выражен региональный компонент, привязка к Республике Крым. Таким образом, подтверждается тезис о том, что в медиатекстах региональных СМИ неизбежно проявляется специфика развития региона и сложившегося культурного кода. Исследование продемонстрировало активное транслирование региональными масс-медиа культурно-нравственных ценностей с целью привлечения внимания читательской аудитории к нематериальной стороне современной жизни.

ПОВЫШЕНИЕ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕМЕДИЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Ефанов А. А.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Российская Федерация
yefanoff_91@mail.ru

Прочное вплетение медиакоммуникационных технологий в повседневные практики общества, безусловно, оказывает прямое влияние и на развитие института образования. На рубеже второго и третьего десятилетий XXI века все более отчетливо говорят о кристаллизации пограничного направления – медиаобразования, которое переместилось из научной литературы и академических дискуссий в практическое поле.

Несмотря на то, что специалистов в сфере медиаобразования (так называемых «медиапедагогов») в России начали готовить в начале 2010-х годов (преимущественно посредством реализации одноименных магистерских образовательных программ), о целесообразности повышения медийно-информационной грамотности впервые заявила министр образования и науки РФ О. Ю. Васильева в 2017 году, объявив о запуске в школах страны проекта «ТАСС детям», иначе говоря, – создания телевизионных студий, оснащенных набором современного оборудования, необходимого для производства аудиовизуальных продуктов [1].

Что касается высшей школы, в настоящий момент в России отсутствуют федеральные программы, направленные на повышение медиакомпетентности бакалавров и магистров немедийных направлений подготовки [2]. Однако некоторые высшие учебные заведения страны уже реализуют ряд успешных практик.

В частности, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина для студентов направления подготовки бакалавриата «Филология» (всех трех своих профилей: «Отечественная филология», «Прикладная филология», «Преподавание филологических дисциплин») использует комплекс медиаориентированных курсов

(таких как «Редактирование рекламных и PR-текстов», «Филологическое обеспечение профессиональной коммуникации (журналистика)»). Наибольшее разнообразие дисциплин наблюдается на профиле «Прикладная филология» («Основы филологической работы с текстом (жанры современной массовой коммуникации)», «Основы нейминга и копирайтинга», «Технология организации PR-кампаний» и проч.), который направлен на подготовку бакалавров, владеющих основными технологиями работы с медиа. В последующем углубить полученные знания позволяет образовательная программа магистратуры «Филологическое обеспечение СМИ» (направление подготовки «Филология»).

Описанная образовательная модель выполняет ключевую роль – повышение медиакомпетентности студентов немедийных направлений подготовки. В широком смысле она формирует новую парадигму в филологическом образовании. Безусловно, ее реализация вполне возможна не только в российских образовательных центрах, но и в региональных вузах. В противном случае прямое и принципиальное следование консервативному образовательному вектору будет снижать конкурентоспособность выпускников, делать подготовку в подобных ретроградных вузах малоэффективной и, как следствие, снижать общий рейтинг.

Литература

1. Ефанов А. А. «Лед тронулся...», или О медиаобразовании как технологии декультивирования моральных паник // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. № 4 (26). – С. 88-93.
2. Ефанов А. А. Повышение медиакомпетентности студентов немедийных направлений подготовки: к формированию новой образовательной парадигмы // Медийно-информационная грамотность современного педагога. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: ООО «Оренбургская книга», 2018. – С. 66-70.

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ВИДЕОПРОДУКТА ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОГО ТЕЛЕКАНАЛА

Жуков Д. Ю.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
blinkblink90@gmail.com

Стремительное развитие информационных технологий создает новую специфику работы журналиста и, соответственно, предъявляет новые требования к студентам – выпускникам направления подготовки «журналистика». Журналисту нового времени недостаточно владеть лишь навыком обработки информации и умением писать грамотные, структурированные и логически выстроенные тексты. Теперь все больше людей проводит время в сети Интернет и получает информацию исключительно оттуда, исключив из своей жизни традиционные СМИ, такие как телевидение, радио и печатные. Это смещает предпочтение аудитории в сторону более неформального, визуально насыщенного формата, где переплетаются графические элементы, визуальное сопровождение, музыка и разговорная стилистика дикторского текста.

Такие аспекты создают дополнительные творческие возможности для журналиста, а вместе с тем и необходимость владеть техническими способами получения информации (фотоаппарат, видеокамера, диктофон) и умением работать в программах для фоторедактирования, видеомонтажа, обработки звука и создания элементов графического дизайна. Кроме того, как и раньше, выпускник должен уметь подготовить материал, соблюдая грамматику, синтаксис и стилистику. Получается, что современный студент, чтобы быть успешным в журналистской сфере, должен развивать конвергентность. Создание студенческого учебного телеканала призвано помочь в этом путем неформального обучения с элементами геймификации. Последний аспект необходим, потому что традиционное обучение в рамках лекций, обязательных заданий и оценок не всегда способствует раскрытию творческого потенциала. Оценка является достаточно слабым стимулом для современного

студента, тогда как в рамках студенческого медиа он может начать создавать творческий продукт без ожидания какого-то поощрения.

Студенческий телеканал – это творческое объединение студентов, которым интересна репортажная съемка и видеомейкинг. Это «игра», которая в ненавязчивой форме призвана создать условия, при которых студент может обучиться всем аспектам создания видеопродукта. Единственное условие, при котором он достигнет успеха, – соответствующая мотивация и его желание.

Вся работа строится на добровольной основе в атмосфере взаимной поддержки и уважения. Более опытные участники студенческого медиацентра помогают новоприбывшим, дают советы и делятся опытом, но каждый человек сам решает, над каким проектом будет работать. Это одно из условий развития творческой личности – студент в состоянии сам придумать себе занятие. Разработав проект, он может попросить у других участников студенческого телеканала поделиться своим мнением, а также привлечь себе в команду людей, которые помогут с реализацией.

Этапы создание видеопродукта: 1. Разработка идеи. Это важный этап, поскольку многие начинающие творцы сталкиваются с вопросом «что же делать?», но каждый в состоянии разработать проект, идею, найти мероприятие, которое стоит осветить. 2. Выбор роли. Каждый участник может пропробовать себя в разных ролях. Кому-то интересно снимать видео, кому-то – писать закадровый текст, некоторые любят быть ведущими в кадре, а кому-то хочется научиться монтировать. Студенческий телеканал позволяет получить все навыки, которые нужны для создания видео. 3. Сбор команды. Над производством видеопродукта чаще всего работают в команде, поэтому необходимо предложить другим членам поработать сообща. Это развивает организаторские и коммуникативные способности. 4. Препродакшн. На этом этапе команда готовится к съемке: находятся герои, продумываются места для съемки, разрабатывается сценарий, составляется список необходимого оборудования. 5. Съемка. Происходит непосредственная съемка. 6. Постпродакшн. Сложный этап, на котором необходимо завершить проект. Журналист отсматривает кадры и составляет закадровый текст, монтажер приступает к созданию готового видеопродукта, дизайнер создает обложку для ролика. 7. Публикация. Финальный этап, на котором

видеопродукт выкладывается в публичный доступ на ресурсы студенческого телеканала и собирается обратная связь среди участников и зрителей.

Пройдя эти этапы, студент начинает понимать, как устроен процесс создания видеоролика, и получает все необходимые навыки для дальнейшей профессиональной деятельности во время работы над интересным проектом, который придумал сам. Это и есть геймификация процесса обучения, в ходе которой участник не стремится получить оценку, а погружается в работу для того, чтобы воплотить собственную идею.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ PR И КОММУНИКАЦИЙ

Кондратская В. Л.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация**

Последние годы студенты факультета славянской филологии и журналистики КФУ им. В. И. Вернадского показывают отличные результаты на Открытом Всероссийском конкурсе студенческих работ в области связей с общественностью, рекламы и медийных технологий «Хрустальный Апельсин». Кафедра межъязыковых коммуникаций и журналистики выпускает магистров направления подготовки «Журналистика», специализация «PR и связи с общественностью». Среди работ, занявших призовые места, экологический проект «Экомоны», образовательный «Школа грамотности», имиджевый «Крымская лаванда» и 5 других.

При выборе современных методов и средств обучения преподаватели кафедры отдают предпочтение проектной деятельности. Этот метод применяется в учебном процессе, особенно при изучении PR-дисциплин. Но самое важное – полученные знания активно интегрируются и проверяются на практике во внеучебное время, прежде всего при подготовке к студенческим и профессиональным конкурсам в области связей с общественностью и рекламы, в

сотрудничестве с общественными организациями Крыма, в работе волонтерами на имиджевых мероприятиях в университете и на международных форумах в Крыму.

Специфика метода проектирования состоит в том, что он позволяет конструировать профессиональные навыки посредством моделирования различных коммуникативных ситуаций. Именно с этим, на наш взгляд, связана его особая актуальность – ускорение темпов развития общества неизбежно влечёт быстрое устаревание знаний, методов, приемов профессиональной деятельности.

Технологии, которым мы сегодня обучаем своих студентов, к моменту их выхода на профессиональный рынок теряют актуальность. Поэтому особый акцент при обучении будущих специалистов в сфере коммуникации должен быть сделан на практические умения и навыки комплексного подхода к обработке массивов данных. Вне зависимости от эволюции технологий, когнитивный паттерн, сформированный в процессе обучения, будет универсально полезным конкурентным преимуществом будущих пиар-специалистов. Помимо этого, проектный метод обучения позволяет развивать в студентах такие качества, как мобильность, стратегическое мышление, умение работать в команде. Главная задача проекта – его результативность, уникальность и конкретность в постановке целей.

В формате учебных занятий метод проектов применяется кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики:

- В обучении студентов профильной дисциплине «Теория и практика связей с общественностью» в качестве отдельного задания при изучении темы «PR-кампания»
- В написании и продвижении «PR-проекта», который предусматривает создание и наполнение сайта факультета СФиЖ, ведение группы факультета в социальных сетях, разработке фирменного стиля факультета, создании буклета для абитуриентов.
- В курсах по профилю «PR-коммуникация» и «Рекламная коммуникация», посвященных подготовке и реализации таких значимых проектов, как «PR-клуб ФСФиЖ», «Всероссийский конкурс Хрустальный Апельсин» и «Клуб выпускников специальности «Журналистика ФСФиЖ».

- В сотрудничестве с крупнейшей волонтерской организацией «Добро мира - волонтеры Крыма», информационной поддержке и участие в волонтерских акциях организации
- Успешным оказался проект магистров «Школа грамотности», рассчитанный на школьников старших классов. Магистры записали на студии ФСФиЖ серию роликов о правилах грамматики и создали специальную группу в социальных сетях, где школьники могли смотреть эти ролики.

Таким образом, подготовка PR-проекта является масштабным и ответственным заданием, в процессе которого студенты реализуют свой исследовательский, исполнительский, организационный потенциал. Проектный метод даёт возможность не только на практике применить полученные знания, но и вникнуть в те аспекты профессиональной реализации, которые невозможно изучить в условиях стандартного лекционного курса. Вместе с выполнением смысловой части проекта, студенты осваивают грамотную постановку задач, стратегическое и тактическое мышление, навыки деловых коммуникаций и GR. Как результат, выпускник обладает более высокой ценностью на рынке труда, а образование на ФСФиЖ становится более престижным.

Литература

1. Емельянова Н. В. Проектная технология обучения в условиях компетентностного подхода / Н. В. Емельянова // *Alma mater* (Вестн. высш. шк.). – 2009. – № 10. – С. 42–46.
2. Колесникова И.А. Педагогическое проектирование: учеб. пособие для высших учебных заведений / И. А. Колесникова. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
3. Новиков А. М. Образовательный проект: методология образовательной деятельности / А. М. Новиков. – М., 2004.
4. Проектный менеджмент в вузе. Учебные кейсы / под ред. Ф. А. Казина, Н. Р. Тойвонена. – СПб: НИУИТМО, 2012.
5. Шишкин Д. П. PR-кампании: методология и технология: Учеб. пособие. СПб.: Роза мира, 2004.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

В. МАЯКОВСКОГО

Пономаренко И. Н.

ФГ БОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Российская Федерация
irnik20@mail.ru

В современной коммуникации рекламные тексты по-прежнему заслуживают пристального внимания как уникальный речевой продукт, который прошел путь от крика зазывалы до появления полиаспектного креолизованного текста.

Реклама может рассматриваться как особого рода социальная коммуникация, обеспечивающая реализацию информационной, экспрессивной и прагматической (определенная установка для совершения ряда желательных действий) функций. При создании рекламных текстов важно учитывать параметр кодирования и декодирования, заключенной в них информации. Здесь учитываются различия в ментальности, в иерархии национально-культурных ценностей, специфике стереотипов и социальных знаков. Используемый код общения должен быть знаком адресату и одобряем им. Кроме того, определяющие его знаки должны отличаться информативно-образными и экспрессивно-суггестивными характеристиками. Этим требованиям как раз и соответствует их репрезентация в единицах разговорного стиля.

Цель нашего исследования – особенности рекламных текстов В.В. Маяковского как особого вида социальной коммуникации, которая реализует не только и не столько коммерческие, сколько политические задачи. Специфические черты рекламного дискурса, несомненно, определены маркетинговыми стратегиями, призванными посредством психологического воздействия на потребителя реализовать конкретные коммерческие установки. Однако нельзя забывать о том, что реклама явление в первую очередь социальное.

Как особая форма коммуникации, помимо реализации информационной функции, реклама тиражирует заданные образы, убеждает потребителя в необходимости приобретения товара или услуги, формирует у него желание

приобретать вообще. И это, видимо, самое главное, если даже в тоталитарном обществе в ситуации постоянного дефицита реклама существовала.

В 1923 г. в стране, переживающей последствия гражданской войны и разрухи, В. В. Маяковский был убежден: «Реклама – промышленная агитация. Ни одно, даже самое верное дело не двигается без рекламы <... > Надо звать, надо рекламировать, чтоб калеки немедленно исцелялись и бежали покупать, торговать, смотреть! <...> Реклама – это имя вещи. Как хороший художник создает себе имя, так создает себе имя и вещь <...> Реклама должна напоминать бесконечно о каждой, даже чудесной вещи» [1, с.184].

Яркие рифмованные тексты-слоганы поэта рекламировали, казалось, все: от новых мер длины и веса до продукции Резинотреста и дешевых конфет. Обращает внимание вербализация оппозиций *они / мы; старый мир / новый мир; советская Россия / буржуазная Европа; прежде / сейчас*: «*Нам оставляются от старого мира / Только – папирсы «Ира»; «Резинотрест – защитник в дождь и слякоть / Без галош Европе сидеть и плакать»* и т.п., а также обилие политизированных слов-маркеров: *рабочие массы, крестьянин, товарищ, смычка* и т.д.: «*Внимание! Важно для рабочих масс / В Моссельпроме лучшее производство колбас*»; «*Важно для каждого гражданина: / в 1 кв. метре приблизительно 2 кв. аршина*»; «*Товарищи девочки, товарищи мальчики! / Требуйте у мамы эти мячики*» и мн. др.

Таким образом, советская реальность первой трети двадцатого века, с одной стороны, поощряла рекламную деятельность, с другой стороны – создавала эталонные образы советских потребителей и укрепляла позиции стереотипизированной картины мира.

Литература

1. Маяковский В.В. / Агитация и реклама // Маяковский В.В. Собр. соч. в 12 т. – Т. XII. – С. 183–184.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФОТОГРАФИИ

Потапенко Г. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
gapo@list.ru

В современной информационной среде изображение получает всё большее значение. Изображения, в первую очередь фотографии, воспроизводятся печатными и онлайн-СМИ. Фотографии и видео, а также анимированные GIF-файлы, инфографика транслируются всеми каналами коммуникаций (за исключением радио): онлайн-изданиями, социальными сетями, платформами видеохостинга. Телевидение, по сути, является средством воспроизведения изображений.

В современном мире роль фотографии важна и незаменима, имеет тенденцию к развитию – вместе со стремительным развитием технологий, в первую очередь цифровых. При жизни всего одного поколения людей, менее чем за полвека, фотография трансформировалась из средства фиксации наиболее важных событий, как в жизни отдельно взятого человека, так и всего общества, в простейший способ получить изображение любого момента повседневности, а также продемонстрировать это изображение неограниченному количеству людей.

Из элитарного и очень дорогостоящего процесса фотография стала доступна практически любому человеку. Фотокамера приобрела миниатюрные размеры и интегрирована в корпус мобильного телефона. Процесс съёмки, изготовления и передачи снимка сократился от нескольких дней, часов до нескольких секунд. Интернет, электронная почта, структура социальных сетей с системой перепостов публикаций, рубрики типа «Мобильный репортёр» на телеканалах и в онлайн-изданиях – упростили передачу файла как отдельному адресату или группе адресатов, так и неограниченному числу пользователей.

Далеко не каждый человек без специальной подготовки сможет написать репортаж, не все из журналистов обладают навыками проведения журналистского расследования или написания очерков, но любой человек, не обладая какими-то

специальными знаниями и опытом, может сделать снимок любого события и мгновенно опубликовать его, сделать доступным практически для всего мира.

Значительная часть населения планеты имеет аккаунты (личные страницы) в социальных сетях, и на опубликованных там фотографиях можно увидеть не только род занятий определённого человека, но и его круг общения, а также события, в которых он принимает участие.

Вместе с тем, огромное количество людей, делающих снимки без специальной подготовки, понятий о композиции, выразительных средствах и роли деталей в достижении информативности изображения, производят гигантские объёмы изобразительного контента, условно определяемого как «любительская фотография» или «любительское видео».

Большое число развлекательных и информационно-развлекательных интернет-порталов, TV-каналов и даже серьёзных новостийных и аналитических изданий конкурируют за внимание потребителя новостей, поэтому среди прочих требований к контенту на первый план вышла оперативность и лишь затем следуют другие качественные характеристики. Перечисленные обстоятельства породили феномен: значительный объём изображений в информационном пространстве сделан любителями или средствами, не предназначенными для воспроизведения в СМИ: камерами наблюдения, видеорегистраторами в автомобилях. Существенной коррозии подверглись жанровые факторы, особенно это утверждение применимо к фоторепортажу, фотозарисовке, фотоочерку. Роль текста нередко снижается до вспомогательной: обозначение места события, перечисление имён и должностей участников, оценка происходящего и ряд других пояснений.

Резюмируя, можно утверждать: развитие средств массовой информации и в целом процессов информирования общества немислимо без фотографии. Развитие фотографии в современных условиях многовекторно и многозначно – от деградации до преобладания над текстом, этот процесс напрямую связан с дальнейшим развитием цифровых технологий.

РЕКЛАМА ИЛИ ИНФОРМАЦИЯ: ВОПРОС КВАЛИФИКАЦИИ

Пради́д О. Ю.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
pradid.lady@mail.ru

Современные условия способствуют усовершенствованию методов и средств целевых коммуникаций, в частности рекламы. Однако необходимо рассмотреть и уточнить некоторые нюансы: всегда ли информацию можно считать рекламой?

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон о рекламе), «реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке».

Следует отметить, что, в соответствии с п. 15 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.12.1998 г. № 37, наличие или отсутствие в информации признаков рекламы должно определяться в каждом конкретном случае с учетом обстоятельств (например, согласно п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 г. № 58, не следует рассматривать в качестве рекламы размещение наименования (коммерческого обозначения) организации в месте ее нахождения и т. д.).

Одним из наиболее распространенных и действенных для производителя/продавца является видеореклама, которая становится доступной потребителю посредством размещения в сети Интернет, что позволяет снизить затраты и охватить большую аудиторию.

Вместе с тем, стоит отметить, что и Закон о рекламе, и другие правовые источники ставят товары и услуги, предполагающие получение прибыли, в один ряд,

т. е. в одинаковые условия относительно разрешений, ограничений и запретов, закрепленных законодательством.

Если реклама товаров существует и практикуется наиболее широко и имеет давние корни, то о некоторых услугах в сфере юриспруденции по тем или иным причинам (зачастую традиционно) не принято информировать определенным образом – в форме видеоролика. Но формы и методы информирования о деятельности, а также самой работы некоторых институтов, как-то адвокатура, совершенствуются и изменяются.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что адвокатская деятельность не является предпринимательской и не преследует цели извлечения выгоды. Кроме того, ни Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни Кодекс профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) не только не содержат прямого запрета на рекламу деятельности адвоката, но и не предусматривают такого понятия как реклама адвоката и адвокатской деятельности, т. к. данный вид деятельности имеет публично-правовой характер, что и отличает ее от деятельности предпринимательской, которая согласно Гражданскому кодексу РФ не только предполагает самостоятельность, осуществление на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли, но и регистрацию в установленном законом порядке в качестве субъекта предпринимательства.

Следует также сказать, что утверждение профессора Прохорова Е. П. относительно того, что «этические нормы действуют не столь строго, как законодательные, не только потому, что не подкреплены угрозой судебного или/и административного преследования» (прим. авт.: см. подробнее: Правовые и этические нормы в журналистике / Составитель Е. П. Прохоров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 255 с.) касаются исключительно сферы журналистики, т. к. нарушение адвокатом (или другими специалистами в сфере правовой деятельности, в рамках которой действует этический кодекс) предписаний КПЭА имеют более тяжелые последствия для нарушителя.

При этом Закон о рекламе не распространяется на объявления физических или юридических лиц, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности (п. п. 6 п. 2 Закона о рекламе). А КПЭА приводит перечень разрешенных для оглашения сведений об адвокате и его деятельности, признаваемых адвокатским сообществом как дозволенные, хотя при этом не регламентируя форму подачи и распространения подобной информации, что, несомненно, усложняет ситуацию и требует дополнительного рассмотрения и уточнения с последующим закреплением на законодательном уровне во избежание дальнейших споров.

К сожалению, в ставшем уже классикой методической литературы для будущих журналистов учебнике Рихтера А. Г. (прим. авт.: Правовые основы журналистики: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 352 с.) даже в главе, посвященной регулированию рекламы, не упоминается о нюансах, касающихся вопросов ее наличия/отсутствия в отдельных отраслях деятельности самих юристов.

Следовательно, зачастую очевидный для лингвиста, журналиста, специалиста по рекламе или обывателя факт наличия признаков рекламы в сообщениях: содержание, форма, методы и т. д. – при рассмотрении и изучении вопроса на более глубоком уровне, а также в реальной ситуации юридического конфликта является информацией вне рекламы, регламентированной иными законами и подзаконными нормативно-правовыми актами.

РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КРЫМСКИХ СМИ: ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рындыч А. В.

(науч. рук. к.ф.н., доц. Субботина О. А.)

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
ryndych10@mail.ru**

В современных журналистских текстах установленные нормы современного русского литературного языка подвергаются разнообразным трансформациям.

В частности, это обусловлено процессами демократизации СМИ, освобождением от цензуры. Кроме того, существует ряд специфических особенностей, который определяет средства массовой информации как доминирующий элемент в системе формирования речевых стратегий носителей языка. Среди них: невозможность остановить информационный поток, переосмыслить прочитанное или сказанное в короткие сроки.

Экспансия ненормированной русской лексики, которая наблюдалась в годы перестройки и отмечается до сих пор, расшатывает сложившуюся систему литературных норм.

В связи с тем, что СМИ имеют широкую сферу распространения, отступления от литературной нормы, допускающиеся журналистами в публицистических текстах, с течением времени закрепляются в речи носителей языка.

В ходе исследования мы обращаем особое внимание на то, что разговорный стиль речи – разновидность русского литературного языка, отличающаяся некоторыми специфическими особенностями. Такими, например, являются неподготовленность, ассоциированность и непосредственный контакт между коммуникантами (как правило, в форме диалога). Кроме того, мы пришли к следующему выводу: употребление разговорных элементов в журналистских материалах – один из способов усиления экспрессивности текста и привлечения к нему внимания целевой аудитории.

В процессе работы нами были проанализированы тексты крымских печатных СМИ и информагентств. В представленных примерах чаще всего используются разговорные элементы, имеющие ярко выраженную оценочную семантику: положительную и отрицательную. Например:

1. «Под арками Крымского моста опоры – высоченные!» (Крымская правда, 16.03.2019 г.). Согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, использованный автором разговорный элемент употреблен в значении «очень высокие». Из контекста становится понятно, что этот разговорный элемент привносит в текст одобрительную оценку, положительное значение.

2. «В Кремле назвали «беспределом» блокировку российских фур на Украине» (3652, 15.02.2016). Использованное автором разговорное слово «беспредел» выражает явное недовольство и придает речи негативный смысл. Согласно толковому словарю, эта языковая единица означает «крайнюю степень беззакония, беспорядка».

Употребление разговорных элементов обусловлено заинтересованностью СМИ в увеличении читательской аудитории. Как следствие, средства массовой информации стремятся к упрощению речи.

Таким образом, одна из наиболее важных функций, выполняемых разговорными элементами в текстах СМИ, – экспрессивная, усиливающая положительные/отрицательные оттенки значения. Зачастую данная цель достигается представителями СМИ путем нарушения стилистического единообразия текста. Разговорные единицы размывают строгие стилистические границы, но не нарушают литературную норму. Однако общие тенденции развития современных СМИ демонстрируют значительное снижение уровня языковой культуры.

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ В СМИ УКРАИНЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ

Трофимов А. Ю.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация**

Подготовка материала на темы, так или иначе связанные с деятельностью тоталитарных религиозных культов и сект, требует от журналиста применения особого алгоритма действий. Прежде всего журналист должен максимально точно определить предмет своего изучения. Далее – оценить уже вышедшие в свет материалы на степень достоверности и объективности; изучить общественное мнение; документы как канал выражения общественного мнения; официальные источники информации. Особое внимание журналист должен обратить на качество и смысловую нагрузку фотоиллюстративного материала.

Подавляющее большинство печатных периодических изданий, специализирующихся на освещении тайн и загадок земной и внеземных цивилизаций, явлений и фактов, недоступных для объяснения современной наукой, занимается откровенной пропагандой оккультизма, магии, колдовства. Авторы материалов, опубликованных в эзотерических изданиях, зачастую откровенно глумятся над чувствами православных верующих, оскорбляют их святыни, пытаются внести межконфессиональную нетерпимость и пошатнуть основы веры. Государственный комитет информационной политики, телевидения и радиовещания Украины, регистрирующий национальные печатные СМИ, не осуществляет мониторинг за содержанием газет, специализирующихся на освещении тайн и загадок земной и внеземных цивилизаций, явлений и фактов, недоступных для объяснения современной наукой, оккультизме, магии, колдовстве, не анализирует публикации в них на предмет соответствия действующему законодательству в части недопущения развязывания межконфессиональной розни, пропаганды тоталитарных религиозных культов. Авторство многих материалов, опубликованных в эзотерических печатных средствах массовой информации, анонимное или вообще отсутствует, что не позволяет отождествить соответствие текста персоне автора. Характерно, что доля материалов авторов-читателей может в значительной степени превышать долю материалов, авторство которых приписывается редакцией сотрудникам того или иного печатного СМИ. Анализ публикаций в так называемых «специализированных» печатных СМИ показывает, что подавляющее большинство статей рассчитано на неподготовленного, малообразованного читателя, имеющего фрагментарные неупорядоченные знания о «мире непознанного». Предлагаемые читательской аудитории материалы зачастую представляют грубо искаженную, далекую от реальности картину мироздания, которую рисуют разного калибра «маги», «ясновидящие», «контактеры», «колдуны» имеющие, как ни странно, самоприсужденные титулы вплоть до званий «народных». Откровения и рекламные обещания псевдоцелителей, широко размещаемые на страницах проанализированных печатных СМИ, носят оккультный, мистический, демонический характер и направлены скорее на возбуждение у читателя, особенно из

числа подростков и молодежи, нездорового интереса и ажиотажа, нежели действительно на информирование читательской аудитории о чем-либо достойным интереса и внимания. Национальные СМИ способны сыграть ведущую роль в формировании общественного мнения, показе деструктивности и антиобщественности тоталитарных религиозных культов и сект, поиске путей установления межконфессионального спокойствия, религиозно-этнической толерантности. Добиться комплексного решения этой проблемы возможно лишь в случае активного и заинтересованного участия властных структур. Для организации широкой информационно-профилактической работы, направленной на недопущение экспансии тоталитарных религиозных культов, их влияния, посредством национальных средств массовой информации, на общественное сознание, необходимо безотлагательно реализовать план действий, в качестве неотъемлемых элементов включающий законодательный запрет и полное ограничение деятельности тоталитарных религиозных культов на территории Украины; разработать и принять Декларацию основных принципов работы журналистов в поликонфессиональных сообществах, обязательную для соблюдения всеми национальными средствами массовой информации; законодательно ограничить возможность открытой рекламы, пропаганды и популяризации в средствах массовой информации откровенно псевдонаучных, оккультно-мистических, йогически-ведических «чудес и открытий», откровений лидеров запрещенных тоталитарных религиозных культов; и др. мероприятия.

РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН: МАНИПУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ

Ушакова Д. Н.

(науч. рук. д.ф.н., проф. Пономаренко И. Н.)

**ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Российская Федерация
darya.ushakova-ofis@yandex.ru**

XXI век – век инноваций, век антипостоянства и коллабораций. Человек превращается в мультифункционал, и не только человек: всё окружение человека

становится мультифункциональным и межкультурным. Особенно это проявляется в медиапространстве. Коммерческие тексты, содержащие в себе различные концепты, намеки, отсылки, гендерно ориентированные маркеры, национальные идеи, направленные на привлечение внимания читателя, вызывают особый интерес у лингвистов. В данной статье рассматривается манипулятивный аспект рекламного слогана как вида медиатекста.

Современная реклама, особенно крупных брендов и корпораций, стремится поразить аудиторию потребителей, привлечь ее внимание, вызвать ответную реакцию. Эти приемы реализуются посредством речевых манипулятивных приемов. Наша цель – показать реализацию манипулятивных стратегий, вызвавших противоположную реакцию аудитории. В центре внимания находится коммерческая гендерно ориентированная реклама популярного бренда.

Известно, что реклама определяется как передача информации, преследующая цель ненасильственным способом продать товар или услугу. Современная реклама располагает достаточно широким арсеналом манипулятивных тактик, при выборе которых дизайнеры, копирайтеры и маркетологи опираются на социальные характеристики потенциальных покупателей в социально-культурном пространстве данной страны [1, с. 135]. Однако отбор лексических и семантических единиц не всегда бывает удачным.

Так, в феврале 2019 года представительство спортивного бренда Reebok в России запустило новую рекламную кампанию #НиВКакиеРамки. #НиВКакиеРамки – это российская адаптация международной кампании #BeMoreHuman. Рекламная кампания на территории нашей страны включала в себя, во-первых, фото активисток и спортсменок в довольно нескромных позах. Во-вторых, такие фото сопровождалась провокационным лозунгом «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо». В этом рекламном тексте открыто демонстрировалась тема физических отношений между мужчиной и женщиной, что полностью нарушило рекламную концепцию бренда.

Слоганы в английской версии призывали девушек не бояться собственной силы. Но в русской вызвали довольно широкий общественный резонанс: одни восхитились

смелостью Reebok, другие же были неприятно удивлены и призывали раз и навсегда попрощаться с этим брендом из-за неуважения к женщинам. Пользователи сети Интернет были возмущены дискриминацией и сексистскими мотивами в рекламе Reebok. После выхода этих постов в социальных сетях разразился скандал на почве ущемления прав женщин и неправильной трактовки феминизма PR-менеджерами Reebok. Сама компания принесла невнятные извинения, аргументировав эти рекламные слоганы возможностью дать выразиться девушкам, занимающимся мужскими видами спорта: боксом, борьбой и т.д.

Лексические единицы в данном слогане были подобраны с целью показать семантику уверенности женщин в себе, независимость, смелость, активность. Но адресаты увидели в слогане агрессию, доминантность и грубость. Из этого мы можем сделать вывод, что феминистские движения, которые популярны в Европе, и их текстовые реализации, еще не прижились в сознании русских женщин.

Таким образом, необходимо учитывать, что рекламный текст в современном российском медиапространстве должен вписываться в общую парадигму культуры страны и не нарушать этических норм. Формирование установки адресата – один из главных рычагов манипуляций в рекламе [2, с. 175-178]. Однако установка «пересечь с иглы мужского одобрения на мужское лицо» не воспринимается в российском обществе как что-то побуждающее к покупке спортивной одежды. Проанализированный в работе слоган демонстрирует неудачную реализацию манипулятивной стратегии в рекламе.

Литература

1. Водопьянова Н. А. Реклама как инструмент манипуляции сознанием / Н. А. Водопьянова // Успехи современного естествознания / гл. ред. М. Ю. Ледванов. – Вып. 10. – Пенза: Академия естествознания, 2007. – С. 137-140.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – Москва, 1997. – С. 175-178.

**7. ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСЫ КРЫМА.
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС**

**ФРАЗЕМЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА (НА
МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА)**

Аидинова Э. Д.

(науч. рук. д.ф.н., проф. Яценко Т. А.)

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
elmaz.aidinova@yandex.ru

Введение. В современной лингвистике вопросы, связанные с изучением фразеологии в творчестве определенного автора, обретают особую актуальность. Исследованию фразеологических единиц (*далее – ФЕ*) в художественном дискурсе В. М. Шукшина посвящены работы Ю. В. Архангельского, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Н. Н. Захаровой, Т. А. Яценко и др. исследователей. Фраземы, являясь источником когнитивно-прагматической энергии художественного текста, эксплицируют аксиологические установки и представления персонажей, что формирует их речевой облик, который, преломляясь сквозь призму авторского мировидения, отражает идиостиль писателя, то есть «комплексную систему композиционных приёмов и образно-речевых средств» [1, с. 58].

Цель исследования: выявление стилеобразующей функции фразем в художественных текстах В. М. Шукшина, коррелирующей с национально-культурной спецификой повествовательного пространства писателя. **Материалом** исследования послужила «малая проза» В. М. Шукшина [4]. Общий объем исследованных текстов – 305 страниц. **Методы исследования:** *наблюдение* за употреблением фразем на страницах рассказов В. М. Шукшина; *дискурсивный анализ*, *контекстологический анализ*, а также *лингвокультурологическое комментирование*.

Результаты и их обсуждение. Мировидение В. М. Шукшина, художника с особым типом лингвокреативного мышления, столь органично вписавшегося в атмосферу шестидесятых годов XX в., базируется на глубокой системе духовных воззрений, емко представленных во фразеологическом наследии малой прозы писателя. Фразеолофонд рассказов В. М. Шукшина неизмеримо богат разговорным пластом фразеологии, которая, с одной стороны, насыщает язык рассказов «живым и чутким словом» [3, с. 78] простого человека, а с другой, иллюстрирует определенное отношение повествователя к герою: одобрительное («*Я посмотрел на него и встретился с его веселым задумчивым взглядом (...). У меня отлегло от сердца*») (*Воскресная тоска*); неодобрительное («*Ты-то переживи теперь! Со стыда усохнешь*») (*Крепкий мужик*) (контаминация фразем *сохнуть от тоски (горя)* – «хиреть, становиться чахлым» [2, с. 305] и *сгорать со стыда*, то есть «испытывать сильное чувство стыда» [2, с. 307]); ироничное («*Митька жесток: наставит мужу рога, не задумается*») (*Сильные идут дальше*); фамильярное («*Только так и нужно сейчас - нести околесицу, чтоб уши вяли* [у девушек]») (*Хахаль*).

Важную роль в формировании образности и экспрессивности фразеологизмов в рассказах В. М. Шукшина играет прием «обыгрывания» фразем (чаще всего просторечных), достигаемый за счет метафоризации отдельных компонентов ФЕ и чаще всего способствующий созданию эффекта комизма, что углубляет психологическую характеристику персонажей. Так, например, герой рассказа «Крепкий мужик», совершив богохульный поступок (снес старинную церковь) и, как следствие, вобрав в себя элементы демонической сущности (эксплицировано фраземами *руки чесались (у дьявола)*, *грех-то какой взял на душу, дьявол зудил руки*), весьма интересным образом грозит соседям: *Я вам прижму хвосты-то!* *Прижать хвост* – «Прост. Экспрес. Строго ограничивать кого-либо в его действиях, подчиняя своей воле» [2, с. 244]. Помня, что *хвост* – это атрибут черта (ср.: *поймать чёрта за хвост*), наблюдаем прием «зеркального отражения»: наделение *других* качествами, присущими самому себе.

Неотъемлемым компонентом авторского идиостиля является использование известных паремий *Нет худа без добра, Не было бы счастья, да несчастье помогло*

(Осенью), индивидуально-авторских афоризмов и сентенций *Ты живи да радуйся, да других радуй* (Письмо), *Умеешь радоваться – радуйся, умеешь радовать – радуй* (Мастер), что в совокупности раскрывает концепцию «живой жизни» по В. М. Шукшину и приводит к выявлению смысловых горизонтов художественного текста.

Выводы. Анализ малой прозы В. М. Шукшина иллюстрирует, что стилеобразующая функция фразем в структуре целостного художественного текста заключается в органичном синтезе разговорных и просторечных ФЕ, паремий и афоризмов, что в совокупности отражает авторские интенции, организующие идиостиль писателя и, как следствие, формирует коммуникативную природу художественного текста.

Литература

1. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1983. – 225 с.
2. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1968. – 543 с.
3. Шукшин, В. М. Собрание сочинений : в 8т. / под общ. ред. О. Г. Левашовой. – Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения / под ред. Д. В. Марьина. – Барнаул, 2009. – 567 с.
4. Шукшин, В. М. Собрание сочинений : в 8т. / под общ. ред. О. Г. Левашовой. – Т. 2: Рассказы 60-70-х годов/ под ред. Д. В. Марьина. – Барнаул, 2009. – 567 с.
5. Яценко Т. А. Каузация в русском языковом сознании : монография / Т. А. Яценко. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2006. – 478 с.

РУССКАЯ МОЛЬЕРИАНА: ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЛЬЕРОВСКИХ СЮЖЕТОВ РУССКИМИ КОМЕДИОГРАФАМИ 1800 – 1830-Х ГОДОВ

Александрова И. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
iva-510@mail.ru

Цель исследования – выявление путей рецепции комедийных сюжетов Ж.-Б. Мольера русскими драматургами первой трети XIX века.

По наблюдению А. Н. Веселовского, «мольеризм» получил прописку в русском театре еще в XVIII веке [1]. И. Кропотковым, В. Тепловым, П. Свистуновым, И. Чаадаевым, И. Елагиным были переведены многие пьесы французского классика («Скупой», «Лекарь поневоле», «Мещанин во дворянстве», «Скапиновы обманы», «Мизантроп», «Амфитрион», «Жорж Данден», «Тартюф», «Школа мужей», «Школа жен»). Мольер стал «вдохновителем зарождающейся русской комедии» [1]. Мольеровскую школу прошли А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, В. В. Капнист.

Начало XIX века принесло новые принципы освоения мольеровского наследия. Первостепенной задачей стало создание комедии в национальных нравах, и мольеровские сюжеты оказались удобными для решения этой проблемы. Теперь переводы по большей части имеют характер переделок, освоение мольеровской комедийной модели осуществляется по принципу «склонения на наши нравы» («Сганарев, или Мнимый рогоносец» В. В. Капниста, «Любовная ссора» (1806) А. Бухарского, «Ханжеев, или Лицемер» (1809) А. М. Пушкина – перевод «Тартюфа»; «Мнимый больной» в переводе Д. Н. Баркова, «Мизантроп» Ф. Ф. Кокошкина (1815)).

Данная художественная стратегия стала фундаментом комедий А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808), «Чванство Транжирина, или Следствие полубарских затей» (1822), «Адвокат, или Любовь-живописец» (1820), «Любовь-лекарь, или Врачебное новодурье» (конец 1830-х годов). Подобный подход к освоению мольеровского сюжета ранее был опробован

И. А. Крыловым в комедии «Урок дочкам» (1806), адаптировавшей сюжет «Смешных жеманниц» к отражению актуальных проблем российской жизни начала XIX века. Контуры сюжета мольеровских «Ученых женщин» просматриваются в комедии М. Н. Загоскина «Вечеринка ученых» (1817). В его «Комедии против комедии» (1815), защищавшей от яростных нападок арзамасцев Шаховского, ощутим художественный опыт Мольера – автора полемических пьес «Критика “Школы жен”» и «Версальский экспромт».

Ориентация на мольеровского «Мизантропа» заметна в «Сплетнях» (1820) П. А. Катенина, «Липецких водах» (1815) А. А. Шаховского. В Альцесте можно увидеть литературного предшественника Чацкого, во всяком случае, пафос его гневных инвектив в адрес светского общества навеян, в том числе, и моделью поведения, закреплённой в образе Альцеста. Не менее привлекательной для русских драматургов оказалась и мольеровская трактовка Дон-Жуана – циничного аристократа, вольнодумца, скептика, рационалиста. Отголоски мольеровского истолкования этого образа ощущаются в характерах «злых умников» русских комедий первой трети XIX века: Ольгина из «Липецких вод» Шаховского, Зельского из «Сплетен» Катенина и др.

Проблемам российской действительности стал весьма созвучен мольеровский сюжет о «мещанине во дворянстве», особенно в свете обсуждения в обществе вопросов формирования в стране «третьего сословия». К началу XIX века в отечественной комедиографии сформировалась традиция изображения русских «мещан во дворянстве» («Дворянящийся купец» В. П. Колычева, «Купецкая компания» О. Чернявского, «Сиделец» П. А. Плавильщикова и др.). Линию осмеяния «новых дворян» продолжила сатирическая комедия 1800–1830-х годов: «Любовная почта» (1806), «Полубарские затеи» (1808), «Чванство Транжирина» (1822), «Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина» (1832) А. А. Шаховского; «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» (1817), «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе» (1820) М. Н. Загоскина. Если автор «Полубарских затей» не прибегает к прямому подражанию, а создает комедию по мотивам пьесы Мольера, то Загоскин в большей степени следует за оригиналом, заимствует его сюжетные ходы,

хотя и несколько изменяет трактовку мольеровского характера центрального героя. Создатели различных версий сюжета о «мещанине во дворянстве» развёртывают его в плоскости и социальной проблематики, и этической, и эстетической.

К 1820-м годам потребность в новых переводах-переделках из Мольера не иссякла (перевод «Мнимого рогоносца» (1825) А. Г. Рочевым, «Школы мужей» (1828) и «Скупого» С. Т. Аксаковым, «Фарисеев, или Лицемер» (1831) А. С. Норова – стихотворный перевод «Тартюфа»). Постепенно наметился отход от практики переложений пьес Мольера, литераторы сосредоточивают усилия на создании собственно переводов («Школа жен» (1820) и «Тартюф» (1828) Н. И. Хмельницкого).

Таким образом, освоение мольеровской традиции русскими драматургами шло двумя путями: 1) воспринималась сюжетная схема комедий великого француза («план» пьесы) и наполнялась «русским» содержанием, реалиями отечественной действительности (Ф. Ф. Кокошкин, М. Н. Загоскин, А. М. Пушкин, С. Т. Аксаков, А. Г. Ротчев, А. С. Норов); 2) авторы, проявляя бóльшую самостоятельность, шли по пути создания характеров современных героев, отражения социальных нравов эпохи «в духе» Мольера, творчески используя его мотивы, образы и приемы (И. А. Крылов, А. А. Шаховской, П. А. Катенин). Русские драматурги творчески осваивали мольеровские сюжетные ситуации, мотивы и персонажную систему, учились у Мольера органичному соединению веселой комедийной формы с серьезным социально-нравственным содержанием.

Литература

1. Веселовский А. Н. Мольер [Электронный ресурс] / А. Н. Веселовский. Режим доступа: http://az.lib.ru/w/weselowskij_aleksej_nikolaewich/text_0020.shtml. Дата обращения: 24.12.2018.

КОДИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Андрейченко О. И.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
oksana1_24.ua@mail.ru

В современной лингвистике, стремительно развивающейся в рамках антропоцентрической парадигмы, особое внимание уделяется национально-культурной специфике языковой коммуникации. Культура возникает благодаря способности человеческого разума добывать, хранить, обрабатывать и использовать информацию, создавая специальные знаковые средства кодирования и транслирования информации в социуме, самым важным из которых является язык. Таким образом, человек живет в созданной им информационной среде – мире знаков, являющихся кодами [1, с. 49–50]. Особую роль в процессе изучения национальной специфики кодирования информации играют фразеологические единицы (ФЕ), знаки вторичной семиотизации, «застывшие метафоры» [4, с. 69], возникающие на пересечении языка и культуры [3, с. 6]. В. В. Красных определяет коды культуры как «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает [2, с. 5]. Пространственный код связан с членением пространства и представлен, как правило, семантическими оппозициями свой/чужой, верх/низ, вертикаль/горизонталь, правый/левый, впереди/сзади, близко/далеко и др.

Цель статьи – определить универсальные и национально-специфические черты кодирования пространственной информации средствами фразеологии в русском и украинском языках.

Между кодами культуры нет и не может быть чётких границ [2, с. 7]. Так, например, соматический код наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека и структурирование окружающего мира, ср.: рус.: *рукой подать, под рукой, лицо к лицу, лицо в лицо, из-под самого носа,*

под самым носом, за плечами, вертеться под ногами; укр.: з-під рук, з-під носа, плечем до плеча, на плечах, лікоть у лікоть, під боком.

Значение ‘очень близко (подъезжать, приближаться и т. п.)’ в русском языке имеет ФЕ *на выстреле*. В украинском языке ФЕ *на відстані гарматного пострілу* фиксируем с противоположной семантикой – ‘достаточно далеко’. Словосочетания *на выстрел, на пушечный выстрел, на расстоянии пушечного выстрела*, по наблюдениям В. М. Мокиенко, еще в XIX веке могли восприниматься и в прямом, и в переносном значении, ведь традиция «выстрельного» измерения пространства была достаточно сильна. Чем больше, однако, отрывались слова и словосочетания «стрелецкого» дела от своей конкретной первичной основы, чем приблизительнее они обозначали пространство, тем решительнее переходили в разряд метафорических наименований [3, с. 69].

Дальнее расстояние, долгая дорога маркируется с помощью ФЕ с компонентом-локативом (географические названия, предметы пространства), ср.: рус.: *конца-краю не видно, на краю света / на край света; укр.: на краю світу, неблизький світ, у тридев'ятому (у якомусь) царстві не в нашому господарстві, за тридев'ять земель, за горами й дорогами, за горами, неблизька сторона; предметными локативами (конкретные предметы или субъекты): рус.: у чёрта на куличках (на рогах), куда ворон костей не занесет; укр.: у чорта на болоті (на куличках), у чорта (дідька) в зубах (на рогах), де козам роги правлять. Эти ФЕ имеют все признаки финитива, поскольку указано чёткое место, где заканчиваются пространственные границы. ФЕ рус. *куда Макар телят не гонял* / укр. *де Макар телят пасе* в обоих языках имеет значение ‘очень далеко, в самые отдаленные места (выслать, загнать, попасть и т. п.)’. По мнению исследователей, Макар – это нищий, безземельный крестьянин, вынужденный пасти своих телят на самых заброшенных и запустелых выгонах, а Макаровы телята – фикция, и в этом выражении заключён такой же скрытый юмор. Однако необходимо учитывать, что уже в рукописных сборниках XVIII в. эта ФЕ зафиксирована и без отрицания, например: *Пошёл к Макару телят пасти* [6, с. 193].*

Таким образом, фрагментарно рассмотрев ФЕ, репрезентирующие пространственный код культуры в русском и украинском языках, можем постулировать, что во фразеологических системах обеих культур обнаруживаются как универсальные, так и специфические черты, обусловленные своеобразием видения мира.

Литература

1. Кармин, А. С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы / А. С. Кармин // Вестник Российского философского общества. – 2005. – № 2 (34). – С. 49–62.
2. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / [отв. ред.] В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
3. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В. М. Мокиенко. – 3-е изд., перераб. – СПб. : «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 256 с.
4. Смолякова, Н. С. Семантическая оппозиция «далеко» – «близко» как способ организации пространства знания и памяти / Н. С. Смолякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 12 (30) : в 2-х ч. – Ч. II. – С. 185–187.

ПРОБЛЕМА АНЕКДОТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТЯХ

А. С. ПУШКИНА «ГРОБОВЩИК» И «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»

Асламазашвили Н. В.

(науч. рук. д. ф. н., проф. Александрова И. В.)

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
natashaaslamazashvili@mail.ru

Цель исследования – проанализировать проблему анекдотического героя в произведениях А. С. Пушкина «Гробовщик» и «Станционный смотритель» из цикла

«Повести Белкина». Реализация поставленной цели обусловила использование комплекса методов литературоведческого исследования: структурного, сравнительно-типологического, герменевтического.

В цикле А. С. Пушкин использует особый прием, который, по сути, отсылает к анекдоту, но не в прямом значении, а скорее к «скрытому» анекдоту. Так, автор включает в контекст повестей анекдот, развязка которого так и не раскрывается, что формирует некоторый подтекст, порицающийся цензурой пушкинского времени. Этот прием можно проиллюстрировать характеристикой Ивана Петровича Белкина, который отличался «стыдливостью истинно девической»: «...следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя...» [1].

Художественная сущность анекдота заключается не только в игре слов, но и в эффекте неожиданности финала, в диалогическом столкновении несоответствий, в игре противоречий, противопоставлений, несовместимостей.

Сюжет «Станционного смотрителя» строится как столкновение культурно-исторических типов поведения, разных систем мировосприятия – сентиментально-патриархальной (Вырин) и романтической (Минский). Это позволяет исследователям говорить об экспериментальном характере сюжета повести: «Включив традиционные конфликты в сферу обыденных жизненных отношений, Пушкин изнутри трансформирует жанр. Он не просто отменяет то, что утвердилось, а в гегелевском понимании «снимает» старые представления, ведет читателя от литературной заданности к правде жизни, подрывает веру в наивные и искусственные схемы уже отжившего свой век сентиментально-романтического сюжетосложения» [2, с. 244].

«Гробовщик» – нравоописательный очерк, в котором одновременно с жанровым становлением происходит разрушение читательских ожиданий. В нравоописательный очерк вторгается фантастический сон героя, который завершается радостным пробуждением и желанием выпить чаю с дочерьми. Притчевое и анекдотическое начала взаимодействуют в одном времени и пространстве: герой способен в следующем эпизоде притчи оказаться анекдотическим персонажем. Тем не менее, большинство исследований творчества Пушкина обходит тему комизма и анекдотичности его творчества. Но в то же время

современная поэту критика смогла понять характер пушкинского комизма и отметить эту особенность его произведений. Не случайно Пушкин определял «Повести Белкина» как «просто сказки и побасенки», в частности, «Гробовщик», в его понимании, – не повесть, а лишь анекдот, «Барышня-крестьянка» – фарс или французский водевиль.

Выводы. Сам Пушкин подчеркивал связь «Повестей Белкина» с анекдотическим материалом. Жанр анекдота в его творчестве художественно переосмысливается и трансформируется в полноценные повести, рассказы, новеллы. «Гробовщик», построенный на контрастах мрачного ремесла героя и его угрюмого характера, является, по определению самого Пушкина, «сказочкой», граничащей почти вплотную с анекдотом. Композиция «Станционного смотрителя» отходит от этой первоосновы остальных «Повестей Белкина», но финал (судьба Дуни) корреспондирует с парадоксальностью анекдотического пуанта.

Литература

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – 4-е изд. – Л. : Наука, 1978. – 322 с.
2. Райкова И. Н. Анекдот в творчестве Пушкина / И. Н. Райкова // Творчество А. С. Пушкина в контексте русской и мировой культуры: современное прочтение и изучение в вузе и школе. – М. : Издательство Московского университета, 2000. – 379 с.

**ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКА, СБОРА, АНАЛИЗА,
СИСТЕМАТИЗАЦИИ И РЕДАКТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СМИ:
ОТ МЕДИАСИТУАЦИИ ДО ЖУРНАЛИСТСКОГО
ТВОРЧЕСКОГО ПРОДУКТА**

Волокитин Д. Ю.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
dmitrijvolokitin@yandex.ru**

Цель и задачи нашего исследования – сформулировать универсальный алгоритм дифференциации обучающимися этапов создания журналистских творческих продуктов (ЖТП). Поскольку все медиапродукты – любого объема, независимо от жанров и видов СМИ (электронных или печатных), на наш взгляд, имеют в целом идентичную структуру.

Создание ЖТП – это, прежде всего, работа с конкретным информационным материалом. В связи с этим (в рамках студенческой практической журналистики) мы предлагаем использовать специальную упрощенную (рафинированную) методологию, в которой должно быть сконцентрировано только самое необходимое. С подобным подходом согласны и сами обучающиеся. Как показывает практика, на этапе овладения основами практического журналистского мастерства они требуют от преподавателей простых, понятных и эффективных инструментариев (рецептов) при сборе фактического материала для создания своих первых ЖТП, а это, в свою очередь, как минимум требует оптимизации научных подходов, упрощения методологий, внесения терминологической ясности.

Журналистский творческий продукт не возникает из хаоса сам по себе. Существует определенная последовательность его создания. Вначале журналист находит ситуацию, обладающую медиапотенциалом, т.е. величиной новостной мощи, определяющей степень, масштаб информационного повода. Без этого

медийность ситуации будет равна нулю и не представлять для аудитории никакой информационной ценности.

Когда ситуация определена, исходя из условий, которые она диктует, обучающиеся отбирают наиболее «горячие» факты. Из суммы этих фактов формируется информация – сырье для будущего материала (публикации). И только после ее обработки (анализ, систематизация, редактирование) появляется уже готовый медиапродукт, который и транслируется аудитории (читателям, зрителям, слушателю) через основные СМИ: печать, радио, телевидение, Интернет или их сочетания.

На основе суммы фактов строится любой журналистский творческий продукт. Причем независимо от объема, жанра и вида СМИ (электронного или печатного). Другими словами, ЖТП, по большому счету, отличаются друг от друга лишь объемом, то есть количеством используемых фактов. Отличие заключается только в том, что они по-разному организованы с учетом требований различных СМИ.

Если наши выводы верны, и из фактов, а значит, и информации как их суммы, состоят не только короткие новости, но и любой журналистский творческий продукт, то понятие «информационные жанры» [2], которое прочно закрепилось в теории отечественной журналистики, терминологически не верно, поскольку информация как таковая лежит в основе и тех жанров, которые принято относить к аналитическим и художественно-публицистическим. Гораздо правильнее, на наш взгляд, информационные жанры называть новостными, что и предлагают некоторые исследователи [цит. по: 1, с. 12].

Литература

1. Колесниченко, А. В. Настольная книга журналиста. Учебное пособие [Текст] / А. В. Колесниченко. – М.: Изд-во Аспект Пресс, 2013. – 400 с.
2. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: Учебное пособие [Текст] / А. А. Тертычный. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 320 с.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В КОМЕДИИ

А. Н. ОСТРОВСКОГО «ВОЛКИ И ОВЦЫ»

Выхтар Ю. В.

(науч. рук. д. ф. н., проф. Александра И. В.)

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
yulia.vykhtar@mail.ru

Цель работы – исследовать средства выражения позиции автора в комедии А. Н. Островского «Волки и овцы».

Материалом исследования послужила пьеса А. Н. Островского «Волки и овцы».

В данной работе используется культурно-исторический метод, позволяющий рассматривать пьесу «Волки и овцы» как текст, принадлежащий определенной исторической эпохе, а также структурный метод, обеспечивающий анализ пьесы А. Н. Островского как системы взаимосвязанных структурных элементов, подчиненных воплощению позиции автора.

Литературоведы относят категорию автора в художественном тексте к одной из самых важных. Мы опираемся на идеи М. М. Бахтина, его определение «автор-создатель». По мнению М. М. Бахтина, «автор – центральное понятие, начальным моментом которого является философская мысль о переживании человеком своих ощущений «изнутри» [1, с. 176].

Драматические произведения учёные определяют как тексты, в которых наиболее сложно определить позицию автора. Драма, как писал Л. И. Тимофеев, наиболее приближена к эпосу. «С чисто литературного взгляда драма, собственно говоря, и есть эпическое произведение – роман, повесть, – в котором есть только одна своеобразная особенность: драма лишена речи повествователя» [2, с. 376]. Чтобы донести до читателя свою мысль, драматург прибегает к помощи различных средств: ремарок, имен собственных, заглавия и монологам и диалогам героев. Также значительное место в понимании текста и авторской мысли занимают система персонажей и композиция произведения.

В заглавии пьесы «Волки и овцы» драматург иносказательно очерчивает свой замысел с помощью антитезы, которая позднее обыгрывается в тексте.

Большое количество имён собственных – говорящие, с помощью которых автор предсказывает модели поведения персонажей и выражает свое отношение к каждому из них.

Ремарки служат ещё одним элементом для осуществления замысла писателя, помогая читателю правильно и точно представить героев, действия, эмоции и окружающий их мир. Ремарочные замечания уточняют отношение автора к героям и их поступкам.

С помощью композиции А. Н. Островский выстраивает порядок действия, составляя сложную, многоуровневую цепь событий, которая, развиваясь, в полной мере раскрывает характер каждого персонажа и приводит к соответствующему финалу.

Но главным способом выражения позиции автора в комедии «Волки и овцы» является речь героев. С помощью монологов и диалогов автор выражает свою точку зрения. Значимым для понимания пьесы является последний монолог Чугунова, в котором звучит главная идея произведения: все члены общества делятся на людей-овец и людей-хищников, но по различным причинам каждый может перейти из одной категории в другую.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 9 – 191.
2. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. – М. : Просвещение, 1976. – 449 с.

КРИМ У ДРАМІ І. КАРПЕНКА-КАРОГО «ЖИТЕЙСЬКЕ МОРЕ»

Гладкая И. С.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
loshadka@mail.ru

Крим як полісемантичний топічний образ усе частіше сьогодні стає предметом дослідження в літературознавстві. Інтерес становить зображення півострова в різні культурно-історичні епохи та в різних національних літературах. Серед українських письменників другої половини ХІХ – початку ХХ століття, що зверталися до образу Криму, був драматург Іван Карпенко-Карий (Іван Карпович Тобілевич). Про зв'язок Івана Карпенка-Карого із Кримом уже писали В. І. Гуменюк, П. М. Киричок і М. С. Киричок, С. О. Кочерга [1; 3; 4] та ін., однак у їх працях переважно йшлося про кримські сторінки творчої біографії драматурга, вистави «театру корифеїв» на півострові. Що ж до Криму як місця дії в окремих творах Івана Карпенка-Карого самостійної розвідки поки не існує.

Мета цієї роботи полягає в дослідженні змісту і функцій образу Криму в останньому драматичному творі автора – «Житейське море».

У Криму, на дачі Марусі Барильченко, відбувається перша дія твору й відповідно асоціюється з нею, із сімейним затишком, чистотою, повною чашею, раєм на землі. На протигагу кримському блаженному спокою постає «житейське море» з нещирістю, зрадою й ницістю, у які поринає головний герой твору – Марусин чоловік Іван Барильченко в акторському середовищі у великому місті.

Врешті для Івана Барильченка Крим стає загубленим раєм, та й для Марусі перестає бути сімейним гніздом, перетворюючись на засіб «зادля забезпечення дітей».

Свою двоїсту природу Крим виявляє в різних своїх характеристиках. Так, з одного боку, Крим – благодатний курорт (хоч і «не Рів'єра», за словами розпещеної Наташі Барильченко), що збирає поруч родичів, зокрема старшого із синів Барильченків – Карпа, що вперше дозволив собі відірватися від господарства на

пораду лікарів. З іншого – морський курорт не панацея, а його цілющі властивості характеризуються Карпом промовистим фразеологізмом «як бабі кадило».

Як східний край Крим асоціюється із жорстоким козацько-турецьким воєнним протистоянням при згадці Іваном Барильченком свого козацького коріння. З іншого боку, східна тематика розкривається завдяки слугі Махметці, який, незважаючи на стереотипну характеристику золотолубця, виявляється вірним помічником і заступником для Марусі.

Таким чином, у «Житейському» відбилися різні традиційні уявлення про Крим як про райське місце, курортний край, позначений східним колоритом, кожне з яких виявляє свою амбівалентність.

У подальшому перспективним вважаємо розкриття того, як у п'єсі образ Криму корелює з образом моря, що поруч із означенням «житейське» стає наскрізним у творі.

Література

1. Гуменюк, В. І. Кримські мотиви в новій українській літературі (XIX ст.) / В. І. Гуменюк. – Сімферополь : Таврія, 2006. – 320 с.
2. Карпенко-Карий, І. Твори: в 3 т. / Іван Карпенко-Карий. – К. : Дніпро, 1985. – Т. 3. – 351 с.
3. Киричок, П. Крим и українська театральна культура : посіб. / П. Киричок, М. Киричок. – Сімферополь : Атлас-Компакт, 2005. – 128 с.
4. Кочерга, С. О. Південний берег Криму в житті і творчості українських письменників XIX ст. [Електронний ресурс] / С. О. Кочерга ; Кримський державний гуманітарний державний інститут. – Ялта, 2001. – Режим доступу : <http://www.vesna.org.ua/txt/kochergas/metod.html>

«НОН-ФИКШН КАК ЖАНР СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ХЭ ЦЗЯНЬМИНА «СЛЁЗЫ – ЗОЛОТО»

Гришакова А. А.

(науч. рук. к.ф.наук Чemezова Е. Р.)

Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте
Ялта, Российская Федерация
gnastia1@mail.ru, chemezova4@gmail.com

История китайской литературы насчитывает тысячелетия. Конец XIX – начало XX вв. следует рассматривать, как важный этап в становлении современной литературе Поднебесной страны. В это время китайские писатели переходят от просвещения к более прогрессивной и реалистической оценке действительности [1, с. 4].

XXI век стал знаменательным для современной китайской литературы. Уроженец Ганочжоу первым в произведениях описал действительность и открыл новый путь китайской литературе.

Жанр литературы «нон-фикшн» основан на фактах о реальных героях и событиях. С английского языка термин переводится как non – «не» и fiction – «вымысел», то есть «невмысел», и соединяет произведения, в которых отсутствуют придуманные истории и герои. Появление литературного жанра связывают с 1965 годом, когда в свет вышел роман Трумана Капоте «Хладнокровное убийство» [2, с. 1].

Данное понятие также известно в современной китайской литературе и называется «баогао вэньсюэ» (报告文学).

Целью данного исследования является охарактеризовать жанр «нон-фикшн» в современной китайской литературе на материале романа Хэ Цзяньмина «Слёзы – золото».

Материалом исследования является роман Хэ Цзяньмина «Слёзы – золото».

Методы исследования. Теоретико-методологическую основу работы составляют труды исследователей, посвящённые изучению понятия «нон-фикшн» в области

литературоведения (Г. М. Казаковой), творчества Хэ Цзяньмина (Е. А. Завидовской) и китайской очерковой литературы баогао вэньсюэ (Н. К. Хузиятовой и М. Е. Паниной).

В китайском литературоведении понятие «литература» шире, чем в русском. В китайском языке существует термин «баогао вэньсюэ», состоящий из двух основ: «баогао» (报告) – доклад, сообщение и «вэньсюэ» (文学) – литература [3, с. 2]. Этот термин может переводиться как «очерковая литература» и «документальная проза».

Китайские литературоведы считают предшественником баогао вэньсюэ очерк-травелог, появившийся в конце XVIII века в Европе, Америке, России [4, с. 61], а появление публицистики данного жанра связывают с именем китайского реформатора Лян Цичао.

Автор, пишущий в жанре документальной прозы, должен хорошо владеть материалом по своей теме, подробно знать её историю и фактологию. Писатель занимается поиском различных источников: свидетели или участники какого-либо события, чтобы собрать правдивый и интересный материал.

Хэ Цзяньмин является одним из известных авторов в Китае, пишущих в жанре очерковой литературы. В основе его романа «Слёзы – золото» лежат реальные сюжеты и герои, а также затрагиваются вопросы образования в КНР.

Хэ Цзяньмин брал интервью у остро нуждающихся студентов из разных районов страны, проводил письменные опросы и изучал, как сложилась их жизнь до и после поступления в университет, анализировал жизненную позицию малоимущих семей.

Документальная проза среди китайских читателей остаётся популярным жанром литературы, в котором затрагиваются актуальные проблемы жизни общества, и является быстрым способом получения информации.

Литература

1. Лемешко, Ю. Г. Современная литература Китая: Учебное пособие [Электронный ресурс] / Ю. Г. Лемешко. 2012. – Режим доступа : <http://www.abirus.ru/user/files/Ebooks/sovokitlit.pdf>

2. Казакова, Г. М. Нон-фикшн в современной книжной культуре [Электронный ресурс] / Г. М. Казакова. 2016. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/non-fikshn-v-sovremennoy-knizhnoy-kulture>
3. Хузиятова, Н. К. Китайская очерковая литература баогао вэньсюэ: в пространстве между художественным и публицистическим [Электронный ресурс] / Н. К. Хузиятова. 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kitayskaya-ocherkovaya-literatura-baogao-vensyue-v-prostranstve-mezhdu-hudozhestvennym-i-publitsisticheskim-ma-fulin-rossiya-chnoe-i>
4. Панина, М. Е. Образ России и русских в современном китайской публицистике (на материале писательских путевых очерков) [Электронный ресурс] / М. Е. Панина. 2017. – Режим доступа: https://disser.spbu.ru/files/phd_spsu/panina-m-e_disser.pdf
5. Цзяньмин, Хэ. «Слёзы – золото» / Хэ Цзяньмин; пер. с кит А. Н. Коробовой, М. М. Ишкова. – М. : ИВЛ, 2014. – 437 с.

ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ

И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Грищенко А. С.

(науч. рук. д.ф.н., проф. Александрова И. В.)

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
anastasiagrishchenko1999@gmail.com**

Художественное пространство является одной из составляющих категории хронотопа, пронизывающей все произведения художественной литературы. По определению А. Б. Темирболат, «художественное пространство – это отраженное и преобразованное пространство действительности, имеющее эстетический смысл и содержание, важнейший компонент художественного мира, в пределах которого размещаются персонажи, совершается действие, развиваются изображаемые писателем события» [5, с. 118]. Данное представление положено в основу нашего исследования.

Ю. М. Лотманом, А. Б. Темирболат, А. Б. Есиным, Л. Г. Бабенко, С. В. Кашириной, Н. А. Николиной и др. были выделены и изучены различные параметры художественного пространства: свойства [2, с. 180–182], модели [5, с. 15], уровни [5], степени охвата действительности [5], а также группы языковых средств, выражающие пространственные отношения в тексте [4].

Цель работы состоит в выявлении способов воплощения художественного пространства в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история», которые определяют специфику его пространственной организации.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: культурно-исторический, историко-типологический, метод целостного анализа художественного текста.

В ходе исследования установлено, что сюжет романа разворачивается в многочисленных топосах, которые объединены основной пространственной оппозицией «Петербург – деревня Грачи», воплощающей антитезу двух укладов русской жизни: нового, буржуазного и старого, патриархального.

В поэтическом пространстве романа представлены конкретные, горизонтальные пространства, как открытые (природа, окружающая имение Адуевых, дача Любецких, Лизы), так и закрытые (квартиры Александра и Петра Иваныча Адуевых, Юлии Тафаевой, усадьба Адуевых и др.). Пространство состоит из трех различных моделей: реальной, онейрической, воображаемой. Преобладает реальная модель пространства, для которой характерно то, что все предметы имеют привычные очертания и физические характеристики (многочисленные пространства Петербурга и провинции). Онейрическая и воображаемая модели выделяются лишь во сне Анны Павловны, повестях Александра, мечтаниях его и Юлии Тафаевой.

Пространства характеризуются низкой насыщенностью деталями, которая проявляется в отсутствии подробных описаний интерьера помещений, отдельных предметов убранства комнат. И. А. Гончаров создает пространства, которые можно назвать универсальными, они никак не отражают особенности характера, интересы героев, живущих в них. Это подчеркивает тривиальность, «обыкновенность» рассказанной автором истории и коррелирует с заглавием.

Пространство романа является обширным по охвату действительности, так как политолично, включает два типа местности (деревню и Петербург), соединенных мотивом дороги. Наблюдается постепенное расширение пространства: от усадьбы Грачи к Петербургу и его окрестностям.

Литература

1. Гончаров И. А. Обыкновенная история / И. А. Гончаров. – М. : Издательство АСТ, 2017. – 381 с.
2. Каширина С. В. Роль художественного пространства в постижении литературного текста [Электронный ресурс] / С. В. Каширина // Вестник ОГУ. – 2006. – № 9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-hudozhestvennogo-prostranstva-v-postizhenii-literaturnogo-teksta> (дата обращения: 05.02.2019).
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве / Ю. М. Лотман – СПб. : Искусство, 1998. – С. 14–285.
4. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. / Н. А. Николина. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
5. Темирболат А. Б. Проблема хронотопа в современной прозе: учебное пособие / А. Б. Темирболат. – Алматы : Атамура, 2003. – 199 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНФИНИТИВА В КАЧЕСТВЕ ДОПОЛНЕНИЯ: ПРОЕКЦИЯ НА ИДИОСТИЛЬ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Грозьян Н. Ф.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
Симферополь, Российская Федерация
n.f.grozyan@mail.ru

Несмотря на потерю инфинитивом значения предметного слова и получения осязаемых признаков и функций глагола, то есть наполнения старой формы новым содержанием, инфинитив продолжает выполнять изначальную для него роль дополнения, в частности инфинитивного дополнения, что означает действие как объект, на который направлено другое действие [1].

Цель исследования – проанализировать функционирование инфинитива в качестве дополнения.

В качестве дополнения может функционировать объектный и субъектный инфинитив. Объектный инфинитив, действие которого совпадает с действием спрягаемой формы глагола, употребляется с глаголами таких семантических групп: 1) для обозначения приказа, например.: *А тих усіх, три тисячі під Дубно, Ярема-князь добути наказав* (Т. Шевченко); 2) совета, пожелания, просьбы, приглашения, уговоров, например: *Чи бачиш, он огонь горить, А пан лежить собі, читає І просить пити* (Т. Шевченко) и др.

Выполнять функцию инфинитивного дополнения могут и субъектные инфинитивы, сочетающиеся с глаголами определенных семантических групп, для которых характерна смысловая полнота, и, в отличие от вспомогательных фазовых или модальных глаголов, они не нуждаются в дополнении своей семантики предикативным распространителем. Обычно дополнениями являются инфинитивы при самостоятельных спрягаемых глаголах со значением договоренности, намерения выполнить действие, эмоций и чувств, мышления и т.д., например: *Запанував та й думає шляхту приборкати трошки ... не зумів* (Т. Шевченко); для сравнения: *Запанував та й думає, що шляхту приборкає трошки ... не зумів*. Сочетаясь с модальными глаголами для обозначения субъективно-эмоциональной оценки типа *любити, полюблювати, ненавидіти, боятися, надіятися, соромитися* и со значением волеизъявления *мріяти, бажати, жадати, готуватися*, инфинитив выполняет двойную функцию: обозначает действие субъекта и объект действия, выраженного спрягаемой глагольной формой, например: *Чи не бажаєте відпочити з дороги, а я тимчасом навідаюсь до Д[егтярів]: я ж там домовий лікар* (Т. Шевченко).

Согласны с мнением Л.В. Шитик, что промежуточное расположение инфинитива в зоне переходности мотивировано его функционированием в качестве синкретического члена предложения с предикативно-объектным значением при самостоятельных глаголах с модальной семантикой, если они расположены не непосредственно с инфинитивом [2, с. 68], например: *Не бажав би й собі мати кращих дітей, як ваші діти* (Т. Шевченко).

Таким образом, инфинитив в функции дополнения употребляется с глаголами, значение которых – передавать волю, влияние одних лиц на других (объектный инфинитив). Дополнительная функция субъектного инфинитива зависит от лексико-семантической достаточности сказуемого и значения самого инфинитива. Субъектные инфинитивы представлены как части составного глагольного сказуемого или как дополнение, то есть функционируют в качестве синкретического члена предложения с предикативно-объектным значением. В произведениях Тараса Шевченко функцию дополнения выполняет как объектный, так и субъектный инфинитив, причем более продуктивным является первый тип.

Литература

1. Грозьян Н.Ф. Підходи до визначення «член речення» у мовознавстві: аналітичний огляд / Н.Ф. Грозьян // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия «Филология. История». – 2017. – № 1–2. – С. 10–15.
2. Шитик Л.В. Синхронна перехідність синтаксичних одиниць в українській літературній мові: монографія / Л.В. Шитик; відп. ред. К.Г. Городенська. – Черкаси: Видавець Чабаненко Ю.А., 2014. – 474 с.

КРИМСЬКІ І ПРИЧОРНОМОРСЬКІ МОТИВИ В ПОЕЗІЇ

ЯКОВА ЩОГОЛЕВА

Гуменюк В. І.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация**

Яків Щоголев (1823–1898) належить до тих українських письменників ХІХ ст., у творчості яких доволі виразні кримські й причорноморські мотиви. Однак ця сторінка творчості автора ще мало дослідження. Мета запропонованої публікації – окреслити роль творів відповідної тематики в творчій спадщині поета, в з'ясуванні особливостей його художнього світу.

Інтонаційне звучання лірики Я. Щоголева вирізняється безсумнівно своєрідністю. Його поетичний голос – тихий, лагідний, розважливо-сумовитий. Ще навчаючись у Харківській гімназії, опублікував свої ранні російськомовні твори в петербурзьких «Литературной газете» (вірш «Раздумье», 1840) та «Отечественных записках» (героїчна балада «Канари» – про морський похід проти турків захисників нової Еллади на чолі зі славетним ватажком, 1841). Уже в цих ранніх творах означились суттєві мотиви, характерні для пізнішої поезії автора, який розвиває традиції своїх найближчих попередників – харківських романтиків. Відтак у випусках альманаху Івана Бецького «Молодик» з'являються добірки віршів Я. Щоголева – російськомовні та україномовні (1843, 1844). У цих творах характерна для української романтичної поезії козацька героїка та чумацька одиссея поєднуються з не менш характерними журливими мотивами, в інтерпретації яких однак відчуваються не стільки наслідувальні, скільки неповторні авторські інтонації (лагідна елегійність, поєднана з розважливою медитативністю, мальовнича епічна панорамність, невіддільна від проникливого ліризму). Так само як у відповідних народних піснях і думах та в романтичній поезії, у таких віршах Я. Щоголева як «Чумацкие могилы», «Неволя», «Могила», постають образи степу, моря, Криму. Проте, що подібні мотиви та образи були не випадковими, не якоюсь там даниною моді, а виявились вельми органічними в поетичному світі автора, свідчить їх подальший розвиток у таких поезіях, як «Безталанний», «Дівчина», «Галя», «Хортиця», «В степу», «Дочумакувався», «Бабусина казка», «Воля» та ін.

У зв'язку з чиновницькими клопатами Я. Щоголев на певний час охолов до творчої праці, став настільки далеким від літературного життя, що навіть не знав про опублікування своїх віршів 1860 року в альманасі П. Куліша «Хата», дізнався про це цілком випадково лише 1864 року. Про те, як автор несподівано почув у гостях у виконанні своєї знайомої романс на власні слова, написав зі слів Я. Щоголева М. І. Петров у своїй праці «Очерки истории украинской литературы», згодом на цей промовистий факт звертають увагу М. Зеров [2, с. 298], П. Волинський [1, с. 6] та інші дослідники. Лише наприкінці життя Я. Щоголев знову зайнявся ретельною

літературною творчістю й видав дві збірки поезій – «Ворскло» (1883) та «Слобожанщина» (1898).

Я. Щоголев виявив чуйність до оновлення художньої мови, про що свідчить своєрідна актуалізація давніх реалій, поєднаних із реаліями сучасної поетові доби, виразність, хоч і ненав'язливість соціальних мотивів, увага до образної конкретики в пейзажах та портретах тощо. Немало творів поета («Чернець», «Ікона», «Престол», «Ангел смерті» та ін.) «сприяли розвиткові екзистенційного та релігійного струменів в українській літературі» [4, с. 345]. Він належить до тих письменників, у творчості яких означається передчуття новітніх мистецьких тенденцій: «Увагу до нього як до предтечі українського модернізму початку ХХ ст., як до «першого українського парнасівця», який протистояв утилітарно-народницькому розумінню завдань літератури та орієнтував на розвинений інтелігентський смак, літературознавство проявило лише в 20-х роках (праці М. Зерова, А. Шамрая, П. Филиповича, І. Айзенштока)» [4, с. 345–346]. Слід додати, що цей відзначений Анатолієм Погрібним аспект не розвивався в літературознавстві пізніших часів, і в його світлі творчість поета ще не проаналізована належним чином.

Відзначені дослідником екзистенційні мотиви розвиваються і в таких кримських поезіях Я. Щоголева як «На чужині» та «Ялта», написаних у 1883 році. У цих творах опоетизована розкішна кримська природа контрастує з тужливим настроєм поета, викликаним недугою його дочки, яку він привозив до Ялти на лікування. За два роки поет пережив страшну трагедію: смерть старших дітей – дочки Олександри і сина Василя. «Мальовнича природа Південнобережжя та екзотика нашого краю, – пише про вірш «Ялта» Світлана Кочерга, – немов просились у поетичні рядки... Якою ж побачив Ялту поет зі Слобожанщини? Справжнім «зеленим раєм». Впадає в око кримськотатарський колорит, який домінує в пейзажі Щоголева, що, мабуть, відповідало реаліям міста у 80-х роках ХІХ століття. Разом з тим вірш «Ялта» оповитий серпанком смутку... Вірш «Ялта» вперше був опублікований в газеті «Южный край» 1 червня 1884 року і увійшов до книги «Слобожанщина» [3]. Безмежне особисте горе, яке стає джерелом тужливої настроєвості в ялтинських віршах поета, проте не породжує почуття безвиході, не є самодостатнім, обертаючись

претекстом поетичного осягнення одвічних таємниць буття. В цьому сенсі Я. Щоголева можна назвати попередником Лесі Українки, у творах якої кримського циклу звучать схожі поетичні мотиви.

Література

1. Волинський П. Життя і творчість Я. І. Щоголева / Петро Волинський // Щоголев Я. Твори / Яків Щоголев. – К.: Держ. вид-во художньої літ., 1961. – 356 с. – С. 3–30.
2. Зеров М. «Непривітаний співець» (Я. Щоголев) // Зеров М. Твори: У 2 т. / Микола Зеров. – Т. 2: Історико-літературні та літературознавчі праці. – К.: Дніпро, 1990. – 602 с.
3. Кочерга Св. «...Буде чим землякам пом'янути мене»: До 100-річчя від дня смерті Якова Щоголева / Світлана Кочерга // Кримська світлиця. – 1998. – 5 червня. – С. 13.
4. Погрібний А. Щоголев Яків / Анатолій Погрібний // Українська література у портретах і довідках. – К.: Либідь, 2000. – 360 с. – С. 344–346.

ОСОБЛИВОСТІ ОБРАЗНОЇ І КОМПОЗИЦІЙНОЇ СТРУКТУРИ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ НАРОДНОЇ КАЗКИ «МУДРИЙ ЇЖАЧОК»

Гуменюк О. М.

Кримський інженерно-педагогічний університет
Сімферополь, Російська Федерація

Одним з найбільш давніх і досі популярних фольклорних жанрів є казка. Значний внесок у справу фіксації й наукового вивчення кримськотатарської народної казки зробили такі фольклористи як Керім Джаманакли [1], Сергій Коцюбинський [4], Умер Іпчі [7], Рефік Музафаров [3], Нуріє Емірсуїнова [6] та інші. Кримськотатарські казки, як і казки багатьох інших народів, зокрема й слов'янських, поділяються в основному на три цикли: казки про тварин, чарівні (фантастичні) та соціально-побутові. Попри безсумнівну слухність традиційного поділу казкового епосу на такі три основні жанрові різновиди при віднесення тієї чи іншої конкретної

кримськотатарської казки до одного з означених циклів не раз стикаємося з певними труднощами. Адже кримськотатарська казка за своїми жанрово-стильовими ознаками здебільшого багатогранна, поліфонічна. Скажімо, в казках про тварин часто діють люди й фігурують соціально-побутові реалії, персонажами чарівних казок не раз виступають тварини, які здебільшого є помічниками й порадиниками людей, хоч часом прилучаються до ворожого їм стану. Мета публікації – окреслити жанрово-стильову багатогранність кримськотатарської народної казки (на прикладі характерного з цього погляду фольклорного твору).

В казці «Мудрий їжачок» перед нами постає молодий вродливий султан. Можновладці виведені в казках переважно жорстокими, а цей – «добрий та мрійливий» – «...міг цілими днями, стоячи на кам'яному мурі свого палацу, дивитись на море, сподіваючись побачити протилежний берег» [2, с. 361]. І от ніби в унісон з його мріянням прибуває мандрівний співець і під звуки саза оспівує прекрасну царівну у високому кришталевому палаці на самісінькому краю протилежного берега. Апеляція до інших фольклорних жанрів, зокрема до пісні, – це ще одна ознака згаданої вище поетичної багатогранності, синкретичності кримськотатарської народної казки.

Тут у казковий сюжет влітається фантастичний елемент, характерний для чарівної казки. Палац, у якому живе принцеса, особливий, його кришталеві двері не відчиняються для того, хто з'явиться туди суходолом, слід неодмінно прибути морем та ще й не змочивши ніг. В казковій оповіді підкреслюється, що дія відбувається в дуже давні часи, коли ще не існувало ні човнів, ні кораблів, які могли б переплисти бентежне Чорне море. Відтак окреслюються основні фабульні перипетії твору, пов'язані з добиранням способу навпростець перетнути море, з винайденням плавучого засобу.

Казки про тварин мають чи не найдавніше походження і сягають своїм корінням тих часів, коли людська свідомість ще не втратила ототожнення з енергетикою природи, зокрема з анімалістично-тотемними уявленнями. Драматизм, навіть трагізм відірваності від природи далі відчувається людством, яке шукає способів гармонізації своїх стосунків з довкіллям. Одним із таких способів, очевидно,

можна вважати біоніку, що передбачає взорування на природні хитросплетіння в галузі техніки. Така як на часи виникнення казки футуристична філософія проймає образну структуру «Хитрого їжачка». У пошуках плавучого дива людина виявляється безсилою і змушена звернутися до досвіду тварин. Ніхто не може допомогти султанові, окрім юнака, що знає їхню мову.

Проте досвід тварин вимагає певного переосмислення, він ніяк не надається до негайного запозичення його людиною. До виходу зі скрути призводить начебто кумедне непорозуміння, розповідь про яке являє собою кульмінаційний момент казки: «Вже сонце почало хилитися до заходу, звірям та птахам саме час повертатися у свої барлоги та гнізда, а потрібного рішення вони так і не знайшли. Несподівано з лісу вибіг колючий їжачок... Їжак був застуджений, у нього боліли зуби і він шокроку з шумом видихав повітря та гучно кашляв: «Ках! Ках! Ках!» А хлопцеві вчувалось «Каз!Каз!Каз!», що мовою жителів тієї землі означало «Гуска! Гуска! Гуска!»... Усю ніч просидів хлопець над озером, усю ніч не зводив очей з гуски, котра дрімала на воді... А що, коли взяти дерев'яну колоду і змайструвати щось таке, що зовні буде схоже на гуску?» [2, с. 362–363]

Але описане непорозуміння тільки на перший погляд може здатися непорозуміння. Якби юнак, що знає мову тварин, цілісіньку ніч не провів у цілеспрямованих роздумах, то ніякий би їжачок зі своїм випадковим «Ках! Ках! Ках» йому б не допоміг. Так чи інакше, але ж таки у світі тварин був знайдений прообраз необхідного людям плавучого засобу. Тож казка порушує насамперед вічно актуальну тему необхідності гармонії у стосунках людини з природою, а що ця гармонія часом встановлюється у несподіваний спосіб, не знімає важливості означеної теми, лише надає їй розкриттю зворушливої дотепності, особливої художньої витонченості.

Однак цим не вичерпується мистецька привабливість казки. Після кульмінації (спосіб досягнення протилежного берега нарешті знайдено) дія стрімко наближається до логічної розв'язки. Коли величезна «білосніжна дерев'яна гуска з гордо піднятою головою зникла за обрієм», то вже, здається, можна не сумніватися в тому, що молодий султан щасливо зустрінеться на сходах кришталевого палацу з далекою

вродливицею і все закінчиться традиційним пишним весіллям. Однак цього разу це все не так важливо в порівнянні з тим, що люди навчилися долати морські простори. Тож фінал тут, можна сказати, лишається відкритим: «Ніхто не пам'ятає, чи повернувся султан з тієї подорожі. Можливо, прекрасна царівна не відпустила його від себе. Але з того давнього часу люди почали будувати човни,,» [2, с. 363–364]

Не забуто й про їжачка, що йому було свого часу поставлено золотий пам'ятник як наймудрішому зі звірів, бо ж хитрун нікому не сказав, що й гадки не мав про гуску, коли кашляв. Той пам'ятник врешті-решт розпиляли і вкрали злодії. Але це все цілковита мізерія в порівнянні з тим, що в цій мудрій дотепній казці найголовніше.

Отже «Мудрий їжачок» – це казка і про тварин, і про людей, а ще в ній присутні ненав'язливі елементи фантастики. Прикметно, що в образній структурі й композиції цієї казки, як і в багатьох інших кримськотатарських казках, важливу функцію виконує море, до того ж підкреслюється, що йдеться саме про Чорне море.

Література

1. Джаманакълы К. Къырымтатар халкъ масаллары / Тертип эткенлер К. Джаманкълы, А. Усеин. – Сімферопль: Кримнавчпеддержвидав, 2008. – 384 с.
2. Къырымтатар эдебияты кутюпханеси. Халкъ иджады : масаллар, эфсанелер, дестанлар – Бібліотека кримськотатарської літератури. Народна творчість : казки, легенди, епоси / Упорядники Сабріє Кандимова, Нузет Умеров. – Львів : Світ, 2012. – 640 с.
3. Музафаров Р. Очерки фольклора тюркоязычных народов: Автореферат дис... д. филол. н. / Рефик Музафаров. – Баку : Академия наук Азербайджанской ССР, 1967. – 28 с.
4. Сказки и легенды татар Крыма / Тексты записаны Фольклорной бригадой Алушкинского музея под руководством Я. П. Бирагая; Подготовка текста к печати и вступ. слово С. Д. Коцюбинского. – Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. – 352 с.
5. Усеинов Л. Б. Крымскотатарская сказка: происхождение и развитие. – Симферополь: ДиАйПи, 2006. – 186 с.

6. Эмирсуинова Н. К. История становления крымскотатарского сказковедения / Н. К. Эмирсуинова. Эл. ресурс: http://ilmiyqirim.blogpost.ru/2014/10/blog-post_15.html
7. Masallar / Tertip etken Umer Ipci. – Simferopol : Qrim ASSR devlet neşrijatı, 1936. – 120 b.

МОТИВ ВИНА В РОМАНЕ МО ЯНЯ «СТРАНА ВИНА»

Декань К. Ю.

(науч. рук. к.ф.н. Чемезова Е. Р.)

**Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», в г. Ялте
Ялта, Российская Федерация
kris1998@list.ru**

Целью исследования является анализ мотива вина в романе Мо Яня «Страна вина». Материал исследования – роман Мо Яня «Страна вина». Для достижения поставленной цели применялись системный метод исследования и метод литературной герменевтики при анализе мотива вина в китайской литературе и романе Мо Яня «Страна вина». Теоретико-методологическую основу работы составляют труды В. Алексеева, Б. Бахтина, А. Маслоу.

В быту Китая вино играет огромную роль, хотя такого разнообразия вин, как в Европе, Китай не знал никогда. Дело в том, что виноградное вино не привилось в Китае, а рисовое вино и «самогонка» из проса и гаоляна не дают такого разнообразия сортов, как виноградное [1]. В китайской литературе мотив вина – это освобождение человека от уз земли, потому что опьянение превращает его в сверхчеловека.

Философия Китая строится на сочетании двух начал – Инь и Ян. Отражение двух этих типов энергии китайцы находят в любых объектах. Так, культура винопития тоже имеет свои энергетические особенности – это начало Ян. Оно характеризуется живительной силой, как и вино, которое в умеренных дозах стимулирует процессы организма, разогревает человека и оживляет ум. Однако, согласно философии двух начал, они могут переходить друг в друга. Вино может стать «плохим», приобрести

иньское начало, если с ним переборщить. В Китае пьянство никогда не было в почете, и только поэтам оно сходило с рук. «Если не можешь пить, не пей. Если пьешь – не теряй рассудок. А если напился – спрячься, чтобы никто не видел твоего позора. Позор не в том, что ты пьешь, а в том, что не знаешь меры и не умеешь сохранить лицо» [2, с. 227].

«Вино – это солнечный свет, это воздух, это кровь. Вино – это музыка, живопись, поэзия, танец» [3, с. 179]. Весь роман – это ода вину во всевозможных его проявлениях. Тема вина рассмотрена с разных сторон: начиная от истории, рецепта приготовления и последствий употребления, заканчивая репрезентацией винопития в китайском фольклоре и религии. «Какое «вино и есть литература», какое «человек, не разбирающийся в вине, не может рассуждать о литературе»! Это я с похмелья несу такое, и верить этому нельзя. В противном случае мне, недостойному, воистину не стоит жить на этом свете» [3, с. 36].

Кроме прямого намека писателя на дилемму алкоголизма в Китае вино – это к тому же тот литературный прием, который дает произведению значимость. В романе рассматривается проблема алкоголизма, правила виноделия и культура вина. Свое отношение к распитию персонажами романа спиртных напитков автор показывает в гибели главного героя в сточной канаве. Вот к чему, предупреждает автор, может привести алкоголизм – к зазорной гибели.

Таким образом, включение темы вина в роман, безусловно, обогатило роман и дало возможность сюжету раскрыться во многих направлениях.

Литература

1. Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. – М.: Восточная литература, 1958. – 312 с.
2. Маслов А. А. Китай: Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. – М.: Алетейа, 2003.– 480 с.
3. Мо Янь. Страна вина / Мо Янь. – М.: Амфора, 2012. – 448с.

СТИЛІСТИЧНІ ФУНКЦІЇ ВКРАПЛЕНЬ У ТВОРАХ ІРЕНИ КАРПИ

Деркач В. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
ludmilaivanowna2011@mail.ru

Творче використання в художніх текстах вкраплень чужомовних елементів різного типу й об'єму в європейській літературній практиці було традиційним. Якщо в інших функціональних стилях літературної мови (науковому, публіцистичному, офіційно-діловому) необхідність їх використання пов'язується з безеквівалентністю в окремих лексичних сферах, то в художньому мовленні вона зумовлюється виразними стилістичними настановами. Власне цей аспект привертає увагу до ідеостилів окремих письменників, кожен з яких по-своєму мотивовано й послідовно вирішує цю соціомовну проблему в тих вимірах, які співзвучні з його творчим задумом, із принципами функціональної доцільності й ідейно-естетичної спрямованості тексту.

Наявність вкраплень у художньому тексті, як правило, зумовлене суттєвими причинами. Такі елементи є семантично та стилістично вагомими й здебільшого – текстотворчими. Будучи поза системою мови, засобами якої створений текст, вони є активним чинником формування цього тексту, творять фактуру індивідуально-авторського мовлення, впливають на особливості ідеостилу письменника.

Процеси мовної інтерференції в творчому доробку Ірени Карпи зумовлені, з одного боку, прямими міжмовними контактами, а з іншого – виробленим у наш час «модним» та «публічним» стилем спілкування як певним естетичним стереотипом усного та писемного мовлення. Це стосується безпосереднього використання автором у художніх текстах чужомовних елементів, які сприяють чіткішому оформленню думки, дають можливість відтінити її, надати висловлюванню стилістичної забарвленості.

І. Карпа вживає вкраплення у своїх творах із конкретною стилістичною метою: або для створення так званого «couleur locale» (місцевого колориту), або ж задля

пародії та іронії: «... лежачи на полакованій чорній підлозі, дивитися «*Bande a part*» Годара і до смерті ображатися на те, що цей фільм показують замість «*Chinoise*»...» [3, с. 104]; «А мені сьогодні навіть африканська тьотя в туалеті *Gar de l'Est* сказала, що красиво дуже» [3, с.14]; «Там, зліва від «*іскусства*» гордо височіє яскравий стенд атракціону» [2, с. 172]. Вкраплення можуть також вказувати на високе соціальне становище персонажів: «Слуги, чи то пак *кер-тейкери*, як ми їх політкоректно називаємо, сьогодні мають вихідний» [2, с. 237]; «Особливо добре лізли в чорну сумку окуляри марки «*Trussardi*», «*Armani*» і «*Gucci*». Хоча ні, «*Gucci*», здається, не було» [3, с. 20]).

Іншомовні лексичні конструкції дозволяють реалізувати широкий спектр стилістичних функцій. Вкраплення в мові творів І. Карпи використовуються як засоби висловлення високої авторської оцінки – урочистості, пафосу: «*Happy Birthday...*» [2, с. 110]; «Кожному своє, *chaque a son goût* [2, с. 39]; «Це буде твій вибір, *c'est la vie ...*» [2, с. 233]. «Привітайте *Whiskey Goddess!*» [Карпа 2007: 85]. Іншомовні вкраплення додають мові влучності: «Ну що ж, *that's life*» [2, с. 20]; «Якесь нетутешне *déjà vu*, якщо таке може бути» [2, с. 11]. Вкраплення використовуються й з метою вираження знижених оцінок: легкої насмішки, іронії, сарказму: «*Welcome* до пекла» [2, с. 96]; «...*shit happens...*» [2, с. 109]; «*Ebbelwoi* на ім'я Х'ялмар» [3, с. 11]; «Друзі, що потягнули б до посольства *comme il faut ...*» [2, с. 233]; «...так зачепити можна лише 45-річного *very male* чоловіка...» [2, с. 188].

Іншу функцію вкраплень у тексті – означення нового, а отже, малознайомого для читачів поняття – ілюструють такі приклади, як: «... і танцювала до напівприсмерті на якому-небудь *d-n-b nami*» [2, с. 114]; «...отримує пропозиції побути манекенницею на показі японського *strip-фешену ...*» [2, с. 117].

Непомірне, зайве насичення тексту іншомовними вкрапленнями призводить до створення так званої макаронічної мови, яка часто є яскравим сатиричним засобом. Наприклад, «П'ю середньої паршивості ямайське пиво «*Red Stripe*». Якби півгодини тому в Кемдені я купила все, що мені радив фан Кемдена Давид, тоді *red stripe*, але вже реальна, кров'яна, повзла би в мене з-під носа» [2, с. 223].

Таким чином, у проаналізованому ілюстративному матеріалі вкраплення не тільки виконують номінативну функцію, але й маркують явище як автентичне – (грец. *authentikos* – справжній) – цілком вірогідне, засноване на першоджерелах [1, с. 10]. Їм у творах І. Карпи притаманні різні стилістичні функції: вони називають те, що українськи не має назви, є засобом мовної характеристики персонажів, за їх допомогою досягається ефект присутності, локалізується опис та надається тексту гумористичний, іронічний або сатиричний відтінок.

Література

1. Літературознавчий словник-довідник / За ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка. – К.; ВЦ «Академія», 2007. – 752 с.
2. Карпа І. І. Фройд би плакав / І. І. Карпа. – Харків: Фоліо, 2009. – 238с.
3. Карпа І. І. *Bitches Get Everything* / І. І. Карпа. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2007. – 240 с.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Дехтярева Е. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
dehtyaryova@rambler.ru

Диалектная фразеология художественных произведений украинских писателей остается объектом научного исследования многих лингвистов: В. Грещук, М. Демского, Л. Скрипник, Н. Романюк, И. Матвияса, О. Плетневой, В. Ужченко и др.

Диалектные фразеологические единицы (далее ДФЕ) подчеркивают мельчайшие детали явлений, предметов, реалий окружающей действительности, что позволяет максимально приблизить читателя к действительности, описать жизнь во всех

подробностях, передать местный колорит, типизировать характер представителей разных социальных слоев.

Цель исследования – выявить и проанализировать семантические особенности и стилистические приемы использования диалектных фразеологизмов в художественных произведениях украинских писателей конца XIX – начала XX века.

ДФЕ, благодаря своей специфике и особой семантической структуре, обладают значительным прагматическим потенциалом, т.е. способностью оказывать определенное воздействие на читателя.

Смысловая реализация значения диалектных фразеологических ресурсов языка происходит в процессе их творческой обработки писателем в соответствии с его замыслом. ДФЕ может оказаться в непривычном для нее контекстном окружении, что приведет к возникновению новых оттенков в значении, например: – *А то один з другим такий дурний, **хоть му око віколи*** [2, с. 135].

Контекст делает возможным расширение семантики узуальной ДФЕ, например: ***закусити зуби*** ‘Сердитися, збирати й затаювати зло’ [1, с. 134]: – *Ти Вальорку, не дури, бо я чула, що ти **закусив зуби** на ту молоденьку удовичку, на невісточку Орфенюкову* [4, с. 196]. В тексте фиксируется новое значение ‘Испытывать симпатию к кому-либо, интерес’, что значительно расширяет функционально-стилистические возможности фразеологизма.

Часто ДФЕ вводятся в текст без изменения их значения и формы. В этом случае авторы используют абсолютные выразительные средства украинской фразеологии – образность, экспрессивность, эмоциональность, что усиливает стилистический потенциал данных единиц. Высокая степень экспрессивности свойственна компаративным ДФЕ: *То так, дивиси, стиснемо з двох боків лєшню, шо **тріснет, єк вуша на гребінці*** [3, с. 153].

Значительно усиливается стилистический эффект, когда писатели используют в предложении подряд несколько ДФЕ: *Якби ні жінка **мізинним пальцем кинула, та й бих капурец зробив, на винне яблуко бих розпосочив*** [2, с. 20].

Диалектные фразеологизмы в художественных произведениях помогают описать определённые ситуации, события и факты, обобщить сказанное,

продемонстрировать авторскую позицию, создать пространственно временное поле текста.

Литература

1. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці: Рута, 2005. – 688 с.
2. Стефаник В. Повне зібр. творів : у 3-х т. / Василь Стефаник. – К., 1949. – Т. 1. – 377 с.
3. Хоткевич Г. Довбуш : [повість] / Гнат Хоткевич. – К.: Дніпро, 2004. – 392 с.
4. Черемшина М. Твори в двох томах / Марко Черемшина. – К.: Наук. думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА

Дикарева С. С., Мудрак Л. Р., Фомочкина А. С.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация

Предварительные замечания. Рассматриваются современные тенденции лингвистической теории перевода web-сайтов в аспекте **интеграции** классической теории перевода, технологий индустрии локализации и адаптации к культуре, когнитивной и корпусной лингвистики. Новизна русско-украинско-английского перевода web-сайтов Крыма заключается в практической значимости анализа кросскультурной динамики регионального сетевого пространства. В процессе исследования проведена паспортизация и систематизация сайтов по разделам навигационного меню, создана электронная база данных интернет-ресурсов Крыма. Результаты исследования: когнитивные сценарии навигации, когнитивные карты интернет-терминов на русском, украинском и английском языках; образцы машинного русско-украинско-английского перевода навигационных меню с постредктированием; инновационные русско-украинско-английские параллели.

Актуальность исследования сетевого пространства Крыма обусловлена увеличением скорости появления и развития региональных web-ресурсов, включая страницы в социальных сетях, web-порталы, блоги, сайты региональных СМИ, музеев, храмов, отелей и других ресурсов.

Технологии перевода сайтов основаны на интегрировании классической теории перевода [5] с лингвистическими аспектами индустрии локализации и адаптации к культуре [1; 2], а также методов сценарного моделирования сетевой навигации с корпусным инструментарием [4; 5].

Исследуя информационное пространство Крыма, мы выявили пласт региональной лексики, в частности, употребление единиц, акцентирующих внимание на туристических особенностях региона, вариативных единиц с указанием маршрута или местности. Такая трансформация web-ресурсов Крыма происходит пропорционально развитию туристической сферы, играющей значительную роль в адаптации к культуре во всех областях деятельности полуострова. Можно говорить о постоянном развитии интернет-ресурсов, пополняемых различными функциями, включая перевод на различные языки.

Задачи и результаты. В процессе исследования проведена паспортизация и систематизация сайтов по разделам навигационного меню, создана электронная база данных интернет-ресурсов Крыма по темам "Музеи Крыма", "Туристические маршруты", "Отели Крыма" и др.

Для выявления языковых единиц, расположенных в навигационном меню, составлялись когнитивные карты терминов, которые отражают специфику региональной лексики.

Когнитивная карта термина конструируется на основе следующих параметров: слово (или словосочетание) на языке оригинала, перевод на украинский и английский языки, дефиниция термина, синонимы, гипонимы, гиперонимы и ассоциаты на русском языке. Дискурсивный анализ номинации гиперссылок в навигационных меню позволяет выделить **когнитивные терминологические цепочки**, которые определяют **когнитивные сценарии навигации**, например, *Туризм, Маршруты, Направления, Точки, Как добраться, Таврида, Восточное Южнобережье, Западное*

побережье и т.д. По результатам исследования проведён эксперимент по машинному переводу русских терминов на украинский язык и на английский язык. Перевод выполнен компьютерной программой перевода PRAGMA online (<http://trident.com.ua/ru/>).

Переводные русско-украинско-английские соответствия

Оригинальный текст на русском языке (1) RU *Туризм, Маршруты, Направления, Точки, Как добраться, Таврида, Восточное Южнобережье, Западное побережье, Южный берег Крыма, Крымское предгорье, Керченский полуостров, News-ресурсы, Крым и мир, Общество.*

Текст перевода с русского языка на украинский язык (2) УК *Туризм, Маршрути, Напрями, Точки*, Як добратися, Таврида, Східне Южнобережье*, Західне узбережжя, Південний берег Криму, Кримське передгір'я, Керченський півострів, News-ресурси, Крим і світ, Суспільство.*

Текст перевода с русского языка на английский язык (3) EN *Tourism, Routes, Directions, Points, How to reach, Taurida, East Южнобережье, bank * of the west, South bank of Crimea, Crimean foot-hill, Kerch peninsula, News- resources, Crimea and world, Society.*

Комментарии к машинному переводу

Перевод с русского языка на украинский, выполненный компьютерной программой PRAGMA online, оценивается как относительно корректный. В тексте перевода знаком * отмечены лексические ошибки.

Машинный перевод с русского языка на английский, выполненный компьютерной программой PRAGMA online, оценивается как относительно корректный. В тексте оригинала употреблено слово *берег*, которое переведено как *bank*, было бы корректнее перевести как *coast, waterside, strand*, так как лексема *bank* имеет иное значение в переводе на русский. При переводе слова *resources* используется транслитерация.

Один из аспектов изучения мультимодальности крымского сетевого пространства является исследование web-сайтов региональных отелей. Под мультимодальностью интернет-коммуникации понимают множество семиотических

потоков, с помощью которых конструируется дизайн сайта. Результаты паспортизации показывают, что наиболее распространенной является полисемиотическая структура титульного названия. На основе количественного и семиотического критериев выделены структурные модели титульных названий отелей.

Заключение. Web-сайты отелей создаются на основе достаточно стандартных сценариев, что отражено в вертикальном и горизонтальном меню. Отличия заключаются в варьировании наименований каждого из разделов на разных сайтах, а также дополнительных разделов меню. Например, функция *Виртуальный тур*, которая позволяет за несколько минут оценить инфраструктуру отеля с охватом 360 градусов. Доступно на сайте отеля “Керчь”. В результате интегрированного анализа сайтов Крыма выделены инвариантные и вариативные признаки интерфейса и контента сайтов. В соответствии с этим **определены** параметры паспортизации сайтов для формализации переводческой деятельности в сетевом пространстве Крыма.

Литература

1. Ачкасов А. В. Индустрия локализации и подготовка переводчиков / А. В. Ачкасов // Индустрия перевода: материалы VIII Международной научной конференции (Пермь, 6–8.06.2016). – Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2016. – С. 13–19.
2. Беляева Л. Н. Лингвистические технологии в современном сетевом пространстве: language worker и индустрия локализации: монография / Л. Н. Беляева. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2016. – 134 с.
3. Дикарева С. С. Сценарное моделирование диалогических систем. Принципы лингвистической теории: монография. 2-е изд., перераб. и доп / С. С. Дикарева. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – 310 с.
4. Дикарева С. С. Региональная специфика русско-украинского перевода web-сайтов Крыма / Дикарева С. С., Мудрак Л. Р., Фомочкина А. С. // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского: IV научно-практическая конференция, сб. тез. Т. 2. Таврическая академия. – Симферополь, 2018. – С. 924–926.

5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

ТИП «БЫВШЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. ГОРЬКОГО

Емельянова В. Л.

(науч. рук. д. ф. н., проф. Александрова И. В.)

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
emelanovaviktoria0@gmail.com

Обобщение признаков группы литературных персонажей и выделение определенных типов есть необходимый элемент дальнейшего изучения эпохи и культурологического слоя, в которых они образованы. Литература, как отражение объективной реальности, переносит на бумагу явления и процессы, происходящие в реальном мире. Выделение такого литературного типа как бывший человек – важная ступень в понимании исследователем и читателем тех событий, которые спровоцировали появление включенных в данный тип героев.

На основе теоретического исследования проблемы социально-мифологического осмысления творчества писателя в современных работах, а также в процессе изучения литературно-критических работ, посвященных произведениям А. М. Горького, нами выдвинута гипотеза: в эволюции осмысления образа бывшего человека в России начала 19 конца 20 века отражается эволюция групповой самоидентификации.

Нами использованы: концептуальный анализ художественного произведения, в рамках герменевтического метода позволяющий включить материал исследования в определенную систему взаимозависимых концептов, сравнительный анализ образов, позволяющий вычленить и сопоставить общие и противопоставленные черты для создания более полного и объемного представления об исследуемом вопросе, а также культурно-исторический метод, рассматривающий литературу как запечатление духа народа в разные периоды его исторической жизни. Его использование позволяет

проводить инклюзивное исследование художественных произведений в культурологической среде изучаемого периода.

А. М. Горький был уверен, что бурная эпоха модифицирует характеры людей, преображая их в соответствии со своими ведущими тенденциями. Поэтому в попытке осмыслить их через призму современной ему российской и советской действительности писатель обращается, прежде всего, к классификации личностей и через сегрегацию образов в соответствующие классы. К этому способу он обращается, в частности, и в своей драме «Сомов и другие», где характеры персонажей подменяются их классовыми и идеологическими установками, политической мотивацией и общественным статусом.

Появление «бывших» людей как феномен без труда может быть перенесен на любую социальную страту, что лишается своего статуса при любых радикальных переменах общественно-политического строя. Этот деградиционный лифт социальной стратификации был как никогда актуальным явлением общественной жизни конца 19 и начала 20 века в России. Однако он эволюционировал, изменяя не только свой внутренний смысл (группу людей, претерпевающих распад своих гражданских позиций и свобод), но и свою коннотацию. Отношение российского общества к таким людям изменялось в зависимости от социальной ситуации в стране и доминирующей на этот момент идеологии.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «БОЯРЩИНА»

Кравченко Е. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
kravchenco_e_v@mail.ru

Художественная деталь как средство выражения авторских интенций создает неповторимый образ, помогающий читателю постичь характер героев и их

переживания. Являясь частью художественного целого, деталь фокусирует внимание читателя на наиболее значимых моментах произведения, тем самым позволяя выявить важные авторские установки [1, с. 265]. Она раскрывает особенности мировидения автора и его индивидуальный подход к отбору реалий действительности. Это особый способ воплощения авторской оценки.

Вещный мир является необходимым условием эпической масштабности изображаемого художественного мира, в рамках которого автор развивает сюжет и характеры своих персонажей. Мир вещей выступает коррелятом реального мира, но при этом не становится его двойником [3].

А. Ф. Писемский в романе «Боярщина», написанном в духе натуральной школы, мастерски использует вещный мир не только для формирования исторического фона и колорита, но и для характеристики героев.

На основе предметно-тематического принципа в романе выделяются психологические, пейзажные и бытовые детали.

Например, психологическая деталь используется автором для раскрытия внутреннего мира и душевных порывов Савелия. Он всегда уравновешен, рассудителен, внешне спокоен, робок в изъяснении чувств. Автор передает изменение его внутреннего состояния в период душевных волнений одной деталью: целуя руку Анны Павловны, Савелий *покраснел* «как маков цвет» [2, с. 165]. На протяжении всего произведения герой ни разу не признается в своем чувстве, даже не задумается о нем, в то время как Эльчанинов то и дело говорит о своих чувствах и переживаниях. Повествователь противопоставляет героев в плане динамики и статики: «Эльчанинов много говорил <...> – обо всем том, о чем говорит современная молодежь. Савелий слушал со вниманием <...> и странное дело! – при каждом из этих замечаний, сказанном простым и необразованным человеком, Эльчанинов сбивался с толку, мешался...» [2, с. 122]. Данная деталь позволяет составить морально-психологический облик героев и является средством характеристики образов. Писемский подчеркивает, что Эльчанинов – фразер, не способный на решительные поступки. Савелий же свои воззрения на мир подтверждает делом, пашет землю, чтобы заработать. Эльчанинов эту проблему решает иначе:

прислуживает графу Сапеге, ожидая выгодной протекции. Он малодушен и труслив, не привык трудиться. Романист акцентирует пустоту светского интеллигента, образованного и начитанного Эльчанинова, и отдает предпочтение необразованному Савелию: «Он с трудом умел читать, нигде не служил, но, несмотря на бедность, на отсутствие всякого образования, он был в высшей степени *честный, добрый и умный малый*» [2, с. 102] (выделено мной. – Е. К.).

В «Боярщине» нет пейзажных зарисовок, однако особое внимание привлекает пейзажная деталь – «серость» имения Могилки. Первый взгляд на имение оказывает угнетающее впечатление на повествователя: «...усадьба Могилки <...> резко отличалась от прочих усадеб <...> господский дом был выкрашен *серою* краскою; <...> *огромные* деревья <...> делали пруд похожим на *пропасть* <...> *темный и заглохший сад*» [2, с. 54]. Второе описание имения дано через призму восприятия главного героя, Эльчанинова: «Могилки <...> показались ему еще *мрачнее*, еще *печальнее*. Небо покрыто было *серыми* тучами, которые <...> плыли от севера» [2, с. 96]. Само название усадьбы вызывает ассоциации с чем-то мрачным, мертвенным, служит предвестием тревог и скорби, проецируется на судьбы людей. Таким образом, Писемский пейзажными деталями рисует картину разложения общества, смерти человека от безысходности и отсутствия справедливости. В финале романа хозяйка имения Анна Павловна умирает, преданная любимым и отвергнутая обществом Боярщины; хозяин, Задор-Мановский, из энергичного, полного здоровья и сил мужчины превращается фактически в ребенка, не способного постоять ни за себя, ни за своих близких (его разбивает паралич). Но при этом, утрачивая физическую силу, он обретает духовное начало.

Особое место в художественном мире Писемского отводится бытовым деталям, которые становятся способом характеристики и оценки героев и по-новому освещают создаваемые автором образы. Так, интерьер гостиной Эльчанинова свидетельствует о внутренней сущности героя: «Вместо церемонности и чистоты <...> она представляла страшный беспорядок... Рядом с портретом матери висела гравюра какой-то полуобнаженной женщины... тут было все, что бывает обыкновенно в грязных и холодных номерах» [2, с. 121]. Эльчанинов – живое отражение грубой

реальности: он не способен на искренние чувства и не готов к семейной жизни (хотя соблазняет Анну Павловну), вся жизнь для него игра, где правила диктуют сильные мира сего (он не чувствует своей вины и ответственности за разрушение семейного очага), духовные ценности для него не важны. Эльчанинов в интерпретации Писемского – едкая пародия на тип «лишнего человека», автор развенчивает идеал красноречивого героя, не способного к искренним чувствам и значительным поступкам.

Таким образом, художественная деталь является важнейшей составляющей идейно-образного содержания романа Писемского и становится существенным способом выражения авторской позиции.

Литература

1. Крупчанова Л. М. Введение в литературоведение / Л. М. Крупчанова. – М. : Юрайт, 2015. – 479 с.
2. Писемский А. Ф. Боярщина / А. Ф. Писемский // Писемский А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. – Т. 1. – М. : Правда, 1959. – С. 53-214.
3. Чубарова Н. В. Введение в литературоведение / Н. В. Чубарова. – Ростов : ЮФУ, 2006. – Режим доступа: <http://www.litved.rsu.ru/> (дата обращения 12.02.2019).

КАРТИНА МИРА УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЗАГОВОРНОГО ТЕКСТА: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Кривенко О. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
oksamytova_folk@mail.ua

Целью исследования является выявление сходств и различий между двумя восточнославянскими типами заговорного текста, которые, несмотря на близкородственные связи, не тождественны. Материалом послужили заговоры, размещенные в специализированных сборниках. Основным является компаративный метод, дающий возможность осуществить сравнительно-историческое исследование

фольклорных текстов в контексте культуры в целом. Стержневым понятием в исследовании является *картина мира*, понимаемая как отраженная в народнопоэтическом тексте совокупность представлений о мироустройстве.

Поскольку заговор является архаичным жанром, первоначальная картина мира, отраженная в нем – мифологическая. Как известно, мифология древних славян очень неоднородна, однако многие мифологические образы и сюжеты являются общими для украинских и русских заговоров. Так, например, О. Порицкая [3] предприняла попытку разрешить проблему реконструкции архаичных слоев народной культуры в рамках антропоцентрической, этнолингвистической и лингвокультурологической научной парадигмы, вследствие чего ей удалось создать некую модель народной демонологии как самостоятельной составляющей картины мира славян, сохраняющей ощущение целостности древнего мифопоэтического восприятия на протяжении многих веков. Тем не менее, ввиду разнотипной архитектоники, даже они (общие образы и сюжеты) реализуются в украинских и русских заговорах по-разному.

В своей монографии [1] Т. Агапкина рассматривает сюжетные и диалектные варианты лечебных заговоров, исследует формирование образов, в частности пространственных, временных и антропологических, как компонентов картины мира. В некоторых исследованиях других авторов (например, образы *рыбы*, *птицы*, *медведя* и пр. [2]) видим более детальную характеристику образов, вписанную в общежанровый заговорный контекст. Невозможно переоценить значение смежных фольклорных жанров национальной традиции для наиболее полной характеристики тех или иных образов и национальной картины мира в целом. Важно понимать, что такое сопоставительное исследование целесообразно проводить сначала в синхроническом, а затем в диахроническом аспекте, особое внимание уделяя территориальным и хронологическим вариантам одного текста с целью получения целостного понимания филогенетических процессов в фольклоре.

Таким образом, для максимально полного компаративного исследования картины мира, нашедшей свое отражение в заговорном тексте, важно изучить исторические наслоения в фольклоре, особенно показательные на материале анализа

территориальных и хронологических вариантов одного текста/сюжета/образа с привлечением в качестве контекста иных хронологически близких вариантов и жанров национальной фольклорной традиции.

Литература

1. Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира / Т. А. Агапкина. – М.: Индрик, 2010. (Серия «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования») – 823 с.
2. Кривенко, О. В. Замовляння як фольклорний жанр та особливості його літературної рецепції [Текст] : дис. на здоб. наук. ступ. канд. філол. наук : 10.01.07 – фольклористика / Кривенко Оксана Вячеславівна ; Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського. – К., 2015. – 193 с.
3. Поріцька О. А. Українська народна демонологія у загальнослов'янському контексті (XIX – поч. XX ст.) [Текст] / Ольга Поріцька ; Ін-т мистецтвознав., фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАНУ, Київ. нац. ун-т культури і мистец. – К. : Ін-т мистецтвознав., фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського, 2004. – 182 с.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВ ПОДРОСТКОВ В РОМАНЕ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ» ДОННЫ ТАРТТ

Куракова И. А.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте
Ялта, Российская Федерация
inpa-novikova@mail.ru

Цель – исследовать образы подростков в психологическом триллере. Материалом для анализа особенностей образов подростков послужил роман американской писательницы Донны Тартт «Тайная история». Метод исследования – литературоведческий анализ текста.

Образы подростков в художественной литературе динамичны. В них отражаются современные мировоззренческие взгляды. Особенностью творчества Д. Тартт

является тема подростков и их характеров в таких романах, как «Маленький друг», «Щегол», «Тайная история». Каждый роман запоминается неповторимыми образами, их психологическими портретами, поведенческими особенностями героев.

«Литературное произведение как художественное целое является образом. Оно может включать в себя систему образов персонажей, а эти образы, в свою очередь, и предметный мир произведения создаются с помощью изобразительно-выразительных средств поэтической образности» [1, с.7]. Анализу создания образа в литературном произведении посвящено немало количество филологических работ (Е. Б. Борисова, И.Ф. Волков, А. Б. Есин, Л. И. Тимофеев, А.Я. Эсалнек и другие).

Роман «Тайная история» Д. Тартт написан в 1992 году. Авторская позиция выражена имплицитно. Ретроспективное повествование ведется от лица одного из героев, калифорнийца Ричарда Пейпена. Поступив в Хэмпден-колледж в Новой Англии, Ричард попадает в группу студентов классического отделения английской филологии, где сближается с ними и становится соучастником преступления, о котором повествует в романе.

В произведении Д. Тартт «Тайная история» показаны современные эрудированные подростки, владеющие разными иностранными языками, в том числе латынью и греческим: *«Сколько он вообще знает языков? Я уже сбился со счета. Семь или восемь. Он даже иероглифы умеет читать»* [2, с. 64], *«Фрэнсис побывал во множестве самых элитарных школ Швейцарии и Англии, а Генри <...> в не менее элитных американских заведениях»* [2, с. 245]. Однако образованность и знания высокого искусства привели их к морально-нравственному падению. Создавая обряд вакханалии, они совершили убийство фермера: *«Коренной житель Вермонта растерзан юными сатанистами <...>»* [2, с. 197], а затем предумышленное, тщательно спланированное групповое убийство своего сокурсника Банни Коркорана. Как показано автором в романе, в основе убийства лежат личные психологические проблемы, идущие из отношений с родителями в семье: *«Это же просто чудовищно: внушить своим детям, что главное в этом мире – деньги, но при этом зарабатывать их собственным трудом – позор. А потом взять и вышвырнуть одного за другим с пустым карманом – путевка в жизнь!»* [2, с.39].

Итак, Д. Тартт в романе «Тайная история» демонстрирует образы благополучных подростков элитарного общества, которые, несмотря на свою образованность, воспитанность, эрудированность совершают групповое преступление.

Литература

1. Давыдова Т. Т. Теория литературы: Учебное пособие / Давыдова Т. Т., Пронин В. А. – М.: Логос, 2003. –232 с.
2. Тартт, Донна, Тайная история: роман / Донна Тартт; пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. – Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. – 590, [2] с.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПОЭМЕ

Н. А. МАРКЕВИЧА «ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ»

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00430

Курьянов С. О.

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
so_k@inbox.ru**

Произведения ранней поэзии Н. А. Маркевича – поэта, этнографа и историка Украины, несут в себе заметное влияние поэзии декабристской, прежде всего поэзии К. Ф. Рылеева, поэмы которого – «Войнаровский» и «Наливайко», написанные на украинском материале, – он высоко ценил, а также поэзии В. К. Кюхельбекера, учеником которого был в Благородном пансионе при Петербургском университете и с которым приятельствовал вплоть до ареста Кюхельбекера после декабристского восстания. Поэтому в конце 1820-х годов, когда Маркевич работает над своей поэмой «Димитрий Донской», он под влиянием декабристских идей перерастает идею чисто украинского патриотизма (заметного, например, в «Украинских мелодиях», 1831, а позже в его «Истории Малороссии», 1843–1845) и поднимается до утверждения необходимости единства России и народов ее населяющих.

Цель исследования – показать основные идейные и художественные особенности поэмы Н. А. Маркевича «Димитрий Донской».

Единственная и уже давняя попытка анализа поэмы была предпринята Е. М. Косачевской [см.: 1]. Но исследовательницу как историка занимали лишь общественно-политические взгляды Маркевича, его отношение к декабризму. Строки поэмы (не всегда удачно) использовались для иллюстрации выводов именно в этом направлении. Нас же интересует художественная сторона произведения.

Классицистические тенденции оказали сильное влияние на поиск путей реализации замысла поэмы о Куликовской битве. Уроки В. К. Кюхельбекера даром не прошли. Работая над «Димитрием Донским», Маркевич показал себя примерным учеником М. М. Хераскова. Не прибегая к прямым заимствованиям, Маркевич, однако, уже вступление в поэму строит по всем правилам классицизма: в нем есть и краткое изложение темы поэмы, и обращение к духу поэзии, к Музе. А сама тема произведения – освобождение России от иноземного владычества, – будучи близкой теме «Россияды» Хераскова, создает массу параллелей. Песнь первая поэмы Маркевича воспринимается как слепок со второй песни «Россияды»: только в «Димитрии Донском» созван совет русских князей, а в поэме Хераскова заседает боярская дума. Благословение Димитрия Сергием Радонежским напоминает благословение войска Ивана Грозного митрополитом Даниилом. Чудесные явления и превращения, характерные для «Россияды», с успехом использованы и в «Димитрии Донском». Вслед за Херасковым Маркевич делит свою поэму на песни. Обе поэмы написаны шестистопным ямбом – русским аналогом александрийского стиха, традиционного для данного жанра.

Но у Маркевича все-таки иная тональность повествования. Он подходит к материалу как романтик: и в описаниях природы, и в описаниях знамений грядущей войны, и в описаниях русских дев, и в фантастически оформленном образе России, в виде Богини являвшейся Димитрию и показавшей князю великое будущее страны [см.: 2, л. 111–120 об.], и в лексическом оформлении материала, где высокая славянская лексика соседствует с традиционной романтической. В контексте романтических тенденций закономерно и появление в поэме русалок [см.: 2, л. 109 об.]. Подводные жительницы очень напоминают девушек из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», заманивших Ратмира в свой замок – героини поэма Маркевича

чуть не добились того же: помешало лишь явление Богини России. Причем всем набором художественных средств песня русалки напрямую восходит к песне девы из пушкинской поэмы. К тому же любопытным является тот факт, что незавершенная поэма именно своей незавершенностью как нельзя лучше подчеркивала приверженность Маркевича романтической поэтике: третья песнь заканчивается умолчанием, оставляя читателю возможность полета фантазии. На романтическую основу поэмы указывают и пространные лирические отступления.

Однако наиболее значительным в поэме Маркевича является, безусловно, ее идейная основа. Несмотря на то, что «Димитрий Донской» был написан после восстания 14 декабря, декабристские идеи оставались в нем ведущими. Причем главным условием победы Руси над татарами Маркевич считает безусловное единение вождя, Димитрия, и народа. Призывы к сопротивлению татарам звучат в рылеевском духе, в духе «Исповеди Наливайко»; к тому же теплые слова, сказанные на страницах поэмы в адрес Рылеева, лишь подтверждают эту мысль. В декабристском духе решается проблема самодержавия: «Да оградит навек и собственность, и трон / Защитник слабого, Божественный Закон...» [2, л. 7]. Также, по мнению Маркевича, невозможно достигнуть свободы и процветания без тесного единения всех народов России: «Различна вера их, и нравы, и язык, / Но всем им мать одна: священная Россия...» [2, л. 113]. Причем, во главу угла ставятся «главные их [народов] страсти» – «Россия, Царь, Закон...» [2, л. 113 об.], которые категорически противопоставляются принципам (или, скорее, беспринципности) тирании.

Стремился ли к этому Н. А. Маркевич сознательно, или его вела тема произведения, но поэту удалось в значительной мере подняться над идеей национального освобождения и вплотную приблизиться к пониманию того, что народы России смогут свободно развиваться лишь сообща на основе полного равенства и законности.

Литература

1. Косачівська Є. М. До питання про суспільно-політичні погляди М. А. Маркевича / Є. М. Косачівська // Український історичний журнал. – 1972. № 1. – С. 62–69.
2. Маркевич Н. А. Опыты в стихах и прозе: Кн. II: 1828 / Н. А. Маркевич // РО ИРЛИ, ф. 488, оп. 1, д. 4.

ГРУППА «ОБЪЕДИНЕНИЕ РЕАЛЬНОГО ИСКУССТВА» И Л.Н. ТОЛСТОЙ

Курьянова В. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
kuryanova_v@mail.ru

Цель исследования – показать, как проявляется толстовский миф и формирующийся толстовский текст в произведениях представителей творческой группы ОБЭРИУ.

Группа «Объединение реального искусства» (ОБЭРИУ), главным тезисом своей деятельности вслед за футуристами предложила отказ от традиционных художественных принципов. На место традиции в творчестве её представителей ставится ничем не ограниченное новаторство, главной приметой которого являлся гротеск, алогизм, абсурд. Течения подобного авангардного направления стремились в своем творчестве к свержению «столпов» классической литературы, что закономерно приводит к свойственному эпохе интересу к фигуре Л.Н. Толстого [см. толстовский текст: 3, с. 181–182]. Личность Толстого, находившегося в постоянном поиске, саморефлексии, исследовании процесса зарождения и последующего формирования собственных мыслей, чувств, настроений, ощущений, не могла не привлекать представителей авангардного движения, которые с истовым энтузиазмом ниспровергателей авторитетов ухватились именно за толстовскую открытость и откровенность.

Именно такое отношение к Толстому демонстрирует в своем творчестве Д. Хармс. Некоторые исследователи видят истоки такого отношения в личном отношении Хармса к Л.Н. Толстому (отец Хармса был ярким поклонником великого русского писателя, бывал в Ясной Поляне, таким образом Толстой стал «нравственным и литературным авторитетом, навязанным с детства») [4]. Впервые Толстой появляется в наполненном аллюзиями стихотворении Хармса «Сон двух черномазых дам» (1936). Пройдя через несколько отрицаний (дамы то спят, то нет, управдом с томом «Войны и мир» то заходит, то заходит совсем не он), появляется наконец сам уставший Толстой, снимает пальто, калоши и сапоги. В этом созданном абсурдном мире Хармса Толстой получает удар топором по голове от Ивана, и оказывается «вся литература русская в ночном горшке» [6, с. 283], – примечательное заявление. Образ Толстого также появляется в рассказе «Судьба жены профессора» (1936). И вновь во сне, но теперь во сне главной героини Толстой возникает с ночным горшком: он несет показывать всему свету содержимое своего горшка [7, с. 105]. Эти два обращения к личности Толстого указывают на реализацию в творчестве Хармса мифа о «Толстом – великом русском писателе», вывернутом наизнанку, содержание которого становится квинтэссенцией всей русской литературы и общественной жизни. Этим тонко подчеркивается трагедия непревзойденной популярности Толстого, интерес большого количества людей не столько к творчеству и идеологии писателя, сколько к его личности и личной жизни. В записных книжках Хармса также реализуется мифологема ‘масштабность личности великого русского писателя Толстого’ [см., напр: 5, с. 151, 445].

В творчестве Н. Заболоцкого толстовский миф появляется только в автобиографической прозе. Автор передает отношение к Толстому; причем в 1921 году он воспринимает Толстого в качестве абсолютно чуждого себе, а в 1940-м уже пишет противоположное – «Как я люблю Толстого!» [2, с. 27]. Поэтому нередко Заболоцкий использует текст «Войны и мира» для эпитафий, то есть традиционно классически.

К. Вагинов интерпретирует мифологему об опрощении Толстого. Герои «Бомбочады» рассуждают о культурном значении картинок папиросных коробок или

фантиков от конфет: «между тем в них проявляется и народная эстетика, и вообще эта область человеческого духа не менее богата, чем всякая другая: здесь и политика, и история, и иконография. Вот, скажем, Толстой в лаптях. Как бы мы ни подходили к жизни, все дороги ведут в Рим» [1, с. 379]. Источником иллюстрации стала знаменитая с советскую эпоху и активно распространяемая картина Г. Мясоедова «Сеятель», как раз и растиражированная по открыткам и фантикам, где Толстой изображен в лаптях, что не было свойственно ему, как человеку, но в воспринимающем сознании максимально опрошенный Толстой должен был быть именно таким. Это соответствует самому жанру бомбочады как картинам сценок из обыденной жизни.

Подобные реализации толстовского мифа мы можем увидеть и у наследников ОБЭРИУ – Вс. Некрасова и Г. Сапгира.

Таким образом, толстовский миф интерпретируется в творчестве поэтов-обэриутов согласно их собственной философии об алогичности мира, противоречивости мироздания, парадоксальности.

Литература

1. Вагинов К. К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада / Сост. А. Вагинова; Подгот. текста, вступ. статья Т. Никольская. – М.: Худож. лит., 1989.
2. Заболоцкий Н. А. История моего заключения / Н. А. Заболоцкий / Сост. и автор предисл. Л. А. Озеро. – М., 1991.
3. Курьянова В. В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова / В. В. Курьянова // Научный диалог. – 2019. – №1. – С. 179–194.
4. Мароши В. В. К генезису нарратива абсурда: Л. Н. Толстой и Д. Хармс / В. В. Мароши [Электронный ресурс] // Даниил Хармс. 1905–1942. Режим доступа : <http://www.d-harms.ru/library/k-genezisu-narrativa-absurda-tolstoy-i-harms.html>.
5. Хармс Д. Записные книжки. Дневник. Книга 1 / Д. Хармс. – Санкт-Петербург, 2002.
6. Хармс Д. Полное собрание сочинений: в 3 т. / Д. Хармс / Вступ. статья, подготовка текста и примечания В. Н. Сажина. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1997.
7. Хармс Д. Полное собрание сочинений: в 3 т. / Д. Хармс / Вступ. статья, подготовка текста и примечания В. Н. Сажина. Т. 2. – Санкт-Петербург, 1997.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН О РУССКОМ КРЫМЕ

Мащенко А. П.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
Amas69@mail.ru

Цель исследования. Изучить крымскую проблематику публицистики А. И. Солженицына, определить главные крымские темы в его творчестве, объяснить причины обращения классика к ним.

Материал и методы исследования. Материалом исследования стали публицистические произведения А. И. Солженицына, в которых он обращается к крымским темам, – прежде всего книга «Россия в обвале». Методы исследования – культурно-исторический, биографический, описательный.

Результаты. А. И. Солженицын еще в конце шестидесятых – начале семидесятых годов прошлого века, в эпопее «Архипелаге ГУЛАГ», предсказал выход Украины из состава СССР, заметив при этом, что «не вся Украина в её сегодняшних формальных советских границах есть действительно Украина. Какие-то левобережные области безусловно тяготеют к России. А уж Крым приписал к Украине Хрущёв и вовсе с дубу» [1, с.42]. Затем украинско-крымская тема поднимается в работе «Как нам обустроить Россию» (1990 год), ряде интервью для СМИ и достигает апогея в книге «Россия в обвале», изданной в 2006 году. «Развод» бывших братских республик - России, Украины и Белоруссии - осмысливается классиком как «славянская трагедия» – так называется одна из глав книги. При этом едва ли не главным пострадавшим от «развода» оказывается как раз Крым. А. И. Солженицын, с одной стороны, обвиняет российскую власть (а отчасти и вообще всех россиян) в предательстве миллионов русских жителей Крыма, ставших в 1991 году в одночасье гражданами другого, враждебного России государства. «Сколько русских с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа

отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено нашей же выборной властью — однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя» [2, с.81].

По мнению писателя, за распадом СССР и антироссийской позицией Украины стоят Соединенные Штаты Америки. «Да за последние годы кто не видел и не слышал самого откровенного вмешательства Соединённых Штатов. Как забыть заявление президента Буша, ещё перед украинским референдумом (1991), — подбодрить отделение Украины? Как не заметить, что из первых и страстных голосов «Севастополь принадлежит Украине!» был голос американского посла в Киеве и потом – и не однократно, до запредельной бестактности — Госдепартамента? Америка всемерно поддерживает каждый антирусский импульс Украины. Антирусская позиция Украины — это как раз то, что и нужно Соединённым Штатам» [2, с.32].

А. И. Солженицын указывает на то, что неорганичные, «ленинско-хрущевские» границы современной Украины приведут к распаду этой страны. По его мнению, «отяжелительная ошибка её — именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь-Херсон-Одесса) и Крым. (Принятие хрущёвского подарка — по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — государственное воровство). Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка — непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединённости западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 % населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: Нахватанное — ребром выпрет» [2, с.79]. «Выперло» – в 2014 году, когда после прихода к власти в Киеве украинских националистов, из страны «ушли» сначала Крым, а затем и Донбасс. При

этом, весьма вероятно, процесс распада Украины не окончен, ведь в ее состав по-прежнему входит та самая «южная полоса Новороссии (Мелитополь-Херсон-Одесса)». И значит, те непримиримые противоречия, о которых писал Солженицын, остаются неразрешенными до конца.

Выводы. Крымская тема в публицистике А. И. Солженицына связана, прежде всего, с его размышлениями о судьбе России. Писатель считает глубоко ошибочной передачу русскоязычного, русскокультурного, тысячами неразрывных нитей связанного с историей России полуострова из РСФСР в УССР в 1954 году. И уж тем более неорганичным, неестественным становится пребывание Крыма в составе независимой Украины после распада СССР. По мысли классика, это по-настоящему опасно как для Крыма, так и для самой Украины. Разделение славянских республик – России, Украины и Белоруссии – осмысливается Солженицыным как славянская трагедия. Писатель осуждает предательскую позицию советского и российского руководства по отношению к Крыму и утверждает, что неорганичные границы современной Украины рано или поздно приведут к ее распаду. Так и происходит в 2014 году, когда Крым воссоединяется с Россией, а на Донбассе начинается гражданская война.

Крымская тема оказывается в сфере интересов А. И. Солженицына в силу нескольких причин. Главная из них, безусловно, имеет исторический и политический характер и связана с озабоченностью писателя судьбой России и русских людей. Кроме того, играет свою роль биографический фактор. В роду Солженицына были украинцы, и он переживает историю российско-украинского конфликта как личную драму. Также следует обратить внимание на то, что Солженицын не только писал о Крыме, но и бывал на полуострове. Он дважды, в 1959 и 1962 годах, гостил в поселке Черноморское у своих друзей Николая Ивановича и Елены Александровны Зубовых, посещал Симферополь, Ялту, Гурзуф, Керчь, Феодосию.

Настоящий писатель в России – всегда больше, чем просто литератор, беллетрист, сочинитель. Он – пророк. У него есть дар заглядывать в будущее. Он анализирует происходящие события в тысячу раз глубже политиков. Именно таков

Александр Исаевич Солженицын, предвосхитивший в своей публицистике распад независимого украинского государства и возвращение Крыма в состав России.

Литература

1. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. V-VII [Текст] / А. И. Солженицын. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 629 с.
2. Солженицын А. И. Россия в обвале [Текст] / А. И. Солженицын. – М. : Русский путь, 2006. – 208 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ В ПЬЕСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Номинат А. В.

(науч. рук. д. ф. н., проф. Александрова И. В.)

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
agatasem@mail.ru**

Вопрос о художественном психологизме достаточно активно поднимался как в русском, так и в зарубежном литературоведении. На сегодняшний день существует большое количество работ, рассматривающих эту проблему, но ученые еще далеки от окончательного осмысления данного феномена. Цель исследования – выявить комплекс художественных средств, с помощью которых воплощаются чувства и внутренние состояния героев в пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». Достижение цели и задач работы предполагает использование конкретных методов: историко-генетического, биографического типологического.

Художественный психологизм появился во второй половине XVIII века. В. Е. Хализев в работе «Теория литературы» писал о том, что развитие психологизма было обусловлено активизацией самосознания человека в Новом времени. В XX веке изучением художественного психологизма занимался А. Б. Есин. Исследователь пришёл к выводу, что психологизм – это «определенная художественная форма, за

которой стоит и в которой выражается художественный смысл, идейно-эмоциональное содержание».

В драматургии психологизм проявляется чаще всего в монологах главных героев. В XIX веке в драме стали использоваться и другие методы для передачи душевной жизни человека. Зачастую это такие приёмы, как жестово-мимическое поведение, особенности мизансцен, интонационный рисунок роли, создание определённой психологической атмосферы при помощи декорации. Однако драматургический психологизм ограничен условностью, присущей этому роду литературы. «С особой интенсивностью психологизм проявился в лирике и драматургии Возрождения», – писал А. Б. Есин.

Психологизм Толстого в драме «Плоды просвещения» также обширен, как и в его эпических произведениях. С помощью замечаний, многоточий, реплик героев автор демонстрирует читателю два совершенно противоположных мира, один из которых представляется Толстому единственно верным и правильным, а другой олицетворяет порок и глупость.

Основными способами выражения психологизма в пьесе являются монолог, диалог, ремарки и интонационные паузы. Диалог и монолог выражают прямой психологизм: они передают внутреннее состояние действующих лиц с помощью прямой речи. Рассмотрев примеры из текста, выяснилось, что каждый из героев имеет свой характер, свою роль в драме и своё внутреннее состояние. Интонационные паузы являются выразителями суммарно-обозначающего психологизма. С помощью интонационных пауз читатель или зритель может уловить волнение героев, их замешательства. Интонационные паузы также могут выражать нехватку слов из-за гнева или плача. На примерах выяснилось, что интонационные паузы могут иметь разное значение в зависимости от ситуации и состояния персонажа. Ремарки выражают косвенный психологизм. Точно так же, как и интонационные паузы, ремарки служат для передачи эмоций героев, раскрытия их характера и внутреннего состояния.

Драматургические работы Л. Н. Толстого занимают значительное место в литературе XIX века. Но, если в эпических произведениях психологизм изучался детально, то пьесы писателя в аспекте психологизма практически не изучались.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНДЕРСЕНОВСКОГО СЮЖЕТА В ПЬЕСЕ-СКАЗКЕ Е. Л. ШВАРЦА «ТЕНЬ»

Песняк В. В.

(науч. рук. д. ф. н., проф. Александрова И. В.)

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
pesnyak_viktoriy@mail.ru; iva-510@mail.ru**

Цель работы состоит в том, чтобы через анализ интертекстуальных связей пьесы-сказки Е. Шварца со сказкой Г. Х. Андерсена выявить авторские стратегии трансформации андерсеновского сюжета отечественным писателем.

Объектом исследования стала пьеса-сказка Е. Л. Шварца «Тень» в сопоставлении с одноименной сказкой Г. Х. Андерсена.

В ходе работы были использованы структурный, сравнительно-исторический, интертекстуальный **методы**.

Сравнение пьесы-сказки Е. Л. Шварца «Тень» с претекстом включало сюжет, конфликт, персонажную систему, способы выражения авторских идей, а также выявление путей драматизации эпического произведения.

В настоящее время интертекстуальность признана одной из магистральных стратегий текстопостроения. Для данной работы продуктивны определение интертекстуальности, предложенное М. М. Бахтиным, и его идея «диалогичности» художественного текста, согласно которой осознать текст можно только при условии его соотнесения с другими текстами: «помимо данной художнику действительности он имеет дело с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном "диалоге"» [1, с. 205].

Пьесу Е. Л. Шварца «Тень» (1940) предваряют два эпиграфа. Первый указывает на ее внутреннюю связь со сказкой Андерсена и с повестью А. фон Шамиссо. Второй – на то, что пьеса не является аналогом уже известных историй, а представляет собой принципиально иное, новое произведение. Анализ показывает, что один и тот же сюжет получает разные интерпретации.

Некоторых героев Е. Л. Шварц позаимствовал у датского сказочника (Ученого, Тень, Принцессу), изменив их трактовку, и добавил новых (Пьетро, Цезаря Борджиа, Аннунциату, Юлию Джули, Доктора, министров). В отличие от сказки Андерсена, героев Шварца нельзя четко разделить на положительных и отрицательных: в равнодушных на первый взгляд персонажах могут быть живы человеческие чувства (отеческая любовь Пьетро, сентиментальность Юлии, желание Доктора спасти людей).

Значительной переработке подвергся у драматурга и образ главного героя, что повлекло за собой изменение другого персонажа – Тени. Согласно идейному замыслу Андерсена, а затем и Шварца, столкновение Ученого с Тенью – это борьба героя со своим вторым «Я», с «теневого» стороной своей души. Ученый и Тень – это, по замечанию В. Каверина, единство противоположностей, невольно уводящее мысль к идее двойника [2, с. 88].

Характеристика персонажей и событий пьесы осуществляется через содержащие повествовательный элемент диалоги героев. Герои Шварца склонны к открытому выражению своих чувств, мыслей, для этого драматург активно использует монолог. Действие в драме развивается стремительнее, чем в произведении Андерсена: события в пьесе занимают две недели, а в прозаической сказке с начала до трагического конца проходят годы.

Главное, что объединяет обе сказочные истории, – это нравственные проблемы, поднятые в них: добра и зла, совести и чести, ответственности человека за свои поступки. Создавая свою вариацию сказочного сюжета, Шварц реализует собственные не только философские, но и социально-политические идеи, не выходя за пределы жанра сказки.

Литература

1. Ильин И. П. Интертекстуальность / И. П. Ильин, Е. А. Цурганова // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М., 1999. – 319 с.
2. Каверин В. Ланцелот (Воспоминания) / В. Каверин // Театр. – 1978. – № 1. – С. 78-89.

ИНТЕРТЕКСТ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ВРАГИ»

Пономаренко Е. А.

Медицинская академия имени С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
altai2005@yandex.ru

В художественном методе А. П. Чехова, характеризующемся тщательным прорисовыванием деталей, иронией, тонким и изящным подтекстом, важно также усматривать различные типы интертекстуальных взаимодействий.

Цель исследования – выявить интертекстуальные параллели чеховского рассказа с произведениями предшествующей литературной традиции (на примере повести графа В.А. Соллогуба).

Рассказ «Враги» (1877) обнаруживает тесную связь с повестью В. А. Соллогуба «Лев» (1841). Интертекстуальный слой выявляется при характеристике одного из центральных персонажей – аристократа Абогина. Абогин – человек, принадлежащий своему времени, типичный представитель дворянской культуры: у него безукоризненные манеры, уверенная и выразительная речь, одет он изысканно и модно. Характерной особенностью его внешнего облика является сходство со *львом*, которое передаётся посредством языковых единиц, описывающих экстерьер этого животного: *грива, львиный, ноздри, большая голова*. Дело в том, что в России во второй половине XVIII в. как отражение дворянской культуры формируется новое социальное явление – «свет». В это время слово *лев* стало употребляться с прилагательным *светский*, получив значение: «законодатель мод, правил светского

поведения, покоритель женских сердец (устар., ирон.)» [2, с. 242]. (*Светский*) *Лев*, являясь культурным концептом, как типический образ представителя дворянской культуры присутствует на страницах художественных произведений вплоть до конца XIX века.

Чехов знакомит читателя с портретом персонажа, отмечая при этом особенные признаки, отличающие людей привилегированного класса от представителей других сословий. Автор подчёркивает элегантность и изысканность костюма Абогина – одну из основных составляющих образа светского льва. В данном случае наблюдается сходство аллюзивного характера: типаж из текста В. А. Соллогуба избирательно определяет элементы портретной характеристики *светского льва* у Чехова, вследствие чего комплексы определений и предикативных конструкций переносятся в текст рассказа «Враги», причём целое высказывание или строка «текста-донора» [1, с.339] присутствуют в последнем как бы «за текстом», имплицитно.

Заметим также, что *светский лев* – это человек, который не только тщательно следит за красотой внешнего вида, но и имеет манеры, отвечающие требованиям высшего света, умеет вести себя в соответствии с правилами поведения в обществе. Так, Абогин уважительно и с признанием относится к своему собеседнику доктору Кирилову. Он вежлив, обходителен, учтив. Речь его изобилует этикетными выражениями.

А. П. Чехов использует существительное *лев*, чтобы передать, с одной стороны, изящество и даже красоту внешнего облика персонажа Абогина, сравниваемого со львом, а с другой – неискренность и бесчувственность его натуры, стремящейся к удовлетворению своих низменных желаний.

Казалось бы, портретная характеристика Абогина, которую даёт А.П. Чехов (манеры, речевое поведение, физические характеристики) должна соответствовать человеку благородному, которому свойственны честь и достоинство. Однако по мере развития сюжета перед нами предстаёт другой человек – эгоистичный и неискренний, человек бездушный с фальшивыми манерами.

Кроме того, сходство с текстом В. А. Соллогуба усматривается и на уровне жанровой принадлежности. Оба произведения несут признаки водевиля:

напряжённый темп действия, запутанность интриги, возникающая благодаря такому приёму как *обман*, использование узнаваемых положений любовной коллизии.

Литература

1. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественном тексте. Теория литературы. Том II. Произведение / Н. А. Фатеева. – М.: ИМИЛИ РАН, 2011. – С. 331–373.
2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка в 3 т. – М.: Вече, 2001. – С.242.

СЕРГЕЙ ДРУЖИНИН. СОТВОРЕНИЕ МИРА В СЛОВЕ

Сеферова Ф. А.

Крымский инженерно-педагогический университет
Симферополь, Российская Федерация
fera-sef@ukr.net

Сергею Дружинину исполнилось 60 лет. Поэт, переводчик, автор поэтических сборников – таков диапазон его разностороннего дарования, его своеобразного светлого и доброго таланта. Целью данного исследования является анализ поэтических текстов С. Дружинина, осмысление новаторства его поэтической системы.

Материал и методы исследования. Исходным материалом данного исследования являются сборники стихотворений «Утро» (2000), «Вечер» (2003), «Ночь» (2004), воспринимаемые в своём единстве как одна книга поэта, книга цельная, дающая представление о творческом развитии поэтического таланта С. Дружинина. Сборники помимо стиха, общности главных художественных принципов (музыкально поэтической фразы, ассоциативность стиха и др.) объединяет и ещё одно качество, связанное уже не столько с поэтикой, сколько с философской концепцией жизни. Это постоянное ощущение Человека во времени.

Результаты и их обсуждение. Стихотворения С. Дружинина тщательно проработаны в деталях. Внешне они вполне реальны, но эта реальность наполнена ощущением таинственности, тревоги и несёт в себе информацию с античными и библейскими сюжетами, с множеством фактов общечеловеческой истории и

культуры. Здесь мы имеем дело со сложным внутренним миром художника. Исследователь Г. Темненко, анализируя влияние крымского культурного социума на формирование личности поэта, обращает внимание на «строгую форму и отточенную лексику», «ощущение произвольности поэтической игры в фантастическом мире» [2, с.3]. Л. Юнусова в ряде работ, отмечая богатство освоения С. Дружининым традиций средневековой крымскотатарской поэзии, приходит к выводу о том, что «переводы С. Дружинина являются на сегодняшний день единственным образцом поэтических опытов Менгли Герая I» [4, с.86]. О характере обращения С. Дружинина с литературной цитатой и, более широко, с крымскотатарской литературной традицией в целом также существуют наблюдения. Так, исследователь Н. Абдульвапов отмечает, что глубине понимания «поэтических успехов Гераев» содействовало появление книги «Грёзы любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга» в переводе С. Дружинина» [1, с.19].

Главный поэтический принцип С. Дружинина, на наш взгляд, точно определён самим автором: *«чтение Книги Бытия, листая ветхие страницы, В той Книге отыщи себя, как слово в длинной веренице таинственного Словаря»* [3, с.24]. Его мир и герой, созидаящий этот мир, достаточно сложны и о многом предпочитают говорить намёком, как бы незначашими словами, наполняющимися смыслом в живой плоти стиха. Недоговорённость создаёт паузы, в которых вольно плещется подтекст, расковывая и размыкая сжатую лирическую структуру. «НЕ ДО...», «К диспуту», «В зеркалах» – из стихотворений именно такого плана. В текстах ощутима некая общая мера, закон, которому естественно подчиняется весь строй стиха. Вот почему здесь так часты и неслучайны рефрены, анафоры и разного рода повторы, строящие композиционный лад стиха. А вместе с тем в лирике С. Дружинина возможны и не нарушающие этой структурной ясности скороговорки, оборванные, по внешней сути вроде бы ничего не обозначающие словесные сгустки. Он, например, может закончить стихотворение так: *«Прошу вас, люди, ради Бога, поймите, что не звери вы...»* [3, с.93] или *«...он в шахматы играет лихо, и лихо ставит шаху «шах»...»* [3, с.47].

Выводы. Таким образом отметим, что поэтические сборники «Утро», «Вечер», «Ночь» – это книги о направленности художественных поисков С. Дружинина, о таких глубинных «параметрах» его поэзии, как концепция мира и человека, жизненная позиция поэта-гражданина, философское осмысление человеческого бытия.

Литература

1. Грёзы любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга / [пер. С. Дружинин; сост., комментарии и послесловие Н. Абдульваап]. – Симферополь, 2003. – 71 с.
2. Дружинин С.А. Вечер / С. А. Дружинин. – Запорожье: Тафалар юрт, 2000. – 112 с.
3. Дружинин С. А. Ночь / С. А. Дружинин. – Запорожье, 2004. – 108 с.
4. Юнусова Л. С. Крымскотатарская литература / Л. С. Юнусова. – Симферополь : Доля, 2002. – 343 с.

ЭТНОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Сироткина Т. А.

Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Российская Федерация
sirotkina71@mail.ru

Любой многонациональный региона отличается тем, что происходит постоянный диалог между этносами и культурами, который находит отражение в самых разных текстах. В настоящей статье проблемы диалога культур рассмотрены через призму функционирования этнонимов в художественных текстах уральских писателей. Попытаемся рассмотреть, какие составляющие этого процесса отражены в произведениях А. Иванова, Н. Никонова, Ф. Решетникова, Е. Туровой, Е. Федорова.

Назовем те отличия, на основе которых происходит распознавание «своих» и «чужих». Во-первых, это внешний вид представителя того или иного этноса. Именно внешние отличия прежде всего бросаются в глаза и становятся объектом описания в художественном тексте: «Заходили они в кибитки, где у чувалов над котлами

хлопотали черноглазые башкирки: волосы у них иссиня-черные, заплетены в тонкие косы» [3, с. 98].

Другое немаловажное отличие – общность материальной культуры, представленная в многообразии ее традиционных составляющих. Многие предметы быта, описываемые в текстах исторических романов, имеют этническую маркировку, отражающую их принадлежность к культуре того или иного этноса: «Взор ее упал на кривой башкирский нож, который валялся у порога; она подобрала его и спрятала» [3, с. 89].

Следующее отличие, имеющее непосредственное отношение к процессу диалога, – общность языка. Как известно, именно языковая принадлежность служит основанием для лексикографической дефиниции этнонимов, именно язык и общность исторического прошлого являются одними их основных составляющих этнической идентичности: «Подлиповцы говорят по пермякски. Плохо понимая наши слова, или хотя и выговаривают их, но в исковерканном виде. Выговор их походит на выговор крестьян Вятской и Вологодской губерний» [2, с. 96].

Еще одно отличие – особенности вероисповедания. Являясь неотъемлемой частью духовной культуры этноса, религия позволяет отличить «своих» и «чужих», оценить поступки представителя определенного этноса через призму духовной идентичности: «А пермские боги похожи на половцев, что привязывали пленников к хвостам диких кобылиц» [1, с. 142]; «Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермякской веры держатся, слывут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами» [2, с. 32].

Таким образом, этнонимы в художественных текстах являются маркерами диалога культур, репрезентируя такие составляющие оппозиции «свой – чужой», как особенности внешнего вида, общность языка и культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции именованья. Данный вид языковых единиц помогает авторам произведений выразить идею толерантного существования представителей разных культур на определенной многонациональной территории.

Литература

1. Иванов, А. Чердынъ – княгиня гор / А. Иванов. – Пермь, 2003. – 348 с.
2. Решетников, Ф. М. Подлиповцы / Ф. М. Решетников. – М., 1977. – 192 с.
3. Федоров, Е. Демидовы / Е. Федоров. – М.: Советский писатель, 1946. – 343 с.

ОБРАЗ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. С. ФОЕРА «ВОТ Я»)

Чемезова Е. Р.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте
Ялта, Российская Федерация
chemezova4@gmail.com

На сегодняшний день в литературе США активно развивается тема национальных меньшинств и процесса их ассимиляции в культурном пространстве. Американские авторы, имеющие еврейские корни, такие как Дж. С. Фоер, обращаются к близким для них образам, связанных с культурой евреев. Роман Дж. С. Фоера «Вот я» – это современное произведение американской литературы, в котором рассказывается о жизни евреев в Соединенных Штатах Америки и за их пределами, о разнице поколений и отношениях к традициям.

Цель этого исследования – проанализировать образ еврейского народа в романе Дж. С. Фоера «Вот я». Методами исследования являются типологический метод и метод литературной герменевтики. Типологический метод был использован для определения образа еврейского народа в исследуемом материале. Метод литературной герменевтики был применен для интерпретации образа еврейского народа в романе Дж. С. Фоера «Вот я».

Обращение к описанию жизни евреев в США и за их пределами на примере семейства Блох является основной сюжета романа Дж. С. Фоера «Вот я». Автор создает настоящую летопись жизни еврейского народа, пережившего Шоа, алию, кризисы, гонения и др. Дж. С. Фоер описывает проблемы и надежды каждого поколения евреев семьи Блох от 1930-х гг. до 2040-х гг. Повествование разнопланово,

как и сами герои. Чаще всего Дж. С. Фоер показывает нам взгляд на жизнь от лица Джейкоба, отца семейства, через него посвящая во все родственные связи и конфликты большого еврейского рода, проживающего в Нью-Йорке и в Израиле. Вторая сторона, новое поколение, – это рассказ о жизни реальной и жизни в виртуальном пространстве старшего сына Сэма.

Основа образа еврейского народа – это Исаак Блох, переживший Шоа, который смог поставить на ноги весь свой род и сохранить верность традициям: «Немецкие садоводы подрезали семейное дерево Исаака до самой галисийской почвы. Но интуиция и удача <...> помогли ему укорениться на тротуарах города Вашингтона <...> и увидеть, как древо снова вытянется и раскинет ветви» [1, с. 12]. Следующее поколение, которое уже выросло в Вашингтоне, это Ирв, который убежден, что они «не религиозная семья» [1, с. 366], но при этом он соблюдает традиции: «Когда [жена] рожала, Ирв молился, <...> чтобы с ней и с ребенком все было хорошо. Когда Джейкоб родился, Ирв молился, <...> чтобы его сын надолго пережил его. <...> На бар-мице Джейкоба, стоя у Ковчега, Ирв возносил молитву, не обращаясь ни к кому. <...> Он всегда обращался ни к кому и к Царю Вселенной» [1, с. 367]. Джейкоб, сын Ирва, также посвящает своих детей в знания о традициях, рассказывая о правилах бар-мицвы, миньяне и т. д. У Джейкоба есть трое сыновей: Макс, Бенджи и Сэм, перед бар-мицвой которого умирает Исаак Блох. Все они – современные евреи, которые несмотря на нынешние устои и возможность создать синагогу в виртуальном мире, воспринимают «важнейшей еврейской ценностью саму жизнь и не различают ценность различных образов жизни» [1, с. 374].

Дж. С. Фоер представляет читателю образ еврейского народа, у которого «выживание было главной темой и главным императивом еврейского бытия с самого начала. У [них] всегда были враги, [их] всегда преследовали. [Они] всю свою жизнь выстраивали вокруг установки сохранить жизнь – с [их] историями, привычками, ценностями, мечтами и тревогами. [Они] травмированный народ. А ничто так не деформирует сознание и душу, как пережитая травма» [1, с. 373].

Литература

1. Фоер, Джонатан Сафран. Вот я / Дж. С. Фоер. – М. : Издательство «Э», 2018. – 608 с.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Черникова Л. Ф.

Российский государственный университет правосудия
Симферополь, Российская Федерация
Lidia0305@mail.ru

Цель исследования – рассмотрение вопроса функционирования языковых отношений в многонациональной Республике Крым, а также проблемы равноправия трех государственных языков. **Материалом и методом исследования** темы послужили данные исторических, культурологических, этнографических исследований о статусе государственных языков, устанавливаемые законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Крым, а также Закон Республики Крым о функционировании государственных языков, усилении консолидирующей роли, укреплении правовой основы их использования, создание условий для сохранения, изучения и самобытного развития иных языков в Республике Крым.

Результаты и их обсуждение. После вхождения Крыма в состав РФ, согласно принятой в апреле 2014 г. Конституции Республики Крым, в новом субъекте РФ провозглашены три государственных языка: русский, украинский и крымскотатарский. Крым – край многонациональный. Здесь проживает около 150 наций и народностей. Сегодня в Крыму на равных правах существуют три языка: русский, украинский и крымскотатарский, которые получили государственный статус. Об этом заявил президент Российской Федерации В.В. Путин. Однако в Крыму проживает достаточно много представителей других национальностей: крымчаки, караимы, цыгане, евреи, болгары, белорусы, молдоване, греки и др. [sevkrimrus. narod. ru]. В Конституции подчеркивается, что в Крыму признается

принцип многообразия культур, а также обеспечивается их равноправное развитие и взаимообогащение. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, обучения, воспитания. Порядок использования языков определяется специальным законом «Об использовании и применении языков в Республике Крым» [narodikrima. ru]. По мнению президента Российской Федерации В.В. Путина, «одним из первоочередных шагов после воссоединения Крыма с Россией стало законодательное закрепление равноправия ранее названных трех официальных языков [narodikrima. ru].

Тесная связь украинского и русского народов берет свое начало в общем происхождении и с единого корня – старорусской народности, создавшей Древнюю Русь. Здесь доминировал один язык – старорусский. Часть юго-западной Руси была захвачена литовскими, польскими, венгерскими феодалами, а также Турцией и Крымским ханством. Все это не могло не повлиять на языковую культуру той части Руси, которая впоследствии была названа Украиной. Соответственно, начал формироваться украинский язык, вобравший много из того, что «преподносилось» завоевателями [nash-krim. at ua/publ/krym-mnogonacionalny/ ukraincy v-krymu/istorija-zaseienija-kryma-ukraincami]. В это время начинает формироваться и современный русский язык. В связи с этим, можно говорить об относительной самостоятельности как украинского, так и русского языка, начиная с XVI–XVII столетий, когда реально складываются элементы государственности на велико-, мало- и белорусских землях, которые в дальнейшем с целью самосохранения вновь объединились в великую общую державу – Россию. Различия русского и украинского языков во многом обусловлены особенностями формирования двух наций. Украинская нация складывалась путем объединения южнорусских этнических групп, поэтому украинский язык в значительной степени сохранил древнерусскую основу. Русский и украинский (белорусский) языки близкородственные, относящиеся к одной группе восточнославянских языков. О происхождении и развитии языка невозможно говорить, не затрагивая историю происхождения и развития самого народа [sevkrimrus. narod. ru].

Крымские татары как народ сформировались в Крыму в XIII–XVII веках. Историческим ядром крымскотатарского этноса являются тюркские племена, осевшие в Крыму. Современная история крымскотатарского языка началась в конце XIX века с деятельности выдающегося просветителя Исмаила Гаспринского. Он способствовал возрождению культуры крымских татар после векового периода упадка, последовавшего за вхождением Крыма в состав Российской империи. Сохранение крымскотатарской культуры, в том числе и языка, всецело находится в руках непосредственно самих крымских татар. Сейчас проводится активная работа и мероприятия по совершенствованию крымскотатарского языка как языка национального общения. В частности, это крымскотатарские телеканалы, культурно-массовые мероприятия.

Выводы. Внедрение в жизнь языков крымского народа происходит постепенно и охватывает людей разных возрастных категорий. Намечено больше выпускать печатных изданий на государственных языках. На современном этапе развития российского общества особую актуальность и остроту приобретают проблемы государственно-правового регулирования языковых отношений в многонациональной Республике Крым (и России в целом) [nash-krim. at ua/publ/krym-mnogonacionalny/ ukraincy v-krymu/istorija- zaseienija-kryma-ukraincami].

«Языковое равноправие и социальная справедливость в пользу всех его жителей» – вот тот принцип, по которому смогут жить все национальности Крыма.

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ В КРЫМСКОМ И НЕМЕЦКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ

Шаколо А. В.

**Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
Витебск, Республика Беларусь
aleksasch-94@yandex.by**

Исследования в области дискурсивного анализа текста не теряют своей актуальности в последнее время. Целью нашего исследования является изучение

ключевых концептов крымского и немецкого сказочного дискурса на материале сказок, записанных на территории Крыма и Германии соответственно.

В качестве методов исследования послужили описательный, сравнительно-сопоставительный, метод контекстного анализа.

Именно «дом» и «лес» мы считаем ключевыми и неотъемлемыми концептами большинства сказок, по причине чего и будем рассматривать их раскрытие в крымском и немецком сказочном дискурсе на конкретных примерах.

Сказка братьев Гримм «Лесная избушка» повествует о сестрах, по очереди отправленных матерью в лес принести обед отцу. Старшая и средняя сестры не накормили животных, за что их заперли в погребе, в то время как младшая была добра со всеми, жившими в доме. За свою доброту героиня вознаграждена искренней любовью принца: «Заклятье должно было длиться до той поры, пока не явится к нам девушка, добрая сердцем, и не к одним только людям, но и к животным ласковая» [1, с. 477]. Лесу здесь уделяется особое внимание: дворец располагался в лесу, жена дровосека туда же отправляет дочерей, в наказание сестры должны работать у угольщика в лесу. Очевидно мягкое отношение к лесу в немецкой сказке, как и переплетение концептов «дом» и «лес» в одном сюжете.

Местом, полным чудес, предстает лес в сказке «Певчий попрыгун-жаворонок»; младшая дочь попросила отца привезти ей одноименную птицу: «А путь лежал через лес, и стоял в лесу прекрасный замок, и росло вблизи замка дерево, а на самой его вершине увидел он певчего прыгуна-жаворонка» [1, с. 300].

У немцев отношение к лесу не столь негативное, объяснение чему можно найти в трудах Тацита: «Германские племена живут не в поселениях городского типа, а в деревнях с окружающим их свободным пространством» [3]. Становление германцев было сопряжено с лесной местностью, отсюда и отсутствие негативных коннотаций в случае с концептом «лес».

В крымской «Сказке о блудливом кадии» дом упоминается при попытке соблазнения замужней женщины антигероем: «Отчего ты не позовешь меня к себе, когда муж твой уезжает из дому?» [2]. И далее, когда главная героиня сокрушается: «Он застанет чужого мужчину в своем доме!» [2]. Роль дома в данном случае очень

важна, так как отрицательный персонаж проявляет смелость, только когда дома нет супруга главной героини, а затем по ее восклицанию можно понять, каков ужас столкновения «своего» с «чужим» (контраст «свой дом – чужой мужчина», а также оппозиция «свой – чужой»).

В крымской волшебной сказке «О лисе и Беш-Салкым-бее» лес выступает местом действия: «На пути домой пришлось мудрому лису бежать по лесу, и напали на него охотники с собаками» [2]. Далее мудрый лис оказывается в подземном царстве, вход в которое находился в лесу, – более того, именно там, в пещере лис увидел Аджагу: «огромное чудовище ужасного вида с семью головами, <...> страшный властелин подземного мира, гроза земных царей [2]. Следовательно, по сравнению с лесом в немецком сказочном дискурсе, лес в крымской сказке намного опаснее, вместе с тем он идеально подходит для инициации. Примечательно прохождение инициации в данной сказке не человеком, а лисом, проявившего чудеса мудрости и смекалки.

Таким образом, концепты «дом» и «лес» являются неотъемлемыми составляющими крымского и немецкого сказочного дискурса. Несмотря на локальную специфику, они подчеркивают одинаковую важность для героя как дома, где он родился и вырос, так и леса, полного опасностей, угроз и неизвестности, но необходимого для прохождения инициации в крымском и немецком сказочном дискурсе.

Литература

1. Гримм, Я. Сказки / Я. Гримм, В. Гримм. – Минск : Беларусь, 1983. – 543 с.
2. Легенды и сказки Крыма // Все сказки мира [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://allskazki.ru/world/krim>. – Дата доступа: 15.02.2019.
3. Die Germanen – die Erben Roms // Ahlbacher Info Homepage [Elektronische Ressource]. – 2005. – Zugangsregime: <http://www.ahlbacher.info/germanena.htm>. – Zugangsdatum: 15.02.2019.

ОСОБЕННОСТИ КОНТЕНТА И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ТЕЛЕКАНАЛА «МИЛЛЕТ»

Яблоновская Н. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
yablon@rambler.ru

1 сентября 2015 года в Крыму начал работу первый на территории России государственный крымскотатарский телеканал «Миллет» («Нация»). Учредителем «Миллет» выступил Совет Министров Республики Крым в лице Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым [1]. «Миллет» вещает 24 часа в сутки из Симферополя.

Цель нашего исследования – определить особенности его контента и языковой политики. Контент телеканала изучался методами проблемно-тематического и контент-анализа.

Материал исследования. Целевой аудиторией ТРК «Миллет» являются представители крымскотатарского народа, проживающие в Крыму и за его пределами. Благодаря спутниковому вещанию телеканал доступен не только в России, но и в Восточной Европе, Турции и странах Центральной Азии.

Целью телеканала является сохранение и развитие крымскотатарских культуры, традиций и языка. В связи с этим более 70 % его эфира составляют программы на родном языке. В то же время «Миллет» систематически обращается и к русскоязычной аудитории, информируя ее о событиях жизни крымских татар: информационная программа «Хаберлер» («Новости») выпускается телеканалом в двух равнозначных по объёму языковых версиях – крымскотатарской и русской. На русском языке на телеканале также выходит ток-шоу «Крымский консенсус», содействующее укреплению общегражданской солидарности, проект «Спортивный характер» и др. программы.

Контент канала представлен информационными («Хаберлер» («Новости»), информационно-аналитическими (итоговая программа «7 кунь» (7 дней), а также «Учь фильжан къаве» («Три чашечки кофе»), «Бизим акъкъмыз» («Наше право»),

«Ачыкъ лаф» («Открытый разговор») и др.), развлекательными (утреннее шоу «Саба» («Утро»), кулинарная передача «Софрагъа буюрынъыз» («Добро пожаловать к столу»), музыкальный рейтинг «Бинъ хит» («Тысяча хитов») и др.), познавательными (языковой проект «Биз билемиз!» («Мы знаем!»), «Маматеке» («Одуванчик») и др.) программами.

Для детской аудитории выходит программа «Маматеке» («Одуванчик»), рубрики которой развлекают юных зрителей и приобщают их к крымскотатарскому языку, культуре, традициям, основам ислама. Чрезвычайно важной для сохранения крымскотатарского языка, особенно у детской аудитории, является и образовательная программа «Ана тили» («Родной язык»).

Особое внимание уделено на телеканале теме религии. Рубрики, посвященные исламу, есть в программах «Саба» и «Маматеке», для женщин выпускается исламская программа «Къадынлар алеми» («Мир женщины»). Цикл телевизионных программ «Селям алейкум» раскрывает общие моральные и духовные ценности ислама. Важно, что все исламские рубрики и программы телеканала направлены на гармонизацию межконфессиональных и межэтнических отношений, способствуют профилактике этнического и религиозного экстремизма.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ТРК «Миллет» стремится к удовлетворению разнообразных информационных, культурных, образовательных и рекреационных потребностей крымскотатарского народа. Особо следует отметить роль телеканала в сохранении крымскотатарского языка. Являясь этническим телеканалом, «Миллет» в то же время отображает все аспекты жизни многонационального Крыма и является одним из объединяющих факторов в республике.

Источники

1. Устав телеканала «Миллет» [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <http://trkmillet.ru/files/documents/ustav> (дата обращения 20.03.19).

8. КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Балашова И. Г., Новикова Т. Ю.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
irina.g.balashova@gmail.com, t.ju.novikova@gmail.com

Если театр начинается с вешалки (Станиславский, Немирович-Данченко), то любая коммуникация, естественно, начинается с речевого этикета. А гениальная мысль гениального Шекспира: «Весь мир – театр. В нём женщины, мужчины – все актёры. У них есть выходы, уходы, И каждый не одну играет роль», – свидетельствует о том, что каждая наша социальная роль требует своих правил выхода и ухода.

Низкая культура речи, характеризующая нынешний этап коммуникативной грамотности, объясняется тем, что культура речевого поведения стала просто необязательной и немодной, «не в тренде», по принципу, чем хуже, чем развязней «игра», тем лучше. Это часто можно наблюдать и в театре, и в жизни, к сожалению.

Если говорить о факторах, обеспечивающих успешность коммуникации, то разговор следует начинать с самого простого, но крайне важного и необходимого: с реанимации норм речевого этикета. Именно речевой этикет запускает механизм коммуникации, служит своеобразной «смазкой» для поддержки и продолжения общения, выполняя регулятивную функцию в процессе речевого взаимодействия. Речевой этикет осуществляет также функцию своеобразного переключателя, сигнализирующего о прерывании, продолжении или завершенности контакта. Поэтому умение договариваться о чем-либо, слышать другого определяется не в последнюю очередь и уровнем владения таким повседневным «дипломатическим» языком, каким является речевой этикет. Особенно это важно при межкультурной коммуникации в поликультурных обществах. Если речь идет о выстраивании

конструктивных и доброжелательных отношений в поликультурном социуме, то полезно вспомнить прекрасную идею знаменитого Сервантеса о том, что «ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость».

Интересно проследить развитие семантики слова коммуникация. Как известно, коммуникация и общение функционируют как синонимы. По определению С. И. Ожегова, общение предполагает *взаимные сношения, деловую или дружескую связь*. Для заимствованного «коммуникация» в словаре находим определение – 1. Путь сообщения, линия связи (спец.) 2. Сообщение, общение (книжн.). *Речь как средство коммуникации. Средства массовой коммуникации (печать, радио, кино, телевидение)* [5].

У В. И. Даля существительное *общенье* имеет толкование «*взаимное обращение с кем*», отмечено также значение церк.: *подавание, милостыня. Святое общение, причащенье*. Для понятия *коммуникация* В. И. Даль фиксирует только первое значение: *сообщение, пути, дороги, средства связи мест* [3]. Как видим, с развитием технического прогресса наше общение, наша речь тоже получили свою техническую характеристику. А современное общенаучное определение, предложенное, например, на портале «Гуманитарные технологии», таково: «Коммуникация – это тип активного взаимодействия между объектами любой природы, предполагающий информационный обмен» [4].

Таким образом, если в самом общении между живыми существами и в толковании понятия во времена В. И. Даля присутствовала в сознании носителя языка эмоциональная и духовная составляющая, то в последнем толковании термина коммуникация (синоним *общение*) этот смысл уже практически утрачен. На первое место выходит непосредственно механизм взаимодействия, в котором могут участвовать любые живые и неживые объекты для обмена информацией.

Однако обучение повседневной речевой дипломатии, которая обеспечивается, прежде всего, этикетом, в наш век стремительного технического прогресса становится весьма актуальным для поддержания равновесия в поликультурных средах. Межкультурная коммуникация особо чувствительна к «сбоям» и нарушениям

этикетных правил. Поэтому столь важно знать правила речевого поведения, основы вежливости в таких этнически неоднородных коллективах.

Нормы речевого поведения в многонациональном крымском социуме рассматриваются в процессе преподавания учебной дисциплины «Русский язык и культура речи» [1]. В этом университетском курсе, помимо анализа нормативного и коммуникативного компонентов культуры речи, мы непременно обращаемся к ее этическому аспекту. К сожалению, рамки учебного процесса и программа не позволяют обеспечить достаточное количество часов на изучение данного вопроса. Однако важность обращения к этическим нормам речевой культуры диктуется рядом принципиальных положений. Уровень владения речевым этикетом во многом определяет степень профессиональной пригодности человека. Знание правил речевого поведения способствует приобретению авторитета, порождает доверие и уважение. Речевой этикет в широком смысле служит средством организации и поддержания неконфликтного общения. Учитывая эти важные свойства коммуникации, мы рассматриваем на занятиях систему речевых формул общения, установленных для конкретных ситуаций приветствия, знакомства, привлечения внимания, обращения, извинения и других. Кроме того, анализируя такие характеристики речевого этикета, как тактичность, предупредительность, толерантность, обращаем внимание на использование принципов вежливости в этических нормах и правилах речи носителями различных культур: русской, украинской, крымскотатарской [2].

Поэтому особое место на занятиях по культуре речи отводится национальной специфике речевого этикета. «В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения отложился богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа» [6, с. 39]. Анализ формул речевого этикета трех основных этносов, населяющих многонациональный Крымский полуостров, позволяет обобщить некоторые нормы речевой культуры и правила делового общения на русском, украинском, крымскотатарском языках.

Литература

1. Богданович Г. Ю., Рудницкая Л. И. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Богданович Г. Ю., Рудницкая Л. И. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – 284 с.
2. Богданович Г. Ю. Речевой этикет: русско-украинско-крымскотатарские соответствия: учебное пособие / Богданович Г. Ю., Новикова Т. Ю., Балашова И. Г., Буц Н. В., Селендили Л. С., Девлетов Р. Р. – Киев: Педагогічна думка, 2012. – 200 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. ТТ. III, IV. – М.: Гос. изд. иностр. и национал. словарей, 1955.
4. Гуманитарные технологии. Аналитический портал. ISSN 2310-1792. <https://gtmarket.ru/concepts/7132>
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.

«ТОЧНОСТЬ РЕЧИ» В ЕЁ ОТНОШЕНИИ К ЯЗЫКОВЫМ И СТИЛИСТИЧЕСКИМ НОРМАМ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ПОНЯТИЯ

Богданович Г. Ю., Рудницкая Л. И.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
rudnickajal@rambler.ru

Активизация внимания исследователей и общественности к культуре русской речи в различных ее проявлениях сегодня немислима без теоретического осмысления её основ, в частности учения о качестве речи. Следует отметить, что в этом отношении сделано немало не только в античной теории стиля, русских риториках и

теории словесности XVIII – XIX вв., но и в современных научных разработках [1, с.54-57]. Однако спорными, а иногда нерешёнными остаются такие вопросы, как понятие о качестве речи, принципы оценки качества речи, классификация, взаимоотношение и своеобразие реализации этих принципов в различных стилях речи и языке художественной литературы.

Целью данного исследования является определение понятия «точность речи» в её отношении к языковым и стилистическим нормам в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи».

Точность речи может быть осмыслена с двух сторон: нормативной и функционально-стилистической. В нормативном аспекте точность речи – это употребление слов в их языковом значении. Анализ контекста с этой точки зрения направлен на то, чтобы установить, как реализованы языковые нормы в речи и как обеспечивается её адекватность передаваемой мысли. При таком анализе, как достоинство речи, отмечается отсутствие ошибок, что гарантирует её точность, или фиксируются отступления от лексических норм литературного языка, выясняются причины их появления и устанавливаются пути преодоления выявленных недочётов [2, с. 63-68]. Например, использование слова без учёта его семантики становится причиной нелогичности и даже абсурдности высказывания: *«Наша передача выходит в эфир ежедневно по средам»*; *«Мы перестали доверять телепередачам, так как нередко получаем полную деформацию о происходящих событиях»* (вместо *дезинформацию*); *«Он упал навзничь и прижался лицом к земле»* (наречие *навзничь* означает «упасть на спину, лицом вверх», а *ничком* – «лицом вниз» и т. п. Точность речи зависит также и от лексической сочетаемости. Лексическая сочетаемость определяется семантикой слов, их принадлежностью к тому или иному стилю языка, экспрессивно-эмоциональной окраской, грамматическими особенностями. Приведём пример, где это требование нарушено: *«Немало недостатков допускается при хранении техники ...»*. Автор, очевидно, хотел сказать, что при хранении техники допускаются ошибки, но по небрежности заменил слово *ошибки* словом *недостатки* и тем самым исказил смысл сказанного. *Ошибка* обозначает «неправильность» (например, *грамматическая ошибка*) или «неправильные действия, поступки»,

поэтому *ошибки* можно *допускать совершать или делать*. Слово же *недостаток*, как синонимичные ему *недочёт, изъян, пробел, дефект*, обозначает отрицательное качество или свойство кого-, чего-либо, поэтому недостаток можно *обнаружить, заметить*, но *допустить недостаток* нельзя. Такое сочетание ошибочно.

Однако неточность речи может возникнуть не только вследствие незнания законов русского литературного языка, его правил, но и вследствие плохого знания предмета речи. Такой пример неточной речи приводит Б.Н. Головин в своей книге «Как говорить правильно»: «*Наши идеи должны быть результатом материальной жизни, и тот, кто строил свои идеи, не основываясь на этом, тот не мог давать правильной идеи*». Едва ли автор этого высказывания понял сам себя: ведь здесь что ни слово, то неточность. ...Кроме того, крайне запутанное представление об отношении идей к условиям материальной жизни общества. Почему же автор так неточно выразил мысль? Очевидно потому, что не знал, как следует описать то, о чём говорил» [3, с. 123].

Снижает точность речи незнание существования в языке *паронимов* и *омонимов*, неумение нейтрализовать эти явления в речи.

В функционально-стилистическом плане точность речи предстаёт в ином виде. Она может быть осмыслена лишь с точки зрения коммуникативной целесообразности и понята как качество, создающееся применением слова в соответствии с целевой установкой. При таком истолковании точности анализ контекста предполагает стилистическую характеристику слов (скажем, из набора синонимов), использованных в контексте, определение причин выбора именно этих средств и установление того, насколько целесообразен с функциональной точки зрения такой, а не иной состав контекстов.

К примеру, текстам научной и деловой речи присуща нормативная точность, выявленные нарушения которой интерпретируются на уровне правильности. В газетно-публицистической речи, характеризующейся разнообразием коммуникативных задач, требование точности состоит прежде всего в том, чтобы целесообразно использовать материалы с целью их максимального воздействия на читателя. Поэтому точность в газетно-публицистическом стиле представляет собой

сложное явление, связанное как с правильностью и целесообразностью, так и с необходимостью эмоционального воздействия.

Ещё более сложно и своеобразно проявляется природа категории точности в языке художественной литературы. Слово здесь не только употребляется для выражения смысла, но и служит носителем образного содержания, поэтому точность художественной речи определяется прежде всего соответствием слова образному содержанию.

Таким образом, Точность речи определяется умением выбирать нужные слова, логикой мышления, знанием предмета, применением слова в соответствии с целевой установкой.

Литература

1. Аннушкин В. И. Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции: учеб. пособие / В. И. Аннушкин. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 88 с.
2. Богданович Г. Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Г. Ю. Богданович, Л. И. Рудницкая. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – 284 с.
3. Головин Б. Н. Как говорить правильно: Заметки о культуре русской речи / Б. Н. Головин. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1988. – 160 с.

КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭТИКЕТ

Гуриева С. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
gurievasv@gmail.com

Первые упоминания об речевом этикете встречаются в литературных текстах древнего Шумерского царства. Шумерцы считали, что случайная или намеренная грубость, откровенное хамство, глупая, неудачная шутка, бестактное замечание, некорректные вопросы и т.д. могли не только испортить отношения между людьми, но и привести к разногласиям, вплоть до вооруженных конфликтов и кровопролитных войн. Более того, за человеком, который не умел себя правильно вести, в обществе закреплялась соответствующая репутация, которая несопоставима

была с понятием успешность и эффективность [6]. При знакомстве с другой культурой непосредственно возникает вопрос о том, чем отличается один народ от другого. Как правило, упоминаются языковые различия, отличия в материальной культуре, а также специфические нормы, стандарты, атрибуты поведения, которые проявляются в сфере общения. Актуальность изучения данной тематики связана с ростом межкультурных контактов в современном обществе, установлением дипломатических отношений с разными странами, культурами, народами, что обостряет важность и необходимость изучения этнического вербального этикета [7]. В исследовательской программе представлены два основных блока: характеристика вербального этикета и характеристика невербального этикета. Рассмотрим подробно особенности вербального этикета в межкультурных коммуникациях. Проблема изучения вербального этикета в межкультурной коммуникации может рассматриваться на следующих уровнях: 1. Что сказать? как правильно сформулировать? 2. Как сказать? в зависимости от пола, возраста, ситуации и т.д. 3. Как данное высказывание будет понято и воспринято в реальности мира изучаемого языка [1; 4; 8]. Особенность национальных культур соотносить действие и статус в контексте культуры впервые была изучена Э. Холлом, который предложил делить культуры на высококонтекстные и низкоконтекстные (high context and low context cultures) [12]. Что сказать (содержание речи) в основном характеризует низкоконтекстные культуры (low context cultures). Как сказать (контекст коммуникации) в основном характеризует высококонтекстные культуры (high context cultures). Соответственно, одна и та же реплика в зависимости от контекста и тональности может иметь совершенно противоположное значение и смысл [11; 12].

В зависимости от контекста и содержания речи содержание вербального этикета включает в себя следующие характеристики: 1. Отношение к темпу речи, молчанию, паузам. 2. Речевые формулы, конструкты. 3. Стандартные темы и способы поддержания беседы. 4. Запретные (табуированные) темы. 5. Отношение к запретной лексике, использование эвфемизмов. 6. Общепринятые метафоры, ассоциации, притчи, легенды. 7. Различия, связанные с сословной, классовой, расовой, статусной и т.д. социальной дифференциацией в обществе [12]. Следует обратить внимание

также на такие моменты, как: кто произносит первым приветствие [9]; какие используются нормы и формы обращения [8]; какое существует отношение к изменениям в тональности, интонации [4; 8; 9]; какие приняты стандартные нормы и темы разговора, какие вопросы и/или ответы входят в обязательный минимум общения [9]; какие темы, вопросы считаются совершенно запретными или неприличными [8; 9]; в каких ситуациях допустимо использование эвфемизмов, иносказаний, умолчания и т.д.; какое оптимальное соотношение речи с невербальными средствами общения (жестами, мимикой, позами и т.д.) [11; 12]. Эффективная межкультурная коммуникация не является легким и быстрым механизмом взаимодействия между людьми. На этом пути неминуемо встречаются социально-психологические препятствия, «камни преткновения». Так, например, среди препятствий можно выделить такие, как оценочное отношение («нравится-не нравится») [3], категориальное разделение («свой-чужой») [2], этнические установки и предубеждения (этноцентризм и стереотипизация) [2; 3] и многие др. По мнению Д. Мацумото, эмоции являются ключом к эффективной межкультурной коммуникации, «тот, кто не способен контролировать свои негативные эмоциональные реакции, наладить конструктивный межкультурный процесс, останется за закрытыми дверями» [7].

Литература

1. Гуриева С. Д. Национальные стили ведения переговоров / С. Д. Гуриева // Дружининские чтения сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции / Под редакцией И. Б. Шуванова, С. В. Воронина, Ю. Э. Макаревой, А. А. Смирновой. – 2013. – С. 221-223.
2. Гуриева С. Д. Установка и формирование системы межэтнических отношений / С. Д. Гуриева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6-1. – С. 282-291.
3. Гуриева С. Д. Влияние этнического фактора на динамику межгрупповых отношений / С. Д. Гуриева // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 32. – С. 89-94.

4. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р. Д. Льюис / Пер. с англ.-2-е изд. – М.: Дело, 2001.
5. Мацумото Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – М., 2000.
6. Монтень М. Опыты / М. Монтень. –Т.1. – М., 1979.
7. Мясоедов С. П. Основы кросскультурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур / С. П. Мясоедов. – М., 2003.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово. 2000.
9. Этикет у народов Передней Азии. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
10. Gesteland Richard R. Cross-Cultural Business Behavior Copenhagen Business School Press, 2002.
11. Trompenaars F., Hampden-Turner C., Riding the waves of culture: understanding diversity in global business / McGraw-Hill, 1998.
12. Hall Ed. Beyond Culture. N. Y. 1976.

ВИДЫ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Евтихова И. М., Мишина А. И.

Крымский инженерно-педагогический университет
Симферополь, Российская Федерация
mishina2297@mail.ru

Деловая коммуникация является одним из важных компонентов, необходимых для эффективной работы организации. Без делового общения невозможно поддерживать прочные отношения с сотрудниками и клиентами. Существует несколько различных видов делового общения, каждый из которых оказывает большое влияние на бизнес, и рассмотрение этих видов общения является **целью** данной работы.

В зависимости от конкретного предприятия может быть реализовано несколько видов деловой коммуникации. Эти виды имеют некоторые общие шаблоны, но у них

разные стили предоставления информации [1, с. 25]. Наиболее распространенными видами делового общения являются:

1) Устный вид. Это древнейшая форма делового общения, но она по-прежнему остается популярной. Этот метод взаимодействия включает в себя встречи, интервью, личные задания и некоторые другие методы. Есть люди, которые считают вербальное общение лучшей формой делового общения благодаря его простоте и непосредственному взаимодействию между участниками. Человеческое взаимодействие позволяет менеджеру наблюдать за своей командой и исследовать любую форму невербального общения. Вербальная коммуникация часто приводит к недоразумениям, и участники, как правило, забывают или неправильно интерпретируют некоторые из обсуждаемых вопросов. Вот почему, когда дело доходит до чувствительных тем, многие руководители используют другую форму делового общения.

2) Письменный вид. Письменное общение считается более кратким и пояснительным. Оно состоит из официальных писем, служебных записок, плакатов, листовок и всего, что написано на бумаге. Письменная деловая связь также используется для более сложных заданий, где необходимы некоторые дополнительные инструкции. Технические отделы часто используют эту форму взаимодействия для обмена четкой информацией, не допускающей ошибок. Данный метод используется в любой юридической ситуации, например при официальных извещениях и трудовых договорах. Тем не менее, письменное деловое общение считается многими предпринимателями устаревшим методом, и в основном оно используется для юридических ситуаций. Технический прогресс дал нам новый метод коммуникации, который, кажется, стоит выше всего.

3) Электронный (Онлайн-коммуникация). Электронная связь больше не находится в экспериментальном статусе, и вскоре ожидается, что она станет стандартом, когда речь идет о деловом взаимодействии. Несмотря на другие формы делового общения, электронная деловая коммуникация может предложить все преимущества вышеупомянутых видов, и даже больше. При электронном общении информация будет доставляться быстрее, точнее и не будет зависеть от

местонахождения собеседника. Для более качественного делового общения онлайн, рекомендуется использовать продвинутую основу, которая предоставляет доступ к набору полезных инструментов [3, с. 140].

Деловая коммуникация может быть сложной концепцией, но она может принести много удовлетворения для любого предприятия. Когда компания выбирает наиболее подходящую форму коммуникации, она выбирает улучшенные межведомственные отношения, более быстрые выполнения и большую ясность внутри команды. Вышесказанное позволяет выбрать свой любимый вид делового общения на сегодня, и быть готовым улучшить развитие предприятия.

Литература

1. Александрова Л. Ю. Деловое общение: учебное пособие в таблицах и схемах для всех форм обучения всех специальностей / Л. Ю. Александрова, А. Ю. Мунши, отв. ред. Г. В. Калинина, Рос. ун-т кооп., Чебоксар. кооп. ин-т. – Чебоксары, 2010. – 135 с.
2. Зиновьев В. Н. Менеджмент: учебное пособие / В. Н. Зиновьев, И. В. Зиновьева. - 3-е изд. – М.: Дашков и К', 2010. – С. 305.
3. Самыгин С. И. Деловое общение: учебное пособие для вузов / С. И. Самыгин, А. М. Руденко. – М.: КноРус, 2010. – 436 с.

ВЫРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Набиуллина Г. А.

**Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация
GuzelNab2@yandex.ru**

Одним из важнейших направлений в изучении проблемы коммуникативного поведения является исследование средства выражения вербальной агрессии в коммуникативном поведении и языковом сознании представителей. Целью данной статьи является изучение лексико-морфологических и стилистических средств выражения агрессии в татарской лингвокультуре. Материалом исследования являются речевые формулы, извлеченные из художественных произведений

современной литературы, фразеологизмы, пословицы и поговорки. В нашем исследовании использовались описательный, семантико-стилистический методы.

Теоретические исследования показывают, что языковая агрессия является жестким выражением негативного эмоционально-оценочного отношения к кому, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление [1].

В татарском языке много фразеологизмов со значением речевой агрессии, словесного нападения, грубого речевого поведения, оскорбления и угрозы. Компонентами татарских фразеологизмов, со значением агрессивного эмоционального состояния часто выступают лексемы *ачу (злость)*, *суз (слово)*, *тел (язык)*, *тавыш (шум)*. В татарской речевой культуре агрессивный человек характеризуется метафорами *усал телле // әрем тел (злой на язык)*, *чанечкеле телле (колючий на язык)*, *ачы телле // зәһәр телле (дерзок на язык)*.

1. На лексическом уровне особый интерес вызывает использование просторечной оскорбительной лексики и элементов с негативной эмоционально-экспрессивной окраской: *жүләр (дурак, глупый)*, *надан (глупый)*, *азгын (развратный, похотливый)*, *ахмак (глупый)*, *аңгыра (тупой)* и т.д. В татарском языке встречаются слова с особыми просторечными значениями из русского языка. Сюда же относятся крайние вульгаризмы, т.е. неприличная брань (*дылда, шушера, рожса, падла, подлец, подонок* и т.д.).

Наименования животных, используя в качестве зооморфных метафор, дают отрицательную оценку человеку. С помощью названий животных *дуңгыз (свинья)*, *елан (змея)*, *төлке (лиса)*, *сарык (овец)*, *сыер (корова)*, *аю (медведь)*, *бозау (теленки)* и т.д. можно характеризовать различные стороны человека: характеристика внешнего облика, темперамента; свойств характера человека; поведения человека; социальный статус человека, и его места в обществе. Активно употребляется зооморфная метафора с компонентом *эт (эт жан (собачье отродье)*, *эт нәрсә (ну и дерьмо)*, *эттән туган // эттән туган нәмәстә (собачье отродье)*). В татарском литературном языке и речи широко распространены эпитеты, выражающие оскорбление, унижение собеседника: *күзле бүкән (чурбан неотесанный)*,

2. Структурно-синтаксическое оформление агрессии часто сопровождается междометиями, вводными словами, частицами, синтаксическими повторами. Распространенными способами структурно-синтаксического выражения речевой агрессии являются: использование императивных конструкций; вопрос и императив часто употребляются в комбинации частиц или местоимений; вводные слова также усиливают значение агрессии (миңа димәгәе, житмәсә, алай булгач) повторы глаголов, выражающие различные оттенки агрессивности, враждебности, напряженности (конструкции типа әйтәм дигәч әйтәм (сказал скажу – скажу; әйтсә әйтер (пусть скажет)).

Таким образом, основными средствами создания агрессии в татарской речевой культуре являются такие языковые средства, как метафора, эпитет, оскорбительная и бранная лексика. Императив, вводные слова, частицы, повтор глаголов и т.д. употребляются для экспрессивизации агрессии, её оценочности, «интимизации», усиления эмоциональности.

Литература

1. Петрова Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 160 с.

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пелипась Н. И.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
p_shkola@mail.ru

Цель работы – рассмотреть поведение человека в условиях межкультурной коммуникации с точки зрения невербальных средств общения – через жесты и мимику, движения и позы, выражение лица, взгляд, улыбку и пр.

Невербальная коммуникация как нельзя лучше свидетельствует об эмоциональном состоянии человека, о его чувствах и особенностях характера. Определение межкультурной

коммуникации, данное проф. А. П. Садохиным: «Межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [2, с. 34]. Прочтение любых элементов невербальной коммуникации (жестов, мимики, позы, одежды, прически) способствует достижению высокой степени взаимопонимания. В работе использованы следующие **методы исследования**: метод непосредственного наблюдения, а также обработка литературы теории и практики речевого этикета.

Невербальное общение – это «язык жестов», такие формы самовыражения, которые не опираются на слова и другие речевые символы. Австралийский специалист Алан Пиз утверждает, что с помощью слов передается 7% информации, звуковых средств – 38%, мимики, жестов, позы – 55%. Т.е. значимо не то, что говорится, а как это делается.

Речевой этикет сопровождается определенными жестам мимикой, тонами, имеющими дополнительные значения. Известно, что основные коммуникационные жесты во всем мире не отличаются друг от друга: когда люди счастливы, они улыбаются, когда печальны – хмурятся, когда не знают или не понимают, о чем идет речь – пожимают плечами. Однако нередко одно и то же выразительное движение у разных народов может иметь и совершенно различное значение, и легкомысленное обращение с обычными для нас жестами может привести к неожиданным последствиям.

Довольно часто один и тот же жест имеет не только различное, но и прямо противоположное значение. Образовав колечко из большого и указательного пальцев, американцы и многие другие народы сообщают, что дела «о'кей». Но этот же жест используют в Японии, говоря о деньгах, во Франции он означает ноль, в Греции и на о. Сардиния служит знаком отмашки, а на Мальте им характеризуют человека с извращенными половыми инстинктами. Обычный утвердительный кивок головой на юге Югославии и в Болгарии служит знаком отрицания. Немцы часто поднимают брови в знак восхищения чьей-то идеей, в Англии так выражают скептицизм. В любой культуре жесты неискренности связаны с левой рукой. Она выдает тайные эмоции своего владельца. Поэтому, если в разговоре собеседник

жестикулирует левой рукой, есть большая вероятность, что он говорит не то, что думает, или просто негативно относится к происходящему. Следует сменить тему разговора или вообще прервать его. Для американца отказ разговаривать с человеком, находящимся с ним в одном помещении, означает крайнюю степень отрицательного к нему отношения. В Англии это общепринятое правило.

Таким образом, не зная различий невербального общения разных народов, можно попасть в неловкую ситуацию, обидев или оскорбив собеседника. Во избежание этого каждый менеджер, особенно если он имеет дело с зарубежными партнерами, должен быть осведомлен о различиях в трактовке жестов, мимики и телодвижений представителями делового мира в различных странах.

Литература

1. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
2. Садохин, А. П. Введение в межкультурную коммуникацию / А. П. Садохин – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПИАРА (НА ПРИМЕРЕ Ф. КИРКОВОРА)

Симоненко Н. В.

(науч. рук. к.ф.н., доц. Ачилова Е. Л.)

**Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
romelpwnz@gmail.com**

В последние десятилетия агрессия как психологическое и лингвистическое явление вызывает повышенный интерес исследователей. Средства вербальной агрессии, в том числе в СМИ, активно изучаются лингвистами (К. Ф. Седов, Е. Н. Петрова, Л. В. Рацибурская, Л. В. Шипова, Ю. В. Щербинина, А. А. Алексева, В. В. Антропова, Л. А. Козловская, А. В. Курьянович). Языковеды анализируют жанры агрессии (В. А. Ефремов, С. Мисисян, Н. Б. Итжанова), а также инвективу как

специфическое психолингвистическое явление (В. И. Жельвис, С. Г. Воркачев, С. Н. Засыпкин, Г. Н. Салимова, Р. А. Газизов, Т. А. Золотаренко).

Под речевой агрессией понимают «жестокое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [1, с. 24].

Целью исследования является описание и анализ агрессии в создании негативного образа популярного лица (Ф. Киркорова). Материалом исследования стало творчество Ф. Киркорова, а также его интервью и пресс-конференции. Основные методы работы: метод сплошной выборки, метод описательного и контекстуального анализа.

Как известно, пиар сегодня активно используется для популяризации творческих персон и продвижения продукта их творчества. Пиар – это вид коммуникации, который направлен на привлечение внимания к кому-либо или чему-либо. Пиар в своей деятельности использует различные приемы и инструменты.

Филипп Киркоров – певец, популярный в России и за ее пределами. В настоящее время упор в образе Киркорова сделан на негативные проявления его поведения. Киркоров все чаще становится жертвой желтой прессы, где детально освещается его творчество, поведение в обществе, а также его общение с коллегами и журналистами. Агрессия стала отражением образа артиста. Ее проявление может быть спровоцировано невинным замечанием в его адрес, усмешкой, неправильно подобранными словами.

Агрессия проявляется и в творчестве Киркорова (скандально известные клипы, вышедшие в последний год – «Ибица» и извинения за эту работу). Многие критики и журналисты дали негативную оценку упомянутым работам артиста. Его произведения также вызвали общественный резонанс.

Благодаря своему агрессивному поведению певец остается в центре внимания публики и журналистов. Его поведение привлекает аудиторию, его обсуждают и осуждают. Поэтому стоит сказать, что агрессия – это провокация, работающая на

пиар. Киркоров остается у слушателей одним из самых обсуждаемых певцов российской эстрады.

Таким образом, агрессия имеет большое значение для формирования образа артиста. Она является одним из видов пиара, который направлен на привлечение внимания публики.

Литература

1. Петрова Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М.: ФЛИНТА: Наука. – 160 с.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ЖУРНАЛИСТА КРЫМА

Чабаненко Т. С.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
kostina-tatyana@mail.ru

Проблема соблюдения норм литературного языка в последние годы все чаще становится предметом обсуждения в научной среде и в обществе. Для охраны русского языка предпринимаются меры и на законодательном уровне: в 2005 г. принят закон «О государственном языке Российской Федерации», а в 2012 г. он дополнен Комментарием, включающим словарь «Нормы современного русского языка как государственного». Важная роль в популяризации грамотности принадлежит СМИ. На телевидении и радио в разные годы появляются передачи, посвященные русскому языку и культуре речи. Но, если говорить о речи журналистов, звучащей с экранов, о статьях в газетах и журналах, мы видим, что «имеем дело с общим снижением культурно-речевого уровня использования языка в СМИ» [2, с. 30]. Актуальным остается заголовок из «Независимой газеты» за 2000 г.: «Журналистов надо учить и учить!».

Чтобы обучение было максимально эффективным, следует понимать, какие речевые ошибки допускаются чаще других. **Цель** работы – выявить наиболее

распространенные речевые ошибки в газетах Крыма. **Языковой материал** извлечен из номеров «Крымской газеты» и «Крымской правды».

Мы обнаружили, что ошибки разных типов встречаются почти в каждом выпуске, а больше всего проблем у крымских журналистов вызывает синтаксический уровень языка. Отмечено множество пунктуационных ошибок, чаще всего – при стыке союзов в сложном предложении, а также в вопросе обособления дополнений: ***Согласно проекту, должны быть проложены дополнительные дорожки к детской площадке и спорткомплексу*** (Крымская газета, 12.03.2019); ***В Госкоммитете по ценам и тарифам РК сообщили, что хоть проезд и дорожает, все равно он самый низкий среди регионов Южного Федерального округа*** (Крымская правда, 22.03.2019). Среди синтаксических ошибок нередко нарушения правил согласования подлежащего и сказуемого, причастного оборота и определяемого слова: ***Даже те, кто до этого момента скептически относился к народным песням, за один вечер превратился в восторженного почитателя*** (Крымская газета, 06.03.2019); ***Это праздник наступления весны у тюрко- и персоязычных народов, символизирующего пробуждение природы, очищение души и начало новой жизни*** (Крымская газета, 13.03.2019). Но особенно часто авторы газетных статей ошибаются, используя союз *не только... но и*, например: ***Тогда водителя могут не только лишить прав, но и свободы*** (Крымская правда, 26.03.2019).

Итак, анализ крымских газет показал, что в нашей республике проблема нарушения языковых норм стоит особенно остро. Связано это, вероятно, и с тем, что многие годы количество часов на изучение русского языка в школах и вузах Крыма регулярно уменьшалось. Необходимо планомерное сотрудничество специалистов-филологов, журналистов и их руководителей, направленное на повышение грамотности работников СМИ.

Литература

1. Добросклонская Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 3. – С. 38–53.

2. Караулов Ю. Н. О состоянии современного русского языка / Ю. Н. Караулов // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 25–30.
3. Якимова А. Е. Соблюдение норм современного русского литературного языка как фактор духовно-нравственного воспитания / А. Е. Якимова // Электронный научно-методический журнал КОИРО. – 2013. – Вып. 14(2) – Режим доступа к журн.: <http://www.eduportal44.ru/koiro/enpj/>.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВИЛЬНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Шемигон Г. И.

**ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Гуманитарно-педагогический институт
Симферополь, Российская Федерация
belova_galina@bk.ru**

Речевое поведение всех участников, в первую очередь учителя, при обучении в начальных классах играет роль, определяющую правильность его деятельности. Правильным оно может быть только если основой его является диалог. Речевым поведением, по мнению И.А. Зимней, является «специфическая и неотъемлемая часть человеческого поведения в целом как сложной системы поступков, действий, движений» [1, с. 52]. Наличие в речевом поведении системы поступков позволяет выделять ее две части: «означаемое – характер воздействия на партнера и означающее – внешняя исполнительная часть речевой деятельности или речевого действия» [1, с. 52]. За «означаемое», по нашему мнению, принимается реализация смыслов, поиск ответа на вопрос «Зачем?», который можно получить только в процессе учебного диалога. «Означающее» подразумевает под собой действие или процесс получения искомого смысла, происходящий в результате осуществления речевых поступков.

Наличие внутреннего диалога позволяет его участникам понимать друг друга на основе осознаний высказываний, которые обеспечивают во внутреннем плане речевой деятельности процесс смыслообразования. При поиске смысла в учебном

диалоге в первую очередь следует обратить внимание на постановку проблемы, так как именно принятие говорящим проблемы означает проникновение в смысл диалога. Данный процесс неизбежно влечет за собой предположение – построение гипотезы, в котором ученики осознают конечный результат, спрогнозированный в начале диалога. В структуре учебного диалога кроме постановки проблемы и гипотезы должны выделяться как отдельные этапы открытие, осуществляемое в подборе правильной гипотезы, проверка сделанного открытия и рефлексия, позволяющая сделать выводы [2].

Второй частью в речевом поведении выступает система речевых поступков («означающее»). Речевой поступок как действие должен осуществляться в несколько этапов. На первом этапе субъект, опираясь на замысел, определяет намерения как элементы будущих действий. При этом участникам диалога необходимо ответить на вопрос: что нужно сделать, чтобы достичь необходимого решения проблемы. На втором этапе осуществляется программирование деятельности: субъектом определяется стратегия будущей деятельности, результат, которого он хотел бы достичь, а также происходит внутреннее программирование своей речи. Однако замысел может остаться на уровне внутренней речи. На следующем этапе выполняется непосредственно речевой поступок в форме конкретного речевого жанра. Четвертый этап выражен контролем речевого поступка в плане его сопоставления со вторым этапом (желаемым результатом). И на пятом (заключительном) этапе осуществляется оценка речевого поступка на уровне самооценки и оценки окружающих.

При соотнесении данных этапов с этапами учебного диалога четко прослеживается, что этап намерения аналогичен этапу постановки проблемы в учебном диалоге; этап программирования деятельности по своим характеристикам отвечает этапу построения гипотезы; этап реализации речевого поступка в форме речевого жанра соотносится с этапом открытия; этап контроля соизмерим с этапом проверки сделанных открытий, а этап оценки равен этапу рефлексии.

Представленная система отношений показывает связь учебного диалога и речевого поступка, без чего невозможна организация учебно-исследовательской

деятельности. Правильное речевое поведение возможно только на основе учебного диалога. Для такого поведения следует выполнять правила речевых поступков:

- во время учебного диалога говорить только по теме обсуждения;
- любое высказывание должно быть обоснованным;
- мысли нужно излагать внятно, четко, без лишней многословности;
- в репликах следует использовать группы формул речевого этикета.

Литература

1. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
2. Штец, А. А. Исследовательский урок диалогового обучения младших школьников первоначальному чтению / А. А. Штец, Г. И. Шемигон // Образование и воспитание. – 2016. – №1. – С. 43-48.

ПРОГРАММА 2.0: «КУЛЬТУРА ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ» В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Шилина А. Г., Субботина О. А.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
angela_shilina@bk.ru; subbotiny08@mail.ru

Предлагаемый доклад представляет собой, с одной стороны, «отчет о проделанной работе», с другой – «план дальнейших действий».

Напомним коллегам о том, что в 2016 году в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского была утверждена дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Культура письменной

речи и правила оформления служебных документов» для государственных гражданских служащих Республики Крым [1].

В период с 2016 года по 2018 год слушатели Министерства финансов Республики Крым, Министерства топлива и энергетики Республики Крым, Министерства сельского хозяйства Республики Крым, Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым посетили цикл занятий по программе, приняли участие в итоговой аттестации и получили удостоверения о повышении квалификации.

За три года реализации программы удалось достигнуть таких учебно-методических результатов:

- разработать 15-20-минутные лекции с презентациями к тематическим модулям;
- подготовить базу верифицированных заданий и тестов;
- сформировать и апробировать концепцию итоговой аттестации;
- разработать схему самостоятельной работы слушателей;
- инициировать онлайн-консультирование государственных гражданских служащих;
- выявить перечень часто задаваемых вопросов в ходе круглых столов и включить их в тематические модули программы;
- создать «учебно-методический банк» контекстов-примеров из профессионального дискурса государственных гражданских служащих.

В 2019 году программа «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» вошла в новую дидактическую точку бифуркации: формируются группы слушателей – представителей новых, ещё не задействованных в процессе повышения квалификации министерств, и разрабатываются инновационные модули занятий, коррелирующих с профессиональными потребностями госслужащих.

Литература

1. Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации. Культура письменной речи и правила оформления служебных документов / Сост. А. Г. Шилина, О. А. Субботина. – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – 50 с.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Яценко Т. А.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация

Формы речевого этикета, регулирующие правила речевого поведения, тесно связаны с особенностями национальной культуры и национального менталитета, поэтому они являются важным объектом изучения лингвокультурологии.

Известно, что успешность культурного взаимодействия определяется не только знанием языка, но и знанием культуры народа, к сфере которой относится и речевой этикет. «Коммуникативное поведение людей является компонентом их национальной культуры, регулируется их национальными нормами и традициями, которые имеют глубокие исторические корни» [4, с. 19].

Именно с позиций коммуникативного поведения людей, связанных с определенной национальной культурой и в то же время стремящихся к корректному межкультурному взаимодействию, крымскими лингвистами и методистами создано учебное пособие «Речевой этикет: русско-украинско-крымскотатарские соответствия» [5].

Новизна представляемого нами материала заключается в обосновании методической целесообразности обращения к аспекту межкультурной коммуникации, выявлению лингвокультурологических особенностей форм речевого этикета при подготовке по специальности «русистика» бакалавров и магистров,

которые будут преподавать русский язык у себя на родине или работать переводчиками в различных сферах.

В ряде современных работ по межкультурной коммуникации и межэтническим отношениям в особый раздел / подраздел выделяется материал по речевому этикету [1; 2; 3; 4; 6].

Преподавателю иностранного языка при объяснении формул речевого этикета целесообразно обращаться не только к их семантизации и выяснению прагматического содержания, но и к комментированию культурной обусловленности использования, что необходимо для изучения языка в контексте культуры. «Коммуникативные провалы общения» в иноязычной среде объясняются часто не незнанием языковых форм речевого этикета, а незнанием принципов «культурных сценариев», характерных для того или иного народа. Понятие «культурных сценариев» подробно рассматривается в работах Анны Вежбицкой [2; 7], считающей, что культурные нормы, характерные для коммуникации в определенной национальной среде, могут быть представлены в виде культурных сценариев, которые формулируются «в терминах лексических универсалий, то есть универсальных концептов, лексикализованных во всех языках мира» [2, с.123]. Культурные сценарии помогают понять «культурную логику, которая является основой чужого **речевого поведения**» [там же, с.212].

Для успешности межкультурной коммуникации необходимо следование принципу *эмпатии*, который основывается на умении поставить себя на место другого человека, в том числе – на место носителя другой культуры, понять мотивы его поведения, включая речевое поведение, и учесть это в своем собственном поведении. *Эмпатия* в определенном смысле противопоставляется *симпатии*, основывающейся на позитивной оценке «другого» со своей точки зрения. По образному выражению М. Беннета, известного ученого, имеющего опыт преподавания межкультурной коммуникации, когда мы при общении с представителями других культур следуем «золотому правилу нравственности» («поступай с людьми так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой»), то мы проявляем симпатию. Если же мы при общении с представителями других культур

способны принять их мировоззрение, мораль, чувства, поступки, то мы следуем «платиновому правилу нравственности» («поступай с другими так, как они поступали бы сами с собой»), и тем самым проявляем **эмпатию**.

Принцип эмпатии имеет непосредственное отношение к использованию форм речевого этикета. Рассмотрим правила использования вопроса *как дела?*, обычно расширяющего по горизонтали формулы приветствия. В ряде учебных пособий по методике преподавания русского языка указывается, что этот вопрос некорректен в ситуации обращения младшего к старшему, (по возрасту и социальному статусу) в частности, студента – к преподавателю.

Практика преподавания русского языка в иноязычной аудитории, а также опыт общения с представителями разных культур (североамериканской, южноамериканской, китайской, арабской, турецкой и др.) показывает, что даже те люди, которые знают это правило, не хотят использовать его в практике общения. С их точки зрения, не задать вопрос человеку о его делах и его здоровье – это значит выразить безразличие или даже неуважение. Очевидно, преподавателю следует проявить толерантность, следуя правилу эмпатии, и не воспринимать вопрос *как ваши дела?* со стороны иностранных студентов как проявление их невоспитанности или фамильярности. То же самое можно сказать о формах обращения к преподавателю.

Таким образом, теоретические проблемы межкультурной коммуникации могут быть непосредственно связаны с практикой изучения речевого этикета.

Литература

1. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте лингвокультурологии: монография / Г. Ю. Богданович. – 3 изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2017. – 308 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер.с англ А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
3. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Грушевицкая Т. Г., Попков В.Д., Садохин А. П. / Под ред. А. П.Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.

4. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Со-поставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
5. Речевой этикет: русско-украинско-крымскотатарские соответствия: учебное пособие / Г. Ю. Богданович, Т. Ю. Новикова, И. Г. Балашова и др. – Киев: Педагогическая мысль, 2012. – 200 с.
6. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово \ Slovo, 2000. – 264 с.

АВТОРЫ

Аидинова Эльмаз Джевдетовна – обучающаяся магистратуры факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Алиева Васфие Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Андрейченко Оксана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Асламазашвили Наталья Викторовна – обучающаяся магистратуры факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Ачилова Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Ачилова Вера Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, г. Москва

Бакуменко Геннадий Владимирович – преподаватель ОЧУ ВО «Армавирский социально-психологический институт», г. Армавир

Балашова Ирина Георгиевна – старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Бедулина Галина Федоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии УО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск, Республика Беларусь

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Бришкар Анастасия Андреевна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Валеева Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Вовк Марина Витальевна – ассистент Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт», г. Москва

Володченко Ольга Николаевна – кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Волокитин Дмитрий Юрьевич – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Воронцова-Маралина Анна Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой филологии и журналистики АНО ВО «Российский православный университет святого Иоанна Богослова», г. Москва

Выhtar Юлия Викторовна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Ганчар Наталия Петровна – учитель английского языка ГУО «Гимназия №9 им. Ф. П. Кириченко», г. Гродно, Республика Беларусь

Гладкая Ирина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Гладкова Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Голикова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Института Гуманитарных технологий Российского нового университета, г. Москва

Гришакова Анастасия Александровна – обучающаяся Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта

Грищенко Анастасия Сергеевна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Грозьян Нина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой украинской филологии филологического факультета ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Гуменюк Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой украинской филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Гуменюк Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Гуриева Светлана Дзахотовна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Давыдкина Анастасия Сергеевна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Декань Кристина Юрьевна – обучающаяся Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта

Дёминова Мария Сергеевна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Деркач Василий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Дзына Анастасия Витальевна – обучающаяся магистратуры факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург

Диброва Сергей Михайлович – старший преподаватель кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Дикарева Светлана Самуиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Евтихова Ирина Митрофановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии филологического факультета ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Елизарова Ольга Олеговна – аспирант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Емельянова Виктория Леонидовна – обучающаяся магистратуры факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Ерина Татьяна Фёдоровна – преподаватель кафедры лингвистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России», г. Краснодар

Ефанов Александр Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина», г. Москва

Жуков Дмитрий Юрьевич – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Забашта Роман Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Забело Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Каневская Светлана Григорьевна – обучающаяся магистратуры факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Ким Дмитрий Анатольевич – преподаватель кафедры современного русского языка филологического факультета ФГБУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Коврыгина Юлия Владимировна – обучающаяся магистратуры филологического факультета ФГБУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Кондратская Виктория Леонидовна – кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Кондратьева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий ФГБУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Коновалова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Корепанов Дмитрий Алексеевич – обучающийся ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения

Кравченко Елена Виталиевна – ассистент кафедры межкузыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Кривенко Оксана Вячеславовна кандидат филологических наук, ассистент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Куракова Инна Александровна – аспирант кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта

Курьянов Сергей Олегович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Курьянова Валерия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Лагутина Ольга Сергеевна – аспирант кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, г. Краснодар

Литвинчук Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Лушникова Галина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта

Лях Валентина Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, г. Краснодар

Майгур Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения», г. Самара

Малий Александра Олеговна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Малярчук-Прошина Ульяна Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Мартынюк Анна Ярославовна – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Матив Татьяна Зиновьевна – старший преподаватель кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Матюхин Андрей Николаевич ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Машенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Митрохина Леся Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Михайлишина Анастасия Юльевна – магистр факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Мишина Анна Игоревна – обучающаяся магистратуры филологического факультета ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Москаленко Максим Русланович – кандидат исторических наук, доцент, «Филиал Удмуртского государственного университета в г. Нижняя Тура», г. Нижняя Тура

Мосьян Светлана Алексеевна – лаборант филологического факультета ФГБУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Мочалова Надежда Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного института (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил

Мудрак Лидия Руслановна – обучающаяся магистратуры факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Муратова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Набиуллина Гузель Амировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, г. Казань

Назарова Ирина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар

Неелова Ольга Игоревна – аспирант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Никифорова Ольга Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского», г. Арзамас

Новикова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Номинат Александра Владимировна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Осадчая Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта

Павловская Ольга Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и речевой коммуникации ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», г. Краснодар

Паникина Ольга Игоревна – обучающаяся магистратуры кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Евпатория

Пелипась Николай Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Песняк Виктория Владимировна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Полежаева Светлана Серафимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Республика Молдова

Пономаренко Елена Аликовна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Медицинской академии имени С. И. Георгиевского» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Пономаренко Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка филологического факультета ФГБУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Потапенко Геннадий Витальевич – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Прайд Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Прудникова Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры начального образования ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Регушевская Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Рудницкая Людмила Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Рындыч Анастасия Вячеславовна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Сеферова Фера Асановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-Педагогический университет», г. Симферополь

Симоненко Николай Вадимович – обучающийся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Синельникова Лара Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, украинской филологии и методик преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте, г. Ялта

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут

Стоянович Влада Владимировна – обучающаяся магистратуры филологического факультета ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Сурган Марина Александровна – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Тараканова Елена Камильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки» Новомосковского института (филиал) ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева», г. Новомосковск

Теуш Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Томина Светлана Петровна – старший преподаватель кафедры «Русский и иностранные языки» Новомосковского института (филиал) ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева», г. Новомосковск

Трофимов Андрей Юрьевич – ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Трушина Анастасия Олеговна – обучающаяся факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Уварова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России», г. Краснодар

Ушакова Дарья Николаевна – обучающаяся магистратуры филологического факультета ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Фомочкина Алина Сергеевна – обучающаяся магистратуры факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Харькова Александра Андреевна – обучающаяся магистратуры Института гуманитарных технологий Российского нового университета, г. Москва

Хасанова Марина Сергеевна – аспирант Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург

Хитарова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Хитарова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», г. Краснодар

Хорошилова Людмила Григорьевна – старший преподаватель кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Чабаненко Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Чемезова Екатерина Рудольфовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранной филологии и методики преподавания Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта

Черникова Лидия Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

Чернобривец Светлана Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Чибирева Елена Ильинична – старший преподаватель Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, г. Ялта

Шаколо Александр Вячеславович – аспирант кафедры германской филологии УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

Шемигон Галина Ивановна – аспирант кафедры дошкольного, начального и специального образования Гуманитарно-педагогического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Шилина Анжела Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Щербачук Лидия Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Юдин Иван Валерьевич – кандидат политических наук, доцент Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт », г. Москва

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Яценко Татьяна Антоновна – доктор филологических наук, профессор кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь